

М И Р знаний

А.А. БРАГИНА

Русское слово в языках мира

МИР ЗНАНИЙ

А. А. БРАГИНА

Русское слово в языках мира

Книга для внеклассного чтения

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1978

Брагина А. А.

Б 87 Русское слово в языках мира. Книга для внеклассного чтения. М., «Просвещение», 1978. (Мир знаний).

191 с. с ил.

В популярной форме автор рассказывает о том, как русское слово проникает в различные языки мира. В книге приводятся сведения о первых заимствованиях из русского языка, говорится о тех условиях, которые способствуют проникновению русских слов в языки мира в наши дни.

Б 60601-828
103 (03)-78 287-78

4Р

© Издательство «Просвещение», 1978 г.

Нашему юному читателю

Это книга о русском слове в языках мира. Вам, юные читатели, предстоит познакомиться с тем, как проникают русские слова во многие языки мира. Вы уже знаете из школьного учебника, что новое время приносит новые слова, часть из которых заимствована из других языков в процессе общения между народами. Так возникает проблема старого и нового, своего и чужого в каждом из живых языков. Вы знаете также такие слова в русском языке, как *музей, портфель, метрополитен, мотель, кемпинг*. Они пришли в русский язык из разных языков и в разное время, но стали уже своими словами.

Русское слово также проникает в другие языки мира. Вот об этом и пойдет рассказ в нашей книге.

Как и когда проникают русские слова в другие языки? Что может донести до наших дней слово? Что сохранило оно из русской истории прошедших дней, что передает оно сейчас, что внесло в другой язык и как сложилась его жизнь в других языках?

Читая эту книгу, вы, юные читатели, попадете в далекие, давно ушедшие времена, побываете в разных уголках мира, познакомитесь с разными народами земного шара, найдете на карте мира много русских имен.

Но, наблюдая жизнь слова, вы, юные читатели, не уйдете только в далекие времена. Перед вами раскроется современная история слов — русских слов — сигналов новой эпохи, эпохи Великой Октябрьской социалистической революции, Советского государства.

В кратких «Вступительных замечаниях» вы увидите и оцените роль заимствованных слов в живых языках, в общении между народами. Затем вы узнаете о словах — давних и новых полпредах нашей страны за рубежом. Первоначально это были чаще всего названия вещей из русского быта, но постепенно с развитием нашей страны появляется все больше и больше слов, представляющих наш мир идей. После Великой Октябрьской социалистической революции трудно найти язык, который бы не воспринял новые слова — советизмы, рожденные Октябрем, новой жизнью нашей страны.

Читая книгу, вы увидите, как языковые факты сплетены с историей, литературой, географией тех стран, где жило и где живет теперь слово. Следы общения между разными народами, сохранившиеся в словах, помогут представить, даже, может быть, мысленно нарисовать живые картины минувших встреч с самыми разными народами, отметить новые пути русского слова в языках мира.

Помимо собственных наблюдений автора, основой книги о русском слове в других языках мира были в первую очередь разыскания замечательного советского ученого М. П. Алексеева, посвятившего немало уникальных работ англо-русским, испано-русским, французско-русским и другим литературным и языковым отношениям. Исследования советского ученого В. М. Жирмунского были также значительной опорой в толковании и осмыслении языкового материала, как и работы других известных советских лингвистов-филологов: В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Р. А. Будагова, Ю. С. Сорокина, Ф. П. Филина и др.

Книга о русском слове в языках мира как бы продолжает рассказ о русском языке, начатый в книге В. Г. Костомарова «Русский язык среди других языков мира» (М., «Просвещение», 1975), рассказ о том, как заимствованное русское слово не только запечатлевает факт общения, но и дарит другому народу частицу духовного богатства своего народа, которое хранится в значении самого слова.

В трудных поисках конкретного материала о русском слове в других языках мира автору были дороги доброжелательные отклики и консультации профессоров, докторов филологических наук Г. В. Колшанского, В. Г. Гака, А. Д. Швейцера, члена Географического общества СССР, контр-адмирала Е. Е. Шведе.

Автор рад возможности выразить свою признательность и благодарность рецензентам книги — члену-корреспонденту АПН СССР, доктору филологических наук, профессору И. Ф. Протченко и преподавателю школы № 67 Ленинграда И. М. Епанчинцевой за советы и критические замечания.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

— *Сдрав, брате, сестрицо! Добро (й) день!* — эти родные и близкие слова приветствия находим мы в древних греческих записях. Множество языков слышал в ту давнюю пору Константинополь. И вот из далеких X—XII веков тянется след добрососедского отношения, скупые, но очень важные сведения о взаимообщении народов.

Так краткая запись — несколько слов — запечатлела общение, дружеские связи наших давних предков с Византией.

И совсем недавний случай далекого проникновения русского слова уже не во времени, а в пространстве. Произошел он в глубине Африки, в сердце страны догонов, в саванне у уступа Бандигар 20 апреля 1961 года. Современная цивилизация едва коснулась догонов, их образ жизни был таким, как и тысячелетие назад. Они никогда не видели русских.

« — Но вы что-нибудь знаете о Советском Союзе? О России? »

— Нет, мсье, — равнодушно ответил вождь, немного говоривший по-французски.

Кому-то из нас пришлось в голову подарить на память вождю значок с изображением искусственного спутника Земли...» — сообщает И. Забелин, автор путевых заметок.

« — Что такое искусственный спутник? — спросил вождь. »

Наш товарищ принялся растолковывать ему суть дела, но вождь явно не понимал его, и тогда наш товарищ,

отчаявшись, сказал, что искусственный спутник — это такая штука, которая крутится вокруг Земли потому, что ее запустили люди...

— Ха! — резко выдохнул вождь. — Гагарин!

Не будь я сам тому свидетелем, я бы, наверное, с трудом поверил, что фамилия первого в мире космонавта была произнесена в пещерах догонов на восьмой день после его полета. Но невероятное случилось: крохотный полупроводниковый приемник — единственный в догонской деревне Санга — поймал имя, звучавшее в те дни на всех радиоволнах, и вождь запомнил его и теперь стал понимать, кто мы и откуда!

Так первый космический путешественник принял эстафету путешественников земных, так помог он установлению связи человека с человеком...» — заключает этот рассказ на страницах журнала «Юность» в 1975 году известный советский географ И. Забелин.

Слова, как видим, сохраняют не только отблеск былых времен, раскрывают завесу веков, представляя картину ушедшей жизни. Слова прокладывают дорогу к взаимопониманию современных людей, представляют их друг другу, строят между ними мосты дружбы и сотрудничества.

Обычно, говоря об истории слова, его значении и связи с жизнью и бытом народа, в первую очередь подразумевают родной язык. С такой попыткой раскрыть взаимосвязь слов и жизненных явлений столкнулся Паустовский и рассказал о ней в произведении «Золотая роза».

«... Найдешь слову объяснение и радуешься... — делится с писателем знакомый ему лесник. — Да вот этот самый *родник*. Я это слово давно приметил. Все его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода *зарождается*. *Родник родит* реку, а река льется — течет через всю нашу матушку-землю, через всю *родину*, кормит *народ*. Вы глядите, как это складно выходит, — *родник, родина, народ*. И все эти слова как бы *родня* между собой. Как бы родня!»

Но наблюдения над языком обнаруживают не только родство слов внутри каждого из языков, но и родство или несходство самих языков. Так, языки романские (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский и классический, но уже мертвый латинский), германские (английский, немецкий, шведский, норвеж-

ский, датский), славянские (мертвый старославянский, западные — чешский, польский, словацкий; южные — болгарский, словенский, сербскохорватский; восточные — русский, украинский, белорусский), индийские (уже мертвые — ведийский и санскрит и живые — хинди и бенгали), кельтские, иранские, балтийские, армянский, албанский и греческий языки составляют семью индоевропейских языков.

В долгой — спокойной и бурной — жизни возникает общение между родственными и неродственными народами, и языки — родственные и неродственные — как бы вторично роднятся: протягиваются ниточки взаимовлияний и взаимобмена. Появляются заимствованные слова, чужие в заимствующем языке. Но постепенно эти слова ассимилируются и как бы растворяются в новой языковой среде, и все же заимствованное слово очень долго, а иногда и всю свою жизнь несет отпечаток прежнего существования, отпечаток образа мыслей, чувств, представлений другого народа.

Историки языка обращают внимание на ряды слов с общим корнем, но с разошедшимися в разных языках значениями. Русское слово *стрела* и болгарское *стрела* 'стрела, игла', словенское *stréla* 'стрела, молния', польское *strzala* 'снаряд', латышское *strēla* 'стрела, метательный снаряд, полоса, порыв ветра, струя', литовское *strėlė* 'стрела', словинское *strāla* 'луч', древневерхне-немецкое *strāla* 'луч' достались от народа, который жил в Европе до появления здесь славян, прибалтийцев и германцев. В каждом языке развитие слова и по форме, и по содержанию шло своим путем; ср.: *стрела* — луч, *стрела* летящая и порыв ветра, *стрела* — метательный снаряд. Но сходство между разными предметами в каждом языке, т. е. у каждого народа, выявляется по-своему. Русские ассоциации со словом *стрела* отразились в полисемии слова и в его сочетаемости с другими словами: *стрела* (из лука), *стрела* (указатель направления) или *стрелка* (часов, компаса), *стрелка* (узкий мыс) или лук пошел в *стрелку*, чулки со *стрелкой*, *стрела* башенного крана и т. п.

Заимствованное слово может получать и весьма неожиданные переосмысления. Новая история дает нам такой любопытный пример. В Париже на всемирно известной площади художников на Монмартре — «пляс

дю Тертр» — на стене одного из ресторанчиков сделана любопытная мемориальная запись: «Le 30 mars 1814, les cosaques lancèrent ici, en premier, leur très fameux «bistro» et, sur la butte, naquit ainsi le digne ancêtre de nos «bistrots» [«30 марта 1814 года казаки выкрикнули здесь впервые свое прославленное «быстро!» и на холме родился таким образом достойный предшественник наших «бистро́»]. Вероятно, русские казаки, сидя в кафе «у матушки Катрин», сопровождали свою просьбу — о еде и вине — возгласом «быстро!». Роль этого русского слова во французском языке была неожиданной. Дело в том, что русское *быстро* по звучанию и в некотором отношении по смыслу совпадает с французским *bistro* — «маленькое кафе, где можно б ы с т р о перекусить, выпить вина». Ни один из французских словарей не раскрывает происхождения этого слова. Только предположительно намечается связь с диалектными *bistro* или *bistrot* «продавец вина», первоначально «маленький погонщик коров», «помощник продавца вин», а также «распродажа напитков», возможно восходящих к *bistouille* «шумный» (*bis* — дважды + *touiller* — двигать). Словари называют годы литературной фиксации слова *bistro* — *bistrot* — *bistingo*: 1856 и 1884, связывая эту фиксацию с именами французских писателей Гонкур (Goncourt) и Морю (Moreau).

Неожиданная русификация *bistro* была подготовлена ассоциативными — звуковыми — параллелями. На широком фоне очень важных для Европы тех времен событий рождались разные по своему значению явления, как, например, языковое осмысление и соединение французского и русского слов.

В период 1812—1814 годов Европа встречала русскую армию, в том числе и русских казаков, как армию — освободительницу от наполеоновского нашествия. В действиях Наполеона — уже императора Франции — прогрессивные мотивы были в прошлом. В это время будущий декабрист Федор Глинка высказал очень важную мысль в своих «Письмах русского офицера»: «Неоспоримо, что слава народа придает цену и блеск языку его». Но Ф. Глинка не подчеркнул очень важную в тот момент роль русской армии, армии — освободительницы европейских народов. Когда царская Россия сменила эту высокую роль на роль жандарма Европы (1815—1831), интерес к России, русской культуре, русскому языку стал затухать. Но

гуманистические основы русской культуры, русской литературы ощущались и в период господства консервативных сил в России. Вот почему представляется такой значительной проблема влияния русской литературы на мировую литературу, на те или иные литературные направления в разных странах. Благодаря переводам (в разное время и в разных странах в большей или меньшей степени «точных») знание русской литературы «обгоняло» знание русского языка. Возникло сложное взаимодействие культур, в котором язык русского литературного источника представал в отражении языка перевода. Мир идей и образов русской литературы терпел неизбежные потери в интерпретации на чужом языке и одновременно, вливаясь в чужую языковую форму, обогащал чужой язык новыми понятиями, представлениями, образами.

В недрах русского общества формировалась прогрессивная политическая мысль: декабристы, демократы-разночинцы, народники, большевики. Закладывался фундамент нового, социалистического общества, вместе с которым рождались новые понятия и новые имена. Великая Октябрьская социалистическая революция обусловила поток новой политической, бытовой терминологии, для которой не было эквивалентов ни в одном языке. Ее заимствовали, осмыслили, оценивали все народы. Великая Отечественная война 1941—1945 годов — священная, справедливая война с фашизмом — вызвала новую волну интереса к России — Советскому Союзу, к русскому языку, к русской и советской политике, культуре, науке, технике. А когда вышел на орбиту первый искусственный спутник Земли, запущенный в Советском Союзе в 1957 году, резко возрос интерес к русскому языку, к русской науке и технике. Напомним вехи слова великого русского поэта Пушкина: «Чужой язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством». И тут же Пушкин обратил внимание на необходимые условия языкового влияния: развитые словесность, торговлю, законодательство¹. Следовательно, международную роль языка определяют идеология, культура,

¹ Сохраняем порядок следования терминов, данный Пушкиным. См.: Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. — Полн. собр. соч. в одном томе. М., 1949, с. 1156.

экономика, которыми обладает народ. Жизнь слова определяется делами самого народа.

Разобраться в исторических связях разных стран и народов, в характере этих связей помогают заимствованные слова. Они превращаются в своеобразные вехи истории, вехи цивилизации, социологии и, конечно, в вехи на пути общения разных народов.

Примечательно, как в самом русском языке перерабатываются слова, заимствованные из языков больших и малых народов, населявших и населяющих нашу страну. Начало процесса взаимного обмена и обогащения языков уходит в глубокую древность, и, чем ближе друг к другу пролегают пути социального и культурного развития народов, тем явственнее языковые связи. Многие слова, пришедшие в русский язык из тюркских языков, из украинского, белорусского или других языков, давно уже активно усвоены русским языком, однако их можно разделить все же на два типа. Это слова обрусевшие, как тюркизмы *сарафан*, *сундук*, и слова, сохраняющие национальную, локальную окраску, — кавказская *бурка*, среднеазиатские *арык*, *кумыс* или украинские *борщ*, *гопак*. Нерусские по происхождению, эти слова бытуют в русском языке, и когда они заимствуются другими языками из русского языка, то слова и первого и второго типа в равной мере воспринимаются как русизмы. Русский язык тем самым как бы «усыновляет» подобные слова и уже усыновленными передает их другим народам.

Проследить движение русизмов, а впоследствии советизмов, определить их роль — своеобразных словесных вех на путях, слагавшихся и слагающихся международных контактов, — это очень интересная и важная задача. Нисколько не стремясь исчерпать весь возможный языковой материал, попытаемся, хотя бы пунктирно, наметить контакты русского языка с языками мира, определить их значение для истории народа и их же обусловленность историей народа.

СОВЕТСКИЙ СПУТНИК НА ЯЗЫКОВОЙ ОРБИТЕ

1

Когда вы услышите слово *спутник*, то непременно вспомните и тотчас представите первый искусственный спутник нашей Земли, сделанный руками советского человека. Именно этот образ связывается в нашем представлении со словом *спутник*. Но слово *спутник* многозначно. В одном из первых русских словарей, в «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды (1627), слово *спутник* (съпутникъ) истолковано как 'товарищ в дорозе'. «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, вышедшие в XIX веке, свидетельствуют, что уже в XI—XIII веках слово *спутник* имело два значения: 1) 'товарищ в пути, попутчик' и 2) 'сопутствующий в жизни'. Эти значения отмечают и различные словари XVIII века.

Словари современного русского языка говорят, что слово *спутник* — это 1) человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь. *Мои спутники оказались приятными собеседниками*; 2) явление, сопутствующее чему-нибудь. *Грязь — спутник нищеты. Каменная соль — спутник нефти*; 3) астрономическое понятие — небесное тело, обращающееся вокруг планеты. *Луна — спутник Земли. Спутники Юпитера. Это естественные спутники*; 4) названия некоторых справочных книг, журналов и т. п. *«Спутник агитатора», «Спутник электротехника»* и др. Значение 'искусственный спутник' — самое молодое значение. Однако для нашей эпохи космоса — самое значительное. Сергей Иванович Ожегов, автор популярного

«Словаря русского языка», отметил уже в 1960 г.: «*Спутник* — это прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий, подобно небесным телам, определенную орбиту. *Советские спутники Земли*». Днем рождения этого нового значения стало 4 октября 1957 года, когда Советским Союзом был произведен запуск первого искусственного спутника Земли.

Новое значение как бы отодвигает на задний план другие значения многозначного слова *спутник*. Возникают новые ассоциации, сопоставления, словосочетания. Становятся обычными, повседневными и выражения типа *запуск спутника*, *автоматический спутник* — *автоматические спутники*, *парные спутники*, *управляемые спутники*, *действующие спутники*, *научные спутники*, *выход спутника на орбиту*, *спутники метеорологической службы*, *метеорологические спутники*, *наблюдения со спутника*, *летит спутник*, *летают спутники*.

Об искусственном спутнике — символе новой космической эры — поэты пишут стихи. «*Спутник*» — поэма Роберта Рождественского была опубликована в 1959 году. В этом же году вышел популярный научно-фантастический роман И. Ефремова «Туманность Андромеды», где не раз описываются космические аппараты — *искусственные спутники*. Новое слово *спутник* становится приметой нашего нового времени. Вот, например, эпизод, связанный с детскими играми: «Из-за дома неожиданно вылетел мальчонка в серой кубанке на затылке. Он тянул за собой длинный караван санок с малышами и звонко, что было сил, кричал на бегу: — Сторонись, *спутник* мчится!» (Бирчанская Л. Генерал молодого квартала. — «Огонек», 1961, № 9).

Спутник — это деталь нашей жизни, уже обычная, но вызывающая особое внимание. Вот несколько строк из стихотворения А. Суркова «На Сухумском вокзале»

Вечер. Звездное небо. Сухумский вокзал.

Мой сосед, убелен сединой, мастит,

Сунул палец в пространство и тихо сказал:

— Посмотрите, мне кажется, *спутник* летит.

Герои «Сибирских повестей» Владимира Чивилихина мечтают о том времени, «когда со *спутников* начнут на телевизоры передавать» программы Центрального теле-

видения, когда можно будет «спутники приспособить для нашего (лесного) дела... пожары засекать». Ныне эта мечта стала явью.

Всем известный писатель, чуткий наблюдатель языковых движений Корней Иванович Чуковский именно в это время сомневался: «Назвала бы теперь Вера Панова свой роман «Спутниками»?» (Чуковский К. Живой как жизнь. М., 1962, с. 27). Роман посвящен друзьям-товарищам, спутникам фронтовых дорог. Слово же *спутник* теперь настолько овеяно космосом, что связывается в первую очередь с космическим аппаратом, искусственным спутником Земли.

«Рождение» слова *спутник* в значении «искусственный спутник» было обусловлено великим научным открытием. До запуска спутников оно лишь намечалось. Так, научно-популярные работы К. Э. Циолковского как бы готовили новое значение слову *спутник*. В 1894 году Циолковский еще ищет нужное слово. В своей рукописи «Изменение относительной тяжести на Земле» он называет особое сооружение для космических полетов — *звездный домик*. Но уже в 1895 году в очерке «Грезы о земле и небе» он впервые употребляет термин *спутник*: «Воображаемый *спутник* Земли, вроде Луны, но произвольно близкий к нашей планете, лишь вне пределов ее атмосферы, значит верст за 300 от земной поверхности, представит, при очень малой массе, пример среды, свободной от тяжести».

Любопытно, что еще у Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых» (1879—1880) мы найдем интересное сравнение — образ искусственного спутника Земли. Ивану Карамазову в бреду представился черт. И черт рассказывает о космосе и о том, какой там холод. Если лизнуть топор... а что случилось бы с топором, если бы он попал в пространство? И черт, подивясь такой идее, восклицает: «Я думаю, что будет летать вокруг земли... в виде *спутника*» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы).

Так постепенно рождалось новое значение слова *спутник*, так постепенно воплощалась в жизнь сама идея искусственного спутника. Но такой путь слово *спутник* прошло в родном языке. В день, когда советский спутник вышел в космос, радио и газеты всего мира сообщили об этом событии, сохранив русское название этого небывалого еще космического аппарата. Вот почему день рождения нового значения у старого

слова *спутник* — ‘первый искусственный советский спутник — искусственный спутник’ — можно точно датировать: 4 октября 1957 года.

С этого дня слово *спутник* в значении ‘искусственный спутник’ становится международным и в различных транскрипциях (т. е. написании по правилам орфографии и орфоэпии чужих языков) входит в разные языки мира, о чем свидетельствуют словари — английские, американские, французские и др., вышедшие в конце 50-х — начале 60-х годов.

В русском языке, как мы видели, это многозначное слово, оно имеет широкий круг употреблений, сочетаний. В языках, заимствовавших слово *спутник*, оно ограничено одним значением ‘советский искусственный спутник’, ‘первый искусственный спутник’.

С помощью заимствованного русского слова различаются понятия: американский искусственный спутник — это *satellite*, а советский искусственный спутник — это *sputnik* (спутник).

В толковом словаре «Торндайк—Барнхарт» (1958) слово *спутник* определено как ‘искусственный спутник Земли’ и при этом указано, что «первый такой искусственный спутник был запущен Советским Союзом».

Между тем в самый первый момент *sputnik* воспринималось и как собственное имя для советского космического аппарата. Русское *спутник* — *sputnik* окружают синонимические замены, например, в английских газетах: *the Russian satellite* (русский сателлит — спутник), *Russia's earth satellite* (сателлит Земли, сделанный в России), *Rusbaby moon* (русская луна-беби), *the Russian (Soviet) (satellite) moon* (русская, советская, луна-сателлит), *the man-made moon* («сделанная человеком» искусственная луна), *the Red moon* (красная луна, определение дает политическую оценку), *Russia's moon* (луна России)...

Слово *спутник* в первый момент показалось чужим и недостаточно выразительным. Английская газета “Daily Herald” даже по предложению читателей объявила конкурс (11 октября 1957 года) на лучшее название для тогда еще сенсационного аппарата. Вот некоторые названия, предложенные читателями: *Kangaroo* — ‘Кенгуру’ — новый аппарат можно сравнить с кенгуру, так как сделан величайший прыжок в ракетной науке и технике, рассуждает читатель—автор названия. Тем

самым в названии-метафоре дается своеобразная оценка научным и техническим достижениям.

Еще несколько названий: *New Dawn* — 'Новая заря' — в надежде, что «спутник»-спутеллит будет началом эры, когда мир космоса заново откроет мир человека; *Herald* — 'Гарольд — вестник — пусть будет вестником мира во всем мире'; *Hope* — 'Надежда' — в знак веры в то, что ученые теперь забудут о войне, будут работать в мирных целях'.

Предлагаются имена-комбинации из кусков-частей слов, представляющих очень распространенный в наше время тип номинаций новых явлений (подобно *мотель* = *мото* + *отель*). Вот один пример: *Russell* — 'Я комбинирую, — сообщает читатель-изобретатель этого имени, — часть от слова *Россия* (*Russ-*) и часть от слова *спутеллит* (*-ell* от *satellite*)'.

И наконец, несколько буквенных аббревиатур-имен, остроумно отражающих общее стремление к миру, всеобщее признание Советского Союза как великой державы: *Sam* — потому что *sat* — аббревиатура, которую можно расшифровать: на всех парусах (*sails*) он идет по орбите (*around*) весело (*merrily*); он привел в восторг (*shocks madly*) Америку (*America*); советское (*Soviet's*) поразительное (*amazing*) чудо (*miracle*). *Susie* — 'Советский (*Soviet*) непилотируемый (*unmanned*) спутеллит (*satellite*) в (*in*) разведке (*Exploration*) и Советского (*Soviet*) Союза (*Union's*) успех (*success*) в (*in*) электронике (*electronics*)'.

И в этих именах отражается восприятие космического события английскими читателями: неожиданность, восхищение и признание научного и технического потенциала Советского Союза, вера в мирные цели советских достижений, надежда на благоприятное отражение технического и научного прогресса в изучении и завоевании космоса, в человеческих взаимоотношениях на Земле. Вместе с тем не исключена возможность, что конкурс был вызван и стремлением не допустить русское слово в английский обиход. Но именно русское слово оказалось наиболее выразительным. Разнообразные конкурсные наименования были все же английскими, в то время как слово *спутник* уже в своем звуковом облике заключало информацию — 'русский, советский'. Этот пример позволяет лишний раз оценить общественную силу слова.

Разнообразны и синонимы-метафоры, возникшие в немецком языке. И они также отражают восхищение советскими научно-техническими достижениями и точно так же неизменно связываются со стремлением Советского Союза к миру во всем мире. Ср.: *Raumgigant* 'гигант космоса', *Friedensbote* 'вестник мира', *Riesentrabant* 'спутник-великан', *Sowjetstern* 'советская звезда', *Sowjetmond* 'советская луна'. Образуется даже ласкательно-уменьшительная форма по законам уже немецкого языка с суффиксом *-chen*: *Sputnikchen* 'спутничек'.

Весть о космическом аппарате и приоритете Советского Союза и непосредственно, и опосредованно отражается в языке. Это очень интересный путь языкового воздействия под влиянием событий неязыковых — научно-технических.

Интересен процесс вживания русского слова в другой язык. Когда мир узнал о запуске первого советского искусственного спутника и в газетах было напечатано почти в дословном переводе сообщение ТАСС, то в английских и американских газетах ("Daily Worker", London; "Daily Worker", New York; "Daily Herald"; "Aeronautics"; "American Aviation"; "Life"; "Popular Science") эквивалентом слова *спутник* было английское слово *satellite* — *first man-made satellite* 'первый искусственный — первый сделанный человеком — сателлит', *first satellite* 'первый сателлит', *the satellite* 'сателлит'. Но уже через несколько дней дается толкование русского слова. В американской "Daily Herald" (8 октября 1957 г.) читаем такое пояснение: "Russian word for a *satellite* is «*Sputnik*». It also means... *fellow-traveller*" [Русское наименование для сателлит — «Спутник». Оно также означает..., попутчик]. Многозначность русского слова *спутник* вызывает удивление. Об этом свидетельствует многоточие. Значения 'спутник — астрономический термин' и 'спутник — попутчик' кажутся совсем не связанными, странными и необоснованными. Та же газета 9 октября 1957 года фиксировала уже без удивления оба эти значения слова *sputnik* 'спутник' (*satellite* 'сателлит' и *fellow-traveller* 'попутчик').

Кстати, когда слово *спутник* вошло в английский язык, то пояснялось оно (еще одна интересная деталь) с помощью сравнения с Луной. Если в русском языке искусственный спутник трактуется как *спутник Земли*,

то в английских газетах новый образ чаще строится в сравнении с Луной: *Russian-launched moon* 'луна, запущенная русскими' ("Daily Worker", London, Nov. 11, 1957).

Первое употребление слова *sputnik* как наименования новой реалии было отмечено 12 октября 1957 года в английской газете "Daily Worker". В период между первым и вторым запуском советских искусственных спутников само слово ощущалось как необычное, выделялось в печати (курсивом, кавычками). Но уже после запуска второго советского спутника 3 ноября 1957 года наименование *sputnik* 'спутник' становится обычным, оно уже приобретает известность. Когда журнал "Flight" писал о первом спутнике, то неизменно переводил русское слово английским словом *satellite*, но уже второй спутник (публикация в номере от 8 ноября 1957 года) неоднократно сохраняет свое русское наименование: This second *Sputnik* carried equipment weighing no less than half a ton [Этот второй спутник нес оборудование весом не менее чем полтонны...].

Колебания в употреблении слова *спутник* — *Sputnik* от собственного имени к нарицательному кончились в пользу нарицательного употребления. Русское слово *спутник* подчиняется грамматической системе английского языка: The *Sputnik's* Radio Voice [... Радиоголос спутника ...] ("Daily Worker", New York, October 10, 1957). Ударение в слове *sputnik* на первом слоге. Это совпадает с местом ударения в английских словах и облегчает вхождение русского слова в английский язык.

Так же легко усваивает русское слово *спутник* и немецкий язык, сообщая ему артикль, мужской род и сильное склонение: Vier Monate nach dem Start des ersten Sowjetischen *Sputnik* [... Четыре месяца спустя после запуска первого советского спутника...] (J. W., 4. April, 1958); Was wird aus den *Sputnik's* [Что будет со спутником] (ND, 10. Dezember, 1957).

Обычно нужно время, чтобы чужое слово стало своим и было зафиксировано словарями. Но слово *спутник* было включено в словари почти одновременно с выходом спутника-аппарата на космическую орбиту. «Нет ничего удивительного, что лингвисты действовали с такой поспешностью: спутники меняли характер поведения и ученых и государственных деятелей» — так писала газета "Нью-Йорк геральд трибюн" 21 декабря 1957 года. Этими

было подчеркнуто социально-идеологическое значение слова *Sputnik*. В нем отразилось революционное явление не только в науке и технике. Выход советского спутника в космос одновременно заявлял о научном и техническом потенциале Советской страны. Именно русское слово *sputnik* становится символом новой эры в науке и в жизни общества. Ср. такие образования новых определений в английском языке, как *the pre-Sputnik era* [доспутниковая эра] ("America Aviation", Dec. 2, 1957) и *post-Sputnik Russia* [послеспутниковая Россия] ("Popular Science", 1958, № 1).

Роль заимствованного русского слова *спутник* не ограничивается только названием нового предмета. Слово *спутник* может выступить еще в одной роли — в роли характеристики или оценки. Спутник — это первый искусственный спутник, впервые в мире запущенный в космос СССР, символ больших научных и технических достижений.

Слово *спутник* теперь окружено «космическим» ореолом, связано с выдающимися достижениями науки и техники.

Сочетание *первый советский спутник* намечает и новое оценочно-качественное употребление слова в значении 'впервые совершаемое действие, явление, подобное запуску первого в мире советского искусственного спутника'. Вот несколько примеров такого употребления.

Американский ученый И. Бар-Хиллел, оценивая в 1962 году ("The Times Literary Supplement") возможное впечатление от машинного перевода (хотя и несовершенного) на широкую публику, заметил, что его могут воспринять 'как запуск другого спутника' ("... as another *sputnik*"). Русское слово *sputnik* здесь знаменует нечто впервые совершаемое, имеющее первостепенное значение для всего человечества.

Еще один аналогичный случай. Известный итальянский ученый профессор Дальотти с трибуны одного из хирургических конгрессов США назвал инструменты для сшивания сосудов и тканей, созданные в СССР, советскими «спутниками в хирургии». Трассы этих советских «спутников» пролегли по всему миру («Спутники в хирургии». — «Огонек», 1963, № 28, с. 9). И опять русское слово *sputnik* помогло дать не просто эмоциональную, но и абсолютно верную оценку впервые в мире созданным

столь точным хирургическим инструментам. «Спутник и лампа Алладина» — название статьи миланского журналиста Дж. Луари, написанной им под впечатлением гастролей кукольного театра С. Образцова. «Эта восторженная оценка советского искусства дается сквозь призму достижений в области науки, символом которых оказываются советские спутники Земли» («Советская культура», 1961, 25 мая). С таким же сопоставлением — оценкой с помощью слова *спутник* — встретился наш советский писатель Олесь Гончар в Японии («Японские зарисовки». — «Огонек», 1961, № 23).

В зарубежной жизни слова *спутник* наблюдается чрезвычайно интересное явление в словообразовательном плане. *Спутник*, его основа *спут-* и суффикс *-ник* стали словообразующими морфемами. Так, например, в английском языке русское слово *спутник* дало целый ряд производных. Когда был запущен в Советском Союзе искусственный спутник с собакой на борту, в английском языке появляется сложное слово *sputnir* (*sputnik* + *nir* 'собака, щенок') — 'собака, летавшая на спутнике' и др. В этом случае основа русского слова *спутник* (*sput-*) выступает как целое существительное в роли определения (какая собака?). Все слово *спутник* может стать словообразующей основой: *sputnikked* 'имеющий спутник'. Такое образование засверкало в американской рекламе накануне 1958 года, когда изображение первого искусственного спутника стало популярнейшим сувениром, украшением, елочной игрушкой: "You've been *sputnikked* by Christmas toy makers?" [Вы получили игрушку-спутник на елочном базаре? (дословно: Вы оспутничены елочными игрушечниками?)]. С суффиксом *-nik* (*-ник*) образуются: *nirnik* (*nir* + *sputnik*) — 'спутник со щенком'; *picnik* (*picture* 'картина, изображение' + *sputnik*) — 'изображение спутника'.

Модель с суффиксом *-nik*, известная английскому языку и ранее, благодаря новому слову *спутник* — *sputnik* настолько активизируется, что связывается даже в объяснениях словарников-лингвистов со словом *спутник* (*sputnik*). Например, суффикс *-nik* в слове *beatnik* (битник) или даже в слове *spudnik* 'полуфабрикат из картофеля' от *spud* 'картофель', хотя эти слова существовали в английском языке до *спутника*. Этому способствуют, конечно, различные окказиональные — образованные «на

случай» — новые слова, как только что упомянутые *pipnik, picnik*. С помощью таких «слов на случай» возникали веселые парафразы, стихи, популяризовавшие и слово *спутник*, и само явление — выход в космос космического аппарата с мирными научными целями. 11 октября 1957 года в нью-йоркской "Daily Worker" опубликовано стихотворение Алана Макса (Alan Max), перефразировавшего широко известную «Звездочку» Дж. Тейлора (Taylor J. The Star):

Twinkle, twinkle, little
Sputnik,
How I wonder where you
are atnik
(at 'where are you at' + *nik*)

Up above the world so
highnik... (*high* + *nik*)

[Мигай, мигай, маленький
спутник,
Как я хочу знать, где вы
'обитайник'.
(где? 'где вы находитесь,
обитаете?' + *ник*)
Над миром такой высот-
ник... ('высоко' + *ник*)].

Русское нарицательное слово *спутник*, послужив некоторое время собственным именем для первого советского космического аппарата, стало в английском языке нарицательным, и уже как нарицательное вновь превращалось в собственные имена. Например, *Sputnik* мужского рода, *Sputnikja* женского рода. Этими именами поклонники конного спорта называли своих любимых лошадей и т. п.

Так складывается новая история старого русского слова *спутник* — 'искусственный спутник'. Новое значение, как показывают многочисленные примеры, закрепилось и ввело слово *спутник* во многие языки мира. Однако, *спутник* было только первым космическим словом, заимствованным из русского языка. Первый советский спутник вывел на мировую орбиту еще целую группу русских слов.

2

Изучение нашего естественного спутника — Луны потребовало создания и запуска искусственных спутников Луны — автоматических лунных станций — лунных аппаратов. Параллельно описательным названиям возникло и короткое *лунник*: «И каждая новая, задача сложнее предыдущей: спутники-гиганты, «лунники», автоматиче-

ские межпланетные станции...» («Комсомольская правда», 1963, 12 апреля); «Репортаж о полете советского лунника» («Комсомольская правда», 1966, 5 февр.); «Зарубежная печать о советском луннике» («Комсомольская правда», 1966, 27 декабря).

Конечно, возникло слово *лунник* по аналогии со словом *спутник*. Новое слово вслед за существительным *спутник* усваивается многими языками. Интересно, что в заимствующих языках происходит как бы сращение и переразложение словообразующих морфем. Ср., например, немецкое *Lunik* — так назван отель в Айзенхюттенштадте в ГДР. Корневой *n* в слове *лунник* сливается с суффиксальным *n*. Тем самым возникает иное структурное образование *lun* -(корень) + *-ik* (суффикс). Заимствованное русское слово получает в заимствующем языке более обычное грамматическое оформление, оттенок чуждости исчезает, слово становится как бы своим, но одновременно и словом-символом, русизмом-советизмом, прославляющим наши достижения.

Такие же словообразовательные аналогии мы найдем и во французском языке: *les luniks* и *les spoutniks* 'лунники и спутники' («Словарь астронавтики» Л. Гильбера). Когда же в Советском Союзе были запущены космические аппараты к планетам Венера и Марс (названные «Венера», «Марс»), то во французском языке возникли «свои» аналогии к слову *спутник* (*лунник*): *Vénusik* (*Vénus* 'Венера' + *-ik*) и *Marsik* (*Mars* 'Марс' + *-ik*). Рос ряд своеобразных русизмов-советизмов, отражая взаимосвязь слова и явления: *spoutnik* — *lunik* — *Vénusik* — *Marsik*.

3

Продолжалось изучение Луны, накапливались в советской науке и технике новые достижения, а в русском языке формировались и входили в широкое употребление новые термины. Их заимствовали другие языки. Но не всегда слово или выражение заимствуется без изменений. Мы уже знаем, что может произойти структурное внутреннее изменение (*лун-ник* → *lun-ik*). Возможен и перевод дословный, так называемое калькирование. О кальке можно сказать, что это точный слепок чужого слова или выражения средствами заимствующего языка.

4 февраля 1966 года наши газеты поместили сообщение ТАСС о новом достижении советской науки и техники: «3 февраля 1966 года в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная 31 января, осуществила *мягкую посадку* на поверхность Луны в районе Океана Бурь...» Это была информация об одном из решающих моментов в изучении космоса и Луны, так как раньше было сомнение, можно ли вообще опуститься на поверхность Луны и удержаться на ней. Вот как поясняет процесс «мягкой посадки на Луне» и связанные с этим трудности летчик-космонавт Алексей Леонов: «Мы с Павлом Беляевым, пилотируя корабль, выполнили мягкую посадку на Землю. Осуществить ее на Луне во сто крат труднее. Ведь на Луне нет атмосферы, и, следовательно, о каких-то парашютных устройствах, тормозящих спуск, не может быть и речи. Скорость станции гасилась только за счет работы тормозных двигателей, а для этого ориентация в непривычных лунных условиях должна быть безупречной» («Огонек», 1966, № 7).

Сообщение столь громадной важности было тотчас перепечатано зарубежными газетами. *Мягкая посадка, осуществить мягкую посадку* звучало на всех языках мира. Каков же был перевод этих сочетаний? На французском языке: «Luna-9 se pose en douceur et commence son travail» («l'Humanité Dimanche», 1966, 13 февраля) [Луна-9 садится легко (плавно, «мягко») и начинает работать]; «Lunik IX déposé en douceur sur la Lune...» (там же) [Лунник IX, сев легко (плавно, «мягко») на Луне...]. По итальянски так: «Luna-9 ... è posata dolcemente sul suolo Lunare con tutte le apparecchiature intatte...» («L'Unità», 1966, 4 февраля) [Луна-9 ... села мягко на лунную поверхность со своей аппаратурой]. По-немецки: «Erste weiche Mondlandung» («Junge Welt», Berlin, 1966, 4 февраля) [Первое мягкое лунное приземление]; «Die weiche Mondlandung» (там же, 1966, 5—6 февраля) [Мягкое лунное приземление]; «Weiche

Landung auf dem Mond...» (там же, 1966, 8 февраля) [Мягкое приземление на Луну...]. Русскому *посадка* соответствует принятое в авиации *landung* 'приземление'; *weiche Mondlandung, weiche Landung auf dem Mond* — 'мягкое лунное приземление', 'мягкое приземление на Луну'. То же наблюдаем и в английском языке: "... Soviet people are jubilant at the success in soft-landing their own observatory on the moon" ("Daily Worker", 1966, 5 февраля) [... Советский народ ликует по случаю успешного мягкого приземления их собственной обсерватории на Луну].

Как видим, представление о мягкости действия лежит в основе словесных выражений на всех языках, но обнаруживаются и расхождения в наименовании этого первого проявления человеческой деятельности на Луне. В русском языке это многозначное слово *посадка*, употребляемое и в авиации. Ср.: *посадка растений, посадка в поезд, посадка всадников, посадка самолетов*. Слово *посадка* означает только действие — 'посадить' и не дает конкретных указаний — в сочетаниях *посадка самолета, посадка «Луны-9»* — на то, где произведена посадка на землю, на воду, на поверхность Луны. Этой же конкретности стремились избежать французский и итальянский языки, хотя, например, во французском языке существуют слова, обозначающие особые, конкретные виды посадки самолета на землю — *atterrissage* (от *terre* — земля) и на воду — *amerrissage* (от *mer* — море). В русском языке для обозначения посадки лунного аппарата на Луну возникли неологизмы *прилуниться* — *прилунение*, а вот старые слова *приземлиться* — *приземление* приходили как бы в столкновение с описываемыми «лунными событиями». И вот почему. Внутренняя связь слов *приземлиться* — *приземление* с именем *земля* как бы лежит на поверхности и в «космической ситуации» связывается с именем нашей планеты *Земля*. Получалось неудобное сочетание — *при-земл-иться на Луне*. В немецком же и английском языках слова, означающие 'приземление', — *Landung* (немецк.) и *landing* (англ.) — не связываются с именем нашей планеты. Немецкое *Land* — это 'деревня, страна, государство, суша', английское *land* — это 'земля, суша, страна, государство, поле'. Имя земного шара, нашей планеты *Земля* по-немецки и по-английски связано с другими словами (*die Erde, the Earth*). Вот почему

русскому *посадка на Луне* соответствовало в немецком и английском языках *приземление на Луне*: слова *Landing* и *landing* связываются с сушей, почвой, но не с именем планеты Земля. Так вместе с общей тенденцией в каждом языке обнаруживаются свои особенности в выражении одного и того же понятия. И все же за любым из этих французских, итальянских, немецких или английских сочетаний, как бы они ни были национальны по форме, стоят достижения советских ученых и техников, стоят русские слова — *осуществить мягкую посадку на поверхности Луны*.

4

В ноябре 1970 года газеты, радио и телевидение сообщили о мягкой посадке на Луне автоматической станции «Луна-17», которая доставила лунный самоходный аппарат «*Луноход-1*». 22 ноября 1970 года состоялась радио- и телебеседа, посвященная достижениям в космосе. В эфире зазвучало слово *луноход*.

Луноход входит в многочисленный «машинный» ряд слов: *пароход, теплоход, электроход, вездеход*. Прямую аналогию — *ход* по какой-то поверхности, а не способ движения (с помощью пара, тепла, электроэнергии) — представляет *вездеход*. Внутренняя форма *лунохода* достаточно прозрачна, и новое слово легко соотносится с *вездеход*: «... в путь по лунной равнине отправился построенный людьми *вездеход*» (Б и л е н к и н Д. Путешествие по Луне. — «Вокруг света», 1971, № 1). У *лунохода* большая история. В прошлом веке русский математик и механик Пафнутий Львович Чебышев создал очень странный, почти фантастический механизм, который назвал *стопоход*. Затем был создан *шагоход* — самоходный аппарат будущего, где ученые использовали принцип перемещения человека, который, шагая, переносит свой центр тяжести обычно на опорную ногу. Юные космонавты, победители Всесоюзного конкурса «Космос» (1971), дали своему самоходному аппарату имя *ногоход*. Ряд слов — *стопоход — шагоход — ногоход — луноход* — скреплен элементом *ход*: чем ходит? как ходит? По чему ходит? Идея движения — *хода* — здесь основная. Именно эта самая важная идея — самостоятельно передвигаться, ходить по Луне — отражается в названии *луноход*.

Слово *луноход* стало жизненным не только для русского языка. И хотя в разных языках возникали и свои названия для нового космического аппарата (например, в английском языке: *lunar rover*, *moon car* и др.), русское слово *луноход* то как синоним, то как своеобразное собственное имя вошло во многие языки мира: английский — *Moon-car Lunokhod* — ‘лунная повозка — луноход’ (“Morning Star”, 1970, November 19); The *Lunokhod-1* (“The Canadian Tribune”, 1970, November 25); немецкий — *Lunochod-1* (“Berliner Zeitung”, 1970, 20. November); болгарский — *Луноход-1* («Поглед», 1970, 23 ноемари). Ученые Франции принимали участие в создании аппарата, и французы проявили особый интерес к русскому слову: почему так называется? Каков смысл этого названия? И французская газета «Юманите» дала пояснение: «*Lunokhod* — à partir de la racine du verbe marcher «*khodit*» [*Луноход* — от корня глагола *ходит*] («l'Humanité», 1970, 18 novembre).

И опять русское слово стало вехой в космическом пути, вечной приметой достигнутого советской наукой и техникой.

5

Новые явления, изобретения, профессии требуют новых названий. В создании специальных слов, терминов чаще всего используют элементы из классических — греческого и латинского — языков. Так создаются слова международного общения, и называются они интернационализмами (т. е. находятся в обращении в языках многих народов). Но иногда слово, созданное как интернационализм, несет на себе яркую национальную окраску: оно общепонятно по форме и глубоко национально по содержанию.

Аргонавт — *аэронавт* — *космонавт*. *Аргонавт* — *аргонавты* — имя легендарных греческих героев, отправившихся в неизвестные страны. Греческое *-навт* ‘мореплаватель’ в сложных словах *аэронавт*, *космонавт* хранит значение целого слова *аргонавт* и означает ‘мореплаватель, плаватель — первооткрыватель, плывущий или идущий по неизведанным путям’.

Космонавт — образование чисто русское (из греческих ‘вселенная + мореплаватель-первооткрыватель’).

В английском языке для наименования американских космонавтов было создано слово *астронавт*, но в информационных-переводах на русский язык оно часто заменяется русским *космонавт*: «Космический корабль «Аполлон-11» приближается к Земле. Когда читатели «Известий» возьмут в руки этот номер, возможно, отважные *астронавты* — Армстронг, Олдрин и Коллинз — уже вернутся на нашу планету... Самочувствие *космонавтов* хорошее... *Космонавты* время от времени чистят кабину с помощью пылесоса... Сейчас *астронавты* заняты последними приготовлениями перед финишем» («Известия», 1969, 24 июля). *Космонавт* и *астронавт* воспринимаются как синонимы: слова, близкие по значению, объединенные одним понятием, в данной ситуации — это «исследователи космоса». Но для зарубежного читателя *космонавт* — это Юрий Гагарин, Валентина Терешкова и другие советские летчики-первооткрыватели космоса, положившие начало космическим полетам, и их товарищи по профессии.

6

Есть слова по своему происхождению для русского языка чужие. Так, латинское слово *орбита* вошло в русский язык как астрономический термин. Вошло давно. Уже в 1806 году оно было отмечено одним из русских словарей — «Новым словотолкователем» Н. М. Яновского. *Орбита*, восходящая к латинскому слову *orbis* «круг, колесо», означает «колея, след колеса», затем «след вообще», «след, путь Луны (орбита Луны)» и, наконец, «путь небесного тела вообще». Постепенно у *орбиты* появляются новые значения, возникают переносные значения и постоянные, так называемые фразеологические сочетания: *орбита влияния, войти (включить) в орбиту чего-либо*.

Но вот 4 октября 1957 года, как известно, в Советском Союзе был запущен искусственный спутник Земли — *выведен на орбиту, вышел на орбиту*. Слово *орбита* теперь как бы освещается советскими космическими завоеваниями. В слове пробуждается старое значение «путь, колея», но теперь это «путь к определенным завоеваниям, достижениям». Так возникают сочетания: *На орбите рекордов* («Правда», 1965, 23 марта); *На турнирной орбите* («Кругозор», 1965, № 6); *На орбите фестиваля* («Ком-

сомольская правда», 1965, 10 мая); *На орбите будущего* («Литературная газета», 1966, 10 декабря) и многие, многие другие.

Новое значение, как бы высвеченное космическими событиями в старом слове, как русизм-советизм, проявляется в термине *орбита* и в других языках. Слова *орбита* — *выходить на орбиту* становятся символом нового подхода к жизненным проблемам: «Вся Германская Демократическая Республика вышла на расчетную орбиту строительства социализма, успешно покоряя все новые и новые рубежи» («Известия», 1967, 25 февраля).

Новые сочетания *выйти на орбиту*, (*быть, находиться*) *на орбите* воспринимались и в прямом, и в переносном значении как символ, характеристика новой, социалистической эры. Эту новизну почувствовал и отразил в комедии «*Левониха на орбите*» (1963) А. Е. Макаёнок. «Моя Лушка выходит на орбиту!» — восклицает Левон, узнав, что его жена выдвинута в депутаты. Символично и само заглавие пьесы — «*Левониха на орбите*», ставшее широко известным, популярным выражением и в свою очередь популяризирующим новые сочетания: *выйти, выходить на орбиту*, (*быть*) *на орбите*. Такой популяризации способствовали и переводы комедии на разные языки и ее театральные постановки.

Конечно, когда речь идет о переводе целого выражения, то часто происходит калькирование, в том числе синтаксическое калькирование, т. е. приспособление заимствованной фразы к своим грамматическим правилам. Вот как, например, выглядит заглавие пьесы А. Макаёнка по-болгарски: «*Левоница в орбита*» (1964).

7

В языке наблюдается чрезвычайно интересное явление — стремление назвать, выразить в слове все то, что не только родилось, но и то, что еще рождается или зарождается: своеобразный поиск имени, «заготовки» для будущего.

После первого выхода человека в космос во многих странах задумались над тем, как назвать движение человека в космосе — *плавать, ходить, двигаться*.

Польская газета «Экспресс вечорни» провела конкурс среди своих читателей и читателей «Вечерней Москвы» (1965, апрель), предложив изобрести новый глагол. Одним

из них был глагол *леонить* (*leonować*) в честь Алексея Леонова, первого космонавта, вышедшего из космического корабля в космос. Были предложены неологизмы: *траекторить*, *спутничать*, *космировать*, *невесомиться*.

Часть читателей считала возможным расширить значение старых русских глаголов *витать*, *парить*, *носиться*, которые можно ввести в «космический» словарь, так же как слова *спутник*, *посадка*.

Пока описание действий космонавтов ограничивается привычными глаголами движений, хотя отчетливо ощущается определенная условность таких наименований: «Я начал *перемещаться*, *пошел* в район стыковочного узла... Хочу уточнить понятие *пошел*. У нас, живущих на Земле, понятие перехода, перемещения связано, как правило, с ходьбой. В условиях невесомости *идти* по поверхности корабля в обычном смысле слова нельзя — нет опоры под ногами, нет силы, прижимающей человека к поверхности. Еще на земле, на тренировках мы нашли, что *перемещаться* в космосе, «*переходить*» по кораблю из одного места в другое лучше всего на руках, используя жесткие поручни для опоры...» — так описывал движение в космосе на корабле космонавт Хрунов («Комсомольская правда», 1969, 25 января).

В этом смысле интересен еще такой эпизод. «Однажды Леонов переводил «космическую» статью из немецкого журнала и наткнулся на неизвестный глагол «*леонирен*». Искал в словарях и не нашел. Потом кто-то из друзей догадался: «Это же «*леонить*», т. е. летать в открытом космосе...» Когда из твоей фамилии строят глаголы, это уже больше чем известность. Тут и зазнаться можно. А он учился. Оканчивает военно-воздушную академию. Участвует в подготовке всех полетов своих товарищей...» («Комсомольская правда», 1975, 8 июля).

Как будет названо в будущем движение в космосе, любое движение? Предсказать неологизм трудно, но для его появления уже подготовлена почва.

Словотворчество и переосмысление старых слов отражает движение мысли, восприятие человеком тех или иных явлений в жизни, научных открытий. И очень важно, что в этом поиске новых наименований народы мира отдают предпочтение языку первооткрывателей, пионеров космоса. Имя Алексея Леонова было первым в этом своеобразном конкурсе словотворчества.

В 1975 году космос «заговорил по-русски». Это значит, что для совместного полета советских космонавтов и американских астронавтов нужен был общий язык. Наши космонавты учили английский, а американские астронавты — русский язык. Так, уже в 1973 году уроки русского языка входили в программу подготовки американских астронавтов. «Как пройти от СЭВа до Кремля? Этот вопрос мы слышали, входя в аудиторию, где занимались американские космонавты. Их было двое. Они стояли около большого макета центра Москвы, и учительница русского языка Нина Александровна Делакруз спрашивала их по-русски о том, как именно они пойдут названным маршрутом и какие улицы и площади при этом будут у них на пути. Космонавты водили длинной указкой по макету и по-русски поясняли свое воображаемое передвижение по центру нашей столицы.

При нашем появлении урок был прерван. На мой вопрос, заданный по привычке по-английски, американцы отвечали по-русски. Не очень складно, с ошибками, но речь их была вполне понятна. Дальше мы говорили с ними уже на нашем родном языке. Нина Александровна, радуясь и краснея за своих учеников, поправляла их, заставляла, как школьников, повторять слова и выражения, в которых они допустили ошибки. Как бы там ни было, мы еще и еще раз убедились, что космонавты — люди, если не особенные, то не вполне обычные. Всего за три месяца занятий (а они занимались, разумеется, не одним русским) они сумели далеко продвинуться... А ведь их отбирали из сотен и тысяч желающих не за лингвистические способности...

— Что ж! — говорит он [астронавт Стаффорд], — учить русский трудно, но можно. Каждый день я занимаюсь русским языком 3—4 часа. Вот понимаю, что вы говорите. А вы понимаете мой русский» («Огонек», 1973, № 40).

Впоследствии во время телепередач мы могли убедиться в успехах в русском языке обоих астронавтов. И когда на орбите оказались советский корабль «Союз» и американский «Аполлон», американские астронавты и советские космонавты могли легко найти общий язык. В газетах появились такие примечательные заголовки: «Все очень

о'кэй!» — [Все очень хорошо — все в порядке!] («Известия», 1975, 18 июля).

В Америке был выпущен особый плакат, посвященный совместному полету «Союз» — «Аполлон» и их стыковке. Текст его на английском языке, но с русскими подзаголовками подробно рассказывает обо всех деталях проходившего в космосе советско-американского эксперимента. Цветные иллюстрации художника Дэвиса Мелтцера поясняли схемы и текст («Известия», 1975, 17 июля).

Вскоре в Америке был опубликован «космический» словарь, составленный из наиболее ходовых слов и выражений из числа тех, которыми пользовались в полете астрокосмонавты. «Среди 16 наиболее употребительных выражений, таких, как *«очень о'кэй», «стыковка выполнена», «включайте ТиВи-камеру», есть и «Здравствуй, Алексей! Давай обедать» («Огонек», 1976, № 15).*

Когда в космосе произошла стыковка кораблей «Союз» и «Аполлон», то в советском Центре управления и в Хьюстоне (США) слышали голос Алексея Леонова: «Великолепно сделано, Том, отличная работа!» Командир «Аполлона» и сам доволен: — Мяжки стикоффка! — весело доложил он в Хьюстон».

Еще в пору подготовки совместного советско-американского полета ЭПАС (Экспериментальный полет «Аполлон» — «Союз») в СССР и в США шел поток грузов. Это было оборудование кораблей для взаимного изучения. Груз, как правило, отправлялся в контейнерах, на которые наклеивались с двух сторон броские ярлыки с эмблемой ЭПАС и ярко-красной на белом фоне надписью по-русски и по-английски: «Союз — Аполлон». Экспериментальный полет. Важное оборудование для космических кораблей. Обращаться очень осторожно. Груз с такой маркировкой не мог не вызывать уважения.

В этот же подготовительный период во время встреч советских и американских специалистов, когда обсуждались системы управления космических кораблей и вспомогательные средства стыковки, выяснился терминологический разнобой. «Необходимо было условиться, как переводить понятия: «сближение», «касание», «сцепка», «зависание» и т. д. «И вот заметки переводчиков положили начало словарю ЭПАС. Впоследствии обо всем этом рассказали советские ученые, инженеры, космонавты в книге ««Союз» и «Аполлон» (1976).

Обратим внимание и на слово *астрокосмонавты*. Оно родилось в совместном полете американских *астронавтов* и советских *космонавтов*. По традиции различные наименования американских и советских специалистов сохраняются, но жизнь, совместная работа и общая информация о ней обусловили рождение нового сложного слова — *астрокосмонавты*, в котором отразился эпизод общего труда в изучении космоса.

Интересен еще один факт — словарная фиксация русизмов-советизмов, и не только терминов, но и связанных с «космическими событиями» имен, названий, технических данных. Французский словарь Л. Гильбера (L. Guilbert) — *Le vocabulaire de l'astronautique* — посвящен специальной «астронавтической» лексике. С помощью этого словаря можно проследить формирование и распространение астронавтической терминологии с момента ее зарождения — с 1912 года. Автор словаря особо выделяет 1957 год — запуск первого спутника — «*lancement du premier spoutnik en 1957*». Как видим, во французском тексте нет прямого указания, где и кем был запущен спутник. Эта информация дается самим русским словом *spoutnik* 'спутник', транслитерированным, т. е. изображенным, латинскими буквами во французском тексте (без перевода, без поисков эквивалентного слова во французском языке).

Л. Гильбер в дальнейшем выделяет пять лексических групп, определенных внеязыковыми — космическими — событиями, связанными с именами советских и американских космонавтов:

1. Юрий Гагарин (12 апреля 1961 года),
2. Джон Глени (20 февраля 1962 года),
3. Андриан Николаев и Павел Попович (12 августа 1962 года),
4. Гордон Купер (15 мая 1963 года),
5. Валерий Быковский (14 июня 1963 года) и Валентина Терешкова (16 июня 1963 года).

Как особо важные не только в научном, но и в лексическом плане Л. Гильбер называет пребывание первого человека в космосе — Ю. Гагарина, первый групповой полет — полет двух советских космонавтов — А. Николаева и П. Поповича и групповой полет В. Быковского и первой женщины-космонавта В. Терешковой. Тем самым, по наблюдениям автора словаря, «космические»

термины, входившие в газетные информации, связывались в первую очередь с советскими космонавтами и с русским языком.

Л. Гильбер обращает внимание на важный языковой факт: в «астронавтическом» языковом обороте во французском языке закрепилось два определения: *cosmique* 'космический' и *spatial* 'пространственный'. Эти два определения как бы ведут две линии в астронавтике: *cosmique* 'космический' — это значит советский, а *spatial* 'пространственный' — американский. Греческое по происхождению слово *космос* вместе со своими производными в астронавтической терминологии во французском языке стало восприниматься как русизм-советизм. Ср.: *«cosmonaute» soviétique* — «космонавт» советский и *«astronaute» US* — «астронавт» США, *cosmodrome* 'космодром' и *astrodrome* 'астродром'. Словарь приводит любопытное признание из французской газеты «Le Figaro Littéraire» (22. IV. 1961) в том, что, хотя слова с греческим корнем, как бы обгоняя науку и реальные факты, уже существовали (*astronaute* 'астронавт'), новые, созданные в русском языке (тоже от греческих корней) слова *космонавт*, *космодром*, *cosmoliet* 'космолет' были уже связаны с реальными фактами в истории человечества и тем самым завоевали право на существование.

Более того, слово *cosmique* известно французскому языку с давних пор (по данным одних словарей, с 1390 года, по другим — с XVI века), но русизмы-советизмы *космический*, *космонавт*, *космодром* как бы осветили новым светом старое французское слово, обновили, оживили и отодвинули его былое существование за границу современного нового функционирования в кругу русизмов-советизмов.

Словарь приводит многочисленные ряды русизмов-советизмов: *spoutnik* 'спутник', *cosmique* 'космический', *cosmonaute* 'космонавт', *pilote cosmonaute (de l'U.R.S.S.)* 'пилот-космонавт' (СССР), *aviateur-cosmonaute* 'летчик-космонавт', *femme-cosmonaute* 'женщина-космонавт', *cosmodrome* 'космодром', *Korabl-Spoutnik* 'корабль-спутник', *Kosmitcheskyi Korabl* 'космический корабль', *Korabl Vostok* 'корабль «Восток»'. Часть слов транслитерируется, сохраняя в какой-то мере свой звуковой облик (*Korabl-Spoutnik*, *Kosmitcheskyi Korabl*). Другие термины — слова и словосочетания — частично (например, женщина-кос-

монавт — *femme-cosmonaute*) или полностью калькируются, т. е. заменяются эквивалентными французскими выражениями: *stations cosmiques* 'космические станции', *station interplanétaire* 'межпланетная станция', *pilotage manuel* 'ручное управление, пилотирование', *vaisseau Orient* 'корабль «Восток»'.

Словарь терминов, в данном случае астронавтикокосмических, оказывается не только языковым (лингвистическим) справочником, но и лингвострановедческим, так как вместе с разъяснением слов сообщает сведения из истории страны, ее культуры и науки. Приведем еще один пример. Фиксируя сочетание *lignes spatiales (les premières)* 'первые пространственные космические линии-пути', словарь предлагает в качестве пояснения-толкования такой текст из французского журнала «L'Express» (20. IV. 1964): «Первого мая 1933 года на Красной площади, где двадцать восемь лет спустя приветствовали Юрия Гагарина как героя космоса, Циолковский говорил: «Товарищи, я убежден, что мои мечты о межпланетных путешествиях осуществляются... Я уверен, многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия. Герои, смелые люди проложат первые космические линии: с орбиты Земли до Луны, с орбиты Земли до Марса, а затем Москва — Луна, Калуга — Марс...» Циолковский умер в 1935 году, но русские не забыли его слова».

Заметим, что уже современные толковые словари французского языка (Lexis, 1975) — не специальные — вводят такое толкование слова *космос* — *cosmos*: 1-е значение — 'вселенная' и 2-е значение — 'межзвездное пространство' с уточнением — «d'après le russe» [по примеру русского языка] (с 1959 г.). Это второе значение позволило образование слов *cosmonaute*, *cosmodrome* (1960—1964), а также *cosmonef*. Последнее слово калькирует русское словосочетание *космический корабль* (*космос* 'космос' + *nef* 'корабль').

Так словарные фиксации в специальном словаре переходят в общеязыковой толковый словарь, закрепляя роль русского языка в интернациональной терминологии.

Как мы могли уже видеть, с л о в о одним своим звучанием несет определенную социальную информацию (*спутник, корабль, космонавт*), но эта информация раскрывается тем полнее, чем глубже будет раскрыта семантика слова, чем полнее и точнее отражена связь слова с жизнью и историей народа.

Русские слова проникают и в другие языки. Они представляют нашу жизнь, наши достижения. Запуск первого искусственного спутника Земли, произведенный в Советском Союзе, как бы вывел на языковую орбиту космические неологизмы: *спутник, лунник, луноход*... Пересаженные в иную среду, они могут окрашиваться цветом иной жизни, оказываться под воздействием иного языка (*sputnikked, Sputnikja, rupnik*). В слове, даже специальном, терминологическом, отражается многообразие человеческой жизни, международные контакты, но и сохраняется то национальное своеобразие, которое позволяет заимствованное слово называть р у с и з м о м, с о в е т и з м о м (*спутник, лунник, луноход, космонавт, космодром, орбитальный научный комплекс — sputnik, lunik, lunochod — lunokhod, cosmonaut, cosmodrom, Raumkomplex*).

1

Слова, проникающие в другие языки, — это не просто следы межъязыковых контактов, но это в значительной степени следы общения народов, запечатлевшие и факт общения, а часто и сам характер общения. Как встречались разные народы? Торговали? Поддерживали дружеские связи или враждовали? Каким был народ, подаривший свое слово другому народу, другому языку?

Проследим историю некоторых русских слов в языке разных народов — близких, далеких и совсем, казалось бы, отделенных горами и морями. Слова запечатлели давние контакты и, сохраняясь в чужом языке, хотя и в уже измененном облике, способны рассказать многое из истории народов, встретившихся на своем историческом пути.

Уже с VI века прослеживается в з а и м о о б щ е н и е восточных романских и славянских народов в пределах карпато-днестровских земель. Многие заимствования периода первых контактов глубоко вошли в народный обиход, закрепились во фразеологии, в сказках, преданиях, пословицах и поговорках. В заимствованных из славянских языков словах можно легко выделить в первую очередь з е м л е д е л ь ч е с к у ю лексику, свойственную славянским народам-землепашцам: *coaza* (коса), *greblă* (грабли), *telega* (телега), *osie* (ось), *spița* (спица), *obada* (обод), *snop* (сноп), *stog* (стог) и многие другие. Заимствования древнеславянского происхождения составляют наименования предметов быта, материальной культуры: *prag* (порог), *polița* (полка), *gard* (изгородь),

ogradă (огороженное место, двор), *grădiște* (городище), *seliște* (селище), *iesle* (ясли), *stilp* (столб), *topor* (топор), *lopata* (лопата), *potcoavă* (подкова) и другие подобные названия. Торговые связи оставили в румынском языке такие слова, как *tirg* (торг, базар, торговля, город, в котором находится базар), *crișma* (корчма, трактир), *plata* (плата), *mieța* (мера для зерна, около 20 л.), *stînjîn* (сажень) и др.

Славянские по происхождению названия многих растений и животных: *bob* (боб), *morcov* (морковь), *cosean* (стебель, початок, кочан, кочерыжка), *bivol* (буйвол), *cireadă* (череда, стадо рогатого скота), *copită* (копыто), *clușcă* (клушка, наседка, квочка), *gîsca* — *gînsac* (гусь, гусак), *vevetiță* (веверица, белка), *vidră* (выдра), *lebadă* (лебедь), *vrabie* (воробей), *roi* (рой), *știuca* (щука), *trîntor* (трутень) и др.

Легко угадываются славянские по происхождению наименования явлений природы: *zori* (утренняя заря), *vihor* (вьюга, вихрь), *văzduh* (воздух), *vreme* (время), *céas* (час), *soroc* (срок), названия частей человеческого тела, а также слова, относящиеся к физическим или духовным качествам человека, к бытовым и общественным отношениям людей. Вот только несколько примеров: *trup* (тело), *obraz* (щека, лицо), *rumen* (румяный), *cîrn* (курносый, кирпичный), *glas* (голос, звук), *zvon* (звон, молва), *vesel* (веселый), *mindru* (надменный, мудрый, красивый), *drag* (дорогой, милый), *prost* (плохой, глупый, неученый), *lacom* (жадный). Общими оказываются многие для румынского и русского языков термины родства, обозначения возрастные и дружественные: *nevasta* (молодая жена, замужняя женщина), *maica* (мать, мама), *măteha-măteșă* (мачеха), *babă* (старуха), *prieten* (приятель), *țovarăș* (товарищ).

Интересна общность и общекультурной терминологии: *slovă* (буква) и *bucă* (буква), *letopisete* (летопись), *ucenic* (ученик в ремесле, последователь) или глаголы: *a citi* (читать), *a (se) trudi* (трудиться, стараться), *a țipi* (плавать, растворять, мочить лен) и др.

Возьмем теперь несколько слов для более подробного анализа, позволяющего почувствовать характер заим-

ствования и путь его проникновения в румынский язык. Сначала остановимся на словах *borș*, *ciobota*, *borta*, *cobza*. У каждого слова своя история, своя «внутренняя форма», определенная историческими обстоятельствами, условиями быта и взаимоотношений между народами во времена этого языкового заимствования.

Слово *борщ* теперь означает «похлебка из красной свеклы». Однако такую похлебку первоначально делали из растения — травы борщевник. Поскольку это растение имеет острые листья, то его название производят от древнеиндийского *bhrstis* «зубец, острое, край». Русское слово *борщ* — это только маленькое звено в цепи, связывающей семью индоевропейских языков, в том числе русский — один из славянских языков и румынский — один из романских языков. Можно полагать, что похлебка *борщ* была достаточно популярна, если ее имя было перенесено впоследствии на другую, уже свекловичную похлебку, но также кислую и соленую на вкус. Переносные осмысления слова, пословицы и поговорки позволяют сказать, что борщ был очень распространенной и общеизвестной едой. Примечательно, что словарь современного румынского языка без кавычек и оговорок фиксирует постоянное переносное значение *борщ* — «кислятина», а также дает ряд фразеологических сочетаний, пословиц со словом *борщ* и в каждом случае особо выделяется, обыгрывается определенная черта в понятии борщ. Вот, например, выражение *asufla cuiva în borș* «дуть в чужой борщ» означает «вмешиваться в чужие дела». Здесь *борщ* можно воспринять как традиционную еду, как символ общности семьи, собирающейся вокруг стола за трапезой. Пословица *Cine s'a fript cu borș ul suflă și'n iaurt* «Кто обжегся борщом, будет дуть и на простоквашу», соответствующая русской — «Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду» — тоже выделяет *борщ* как повседневную, обычную горячую еду. Выражение же *a umplea de borș* «разбить в кровь» говорит уже о том, что *борщ* готовился в пору сложившейся поговорки из свеклы, был красным, поэтому и смог стать эвфемизмом — синонимом крови.

Как видим, слово *борщ* обрастает разными ситуативными связями, отражающими жизнь и быт семьи.

Еще одно бытовое слово — *ciobota* «чеботы». И оно

связано с бытом, одеждой семьи; было принято другим народом из славянского обихода вместе с предметом — удобной обувью. Несколько иные по своему характеру слова *bortā* и *sovzā*. *Bortā* означает в современном румынском языке 'дыра, щель', а в устной речи — 'душло'. В восточных и западных славянских языках слово *бортъ* означало 'душло', 'дерево с душлом' или 'колода' для пчел, т. е. 'лесной улей'. *Бортничество* — 'лесное пчеловодство, состоявшее в разыскивании мест нахождения пчел, в присмотре за ними, собирании меда и воска' — промысел этот был распространен в славянских землях, долго сохранялся на Руси. Тем самым румынское слово *bortā* из славянского *бортъ* и особенно значение 'душло', сохранившееся в устной речи, свидетельствует о распространении промысла бортников. Шло соприкосновение жизненных укладов. Внедрение в румынский язык слова *бортъ* — *bortā* в значении 'душло' свидетельствует уже о промысловых контактах.

Интересно и движение слова *sovzā*. Оно отмечается румынскими исследователями как русизм, хотя слово это пришло в южные и восточные славянские языки из тюркских языков. Ср.: турецкое *кориз* 'разновидность гитары, арфы' или татарское *kubuz* 'скрипка'. Соприкосновения народов происходили разными путями: быт, торговля или обмен, праздники — все это оставляло соответственно разные следы в языках, запечатлевалось в лексике, которую современные исследователи румынского языка (и румынские — А. Росетти, И. Иордан, Е. Петрович, Г. Михаила, и советские — Р. А. Будагов и др.) разделяют на разные тематические группы, подчеркивая тем самым разнообразный характер общения среди народов тех времен.

Слово может не только отражать характер общения, но и может служить своеобразной временной вехой. Имя куница — *сипица* было заимствовано румынским языком в далекие времена, когда шкурка — мех зверя заменял деньги у восточных славян: налог на скот платили кунным мехом. А вот слово «царь» — *țar* могло появиться в румынском языке как русское заимствование не ранее XVI века. Именно тогда Ивану IV Грозному — главе Русского государства — был присвоен этот титул. Слова *часовой* — *ceasovoi*, *казначей* — *caznasei*, ча-

сти — *ceastle*, чиновник — *cinovnic*, дела — *deľa*, доклад — *doclad* или интернационализмы, пришедшие в румынский язык через русский, — администрация — *administrația*, аренда — *arendă*, артиллерия — *artileria*, кавалерия — *cavaleria*, батальон — *batalion*, офицер — *ofițer* и многие другие отмечают уже взаимоотношения в более позднюю пору — в XVIII—XIX веках, лишенные непосредственного бытового общения и определяемые уже государственными системами и новыми социальными условиями.

Слово, заимствованное в заимствующем языке, не только меняет свой звуковой облик и грамматическую форму, но, вживаясь в чужой язык, получает специфическое значение, вытекающее из общего значения славянского корня. Так, в XIV—XV веках сформировался румынский термин *ohăba* (книжный славяно-румынский), который был определен специфическими условиями той социальной эпохи. Он означал 'поместье, свободное от дани и от барщины, имеющее фискальную, юридическую и политическую автономию', а позднее 'наследное поместье'. Прилагательное от этого термина, образованное в румынском языке, *ohăbnic*, -а означало 'освобожденный, -ая, -ое от дани (поместье)' или 'имеющий право на такое поместье'. В славянских этимологиях прослеживаются только значения 'старое русло реки', 'лужа, болото'. В книжном славяно-румынском слове сформировалось значение 'место или что-либо другое, оставленное, заброшенное'. Сложный путь семантического развития определен уже конкретными историческими условиями. Он показывает силу заимствующего языка, значение социального фактора и важность семантической основы, которая развивается, преломляется по-новому, обеспечивая и развитие, и новое осмысление слова.

Есть слова, путь семантического развития которых — от первоначального славянского значения до значения, родившегося в румынской среде, — можно проследить, отмечая промежуточные звенья, позволившие модифицировать значения, на первый взгляд неожиданные. Для понимания семантического 'извива' в значении прилагательного *mîndru* (мудрый) важны сохранившиеся в старорумынских текстах промежуточные звенья, постепенные семантические смещения: «мудрый — надменный» → «красивый, прекрасный, любимый» → *mîndra* «красавица, лю-

бимая». Последнее оемыслеие можно сравнить с традиционным соединением мудрости и красоты в русских сказках: Василиса Премудрая и она же Прекрасная, хотя это понимание и не отразилось для русского языка в одном слове. Не менее интересно и образование — уже на румынской «почве» — отглагольного существительного *zapadă* (снег). «Ключ к пониманию этого словообразования, — сообщает один из исследователей славяно-румынских контактов Г. Михаила, — нужно искать в употреблении славянского глагола *zapastъ* (*zapudq*) — *zapudati*. В румынском языке этот глагол означает 'покрывать снегом', именно такое конкретное употребление глагола *западать* наблюдается и в русском языке, и в других славянских языках. Ср.: русское областническое *падь*, *западать* — *запастъ*, украинское *западъ* (глубокий снег). Подобные наблюдения позволяют говорить не просто о языковых заимствованиях, а об о б щ н о с т и словообразовательных путей, семантических сдвигов, хотя и различных для отдельных слов, но сходных, общих в промежуточных звеньях. Именно это сходство позволяет перебрасывать мост между отдельными явлениями, обнаруживать сходство и тем самым ключ к пониманию разошедшихся в разных языках, но связанных все же родством семантических смещений, словообразовательных трансформаций и модификаций. Именно это сходство в семантическом и словообразовательном развитии обнаруживает языковые контакты более ощутимо, чем заимствование отдельных слов.

Заимствованное слово не всегда живет только потому, что используется для дифференциации определенных понятий, определенных реалий. Заимствованное слово может быть и фактом, обогащающим синонимический ряд, служить средством разнообразного выражения одного понятия, как бы доказывая необходимость избыточных средств выражения в нашей речевой деятельности, необходимость разнообразия в выражении, казалось бы, одних и тех же понятий. Так, в румынском языке вместе с латинским по происхождению словом *pulbere* сосуществует слово славянского происхождения *praf* (ср. русские слова *прах* — *порох*). Оба слова в свое время развили многозначность 'прах — пыль — порошок' и входят в литературный румынский язык. Различие этих синонимов, пришедших в румынский язык из разных источников,

закljučается только в том, что слово *praf*, по наблюдениям лексикологов, более употребительно. Этот факт заимствования интересен не только в социальном плане и в плане межкультурных контактов, но интересен и с чисто лингвистической точки зрения. Полисемия и синонимия — факты в языке естественные. Язык как бы накапливает разнообразные средства выражения, не тяготеет к растущей синонимии и не стремится, уничтожив полисемию, закрепить за разными словами разные значения. Ср. два примера из произведений румынского классика Садовяну: *Oamenii merseera repede prin praful moale ca vata al șoselei* (Sadoveanu. Opera, III, 197) [Люди быстро шли по шоссе, по мягкой, как вата, пыли]; *In moara pulberea albă de făină se ridica pretutindeni* (Anghel și Iosif. Cîreșul lui Lucullus, 24) [На мельнице всюду была белая пыль муки]. Синонимы *praf* и *pulbere* выступают в одном значении — 'пыль', но они как бы ситуативно «разведены» волей автора. Большая частотность ситуаций с дорожной пылью возможно определяет употребление привычного *praf*, иная ситуация вызывает в памяти иной синоним. Потребность в разнообразии средств выражения обеспечивает жизнеспособность обоим словам.

2

Проследим теперь контакты русского языка с языком народа, не связанного непосредственным соседством и общением. С давних времен наблюдалось взаимное внимание английского, французского и русского народов друг к другу. На протяжении XVI—XVII веков в разных условиях и по разным причинам появились достаточно серьезные записи лингвистического и страноведческого характера. Наш известный советский исследователь Б. А. Ларин отмечает три иностранных источника по истории русского языка и, добавим, по истории русских международных отношений XVI—XVII веков. Это: 1) «Словарь московитов» (французско-русский, 1586 г.); 2) «Записная книжка» — Русско-английский словарь Ричарда Джемса (1618—1620 гг.); 3) «Русская грамматика» Генриха Лудольфа (Оксфорд, 1696 г.).

Если записи Г. Лудольфа отражают довольно верно московскую речь конца XVII века, то «Словарь московитов», впервые изданный Полем Буайе в 1905 году, фик-

сирует холмогорскую разговорную речь конца XVI века. В это время (в XVI в.) в Старых Холмогорах находился капитан Соваж со своими спутниками. Кто-то из них и сделал эти словарно-фразеологические записи. Небольшой объем словаря (всего 620 словарных единиц), однако, позволяет представить разговорную холмогорскую речь той поры.

Генрих Лудольф наблюдал живую московскую речь во всей ее пестроте и своеобразии. Надо учесть, что многое Г. Лудольф записал со слов жителей Немецкой слободы, среди которых у него было много друзей. Генрих Вильгельм Лудольф, по происхождению немец, жил в Англии, был на службе у датского принца Георгия, а выйдя в отставку, в 1693 году приехал в Россию с целью усовершенствования своих знаний живого разговорного русского языка, который изучал задолго до этого. Записи Лудольфа были напечатаны в Оксфорде в 1696 году, а для царя Петра I было сделано особое, так называемое «подносное» тиснение книги.

Старые Холмогоры и Архангельск (Новые Холмогоры) были торговыми городами с довольно смешанным населением. Поэтому в записях Р. Джемса можно проследить староновгородский, поволжский, московский, юго-восточный говоры, профессиональную речь рыбаков и охотников, отдельные слова из языка ненцев, чуди, коми. Р. Джемс записывал слова и, поясняя их, отмечал тем самым особенности климата, пейзаж, флору и фауну, характер одежды, кушаний, домашних построек и т. п.

Рукопись Р. Джемса хранится в Библиотеке Бодлей в Оксфорде. В этой же библиотеке находится еще один — четвертый — рукописный труд, посвященный русскому языку. Это «Словарь обиходного русского языка» (*A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue*), включающий словник (около 6000 слов) и краткий грамматический очерк русского языка. Марк Ридлей, бывший врачом при царском дворе в Москве в 1594—1599 годах, сделал эти записи, одновременно изучая русский язык и овладевая им.

Еще в XI столетии Новгород был известен в Англии в первую очередь как поставщик мехов, ювелирных изделий. К этому времени относится и женитьба Владимира Мономаха на дочери короля Англии Гарольда. Сведения той поры скупы и немногочисленны. Случайностью объясняет история торговый договор между Анг-

лей и Россией, заключенный при Иване IV Грозном. В 1553 году английская экспедиция из трех кораблей отправилась на поиски северного пути в Китай. Только один корабль добрался до устья Северной Двины, а его капитан Ричард Ченслер попал в Москву и получил хартию на право монопольной торговли. Один из первых курьеров английской королевы Елизаветы и русского царя Ивана IV Грозного — Джером Горсей впервые побывал в России в 1573 году. Он изучал русский язык, сопоставлял его с родственными языками, сравнивал и оценивал: «Хотя у меня было только посредственное знание грамматики и я только слегка знал греческий, сходство последнего с русским помогло мне за короткий срок овладеть им. Русский язык — самый богатый и изящный язык в мире».

Экономические, политические и чисто языковые причины объясняют то усиленный интерес к чужой речи, то затухание такого интереса. Так, чем меньше знали в чужих краях английский язык, тем более английские торговые люди изучали языки других стран. Осведомленность в английском языке деловых партнеров снимала потребность у англичан изучать чужие языки. В XVI—XVII веках Англия проявила особый интерес к русскому языку: правительственные толмачи овладевали русской речью. Джером Горсей и Роман Бекман отмечают интерес к русскому языку самой королевы Елизаветы, которую привлекла изукрашенная славянская вязь, ее интересовало звучание написанного русского слова. Русский язык представлялся английской королеве «знаменитым и богатейшим языком в мире» (the famoust and mostcopious language of the world), не казался он, не в пример некоторым современным преподавателям русского языка за рубежом (это отмечаем особо), и каким-то невероятно трудным языком. Возможно, русское соотношение звуков и букв, очень простое по сравнению с английским языком, позволило Елизавете сказать: «Я бы скоро научилась этому» (I could quickly learn it).

Политические причины обусловили поиски северных торговых путей. Соперничество Англии с Португалией, Испанией, Голландией определило рост английского флота и спрос на корабельный лес. Начало деловым отношениям между Англией и Россией было уже положено в 1528 году, когда по дороге ко двору Карла V в Испанию рус-

ские послы заехали в Англию, а затем побывали вновь в Англии в 1552 году. Позже эти отношения, как мы уже знаем, укрепил Ченслер. Так деловые англо-русские связи с этой поры все более расширяются. Торговым людям нужен был русский язык как средство общения. В докладах английских дипломатов и купцов в их родной английский язык все чаще вкрапливаются русские слова.

Первые источники русского языка для иностранцев, чужестранцев, или, как принято говорить теперь, русского языка как иностранного, преподносят русский язык в разговорном плане, так как главной целью было стремление научить и научиться говорить по-русски. Примечателен интерес к устной речи, к ее звуковой стороне. Так, Г. Лудольф разграничивал старославянские и чисто русские элементы в речи. Он обращает внимание, например, на то, что хотя пишется слово *сегодня*, но произносится оно как *севодня*. Через слово иностранцы авторов русских словарей стремились познакомить с бытом, жизнью и историей русского народа и русской страны, как бы тем самым демонстрируя неразрывность языка и истории, социальную обусловленность языка и свое понимание этого важного момента в науке о языке и в практике его преподавания. Изучая русский язык, ученые-иностранцы записывали рассказы и суждения русских людей.

В наши дни во Франции как знак торговой фирмы пестрит на рекламах изображение мамонта и само русское слово *мамонт* в латинском написании. Слово это известно далеко за рубежом русских земель с начала XVII века. Ричард Джемс писал: «Мамонт — это морской слон, которого никто не видел... живет под землей, прорывая себе ходы, потому-то и находят (под землей) его клыки и рога или кости на Печоре и на Новой Земле. Из них делают шашки в России». Опираясь на факты и рассказы местных жителей, Джемс записал не только само слово, но и сообщил об искусстве резьбы по кости и о распространении игры в шашки в России,

Есть запись о мамонте и у Лудольфа: «Чрезвычайно любопытная вещь — мамонтова кость... это настоящая слоновая кость». И далее Лудольф полагает, что слоны были занесены в Сибирь Всемирным потопом и с течением времени покрылись землей. Однако фантазия местных жителей об огромном животном, подобном кроту, живущем под землей, была более реалистична, чем мысль о Всемирном потоке, занёсшем слонов на север.

И Джемс, и Лудольф записывали рассказы о мамонте — сибирском слоне и свои догадки о том, как попала на север слоновая кость — морской ли это слон, который живет под землей, или Всемирный потоп занёс слонов в столь отдаленные земли, а время покрыло их землей. Все это, как мы знаем, было далеко от истины, но сведения, что северные народы из кости мамонта режут шашки, — это уже ценные данные об искусстве резьбы по кости и о распространении игры в шашки в России начала XVII века.

Казалось бы, первыми составителями словарей руководили чисто утилитарные цели. Так, Г. Лудольф полагал, что его труд послужит купцам и путешественникам, представит язык, на котором говорят в стране от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии до Китая. Скромно считая изучение разговорного языка только введением в изучение языка, Лудольф стремился ввести страноведческие элементы в изучение языка даже на этом первом этапе, справедливо определяя их важность в процессе взаимообщения и взаимопонимания. Сам же выбор русских слов, заимствованных английским языком, говорит об определенном характере возникшего отношения (термины из делового, дипломатического языка на уровне государственных, посольских переговоров и названия предметов торговли).

Это в первую очередь наименования, связанные с государственным устройством, — царь, царевиц, царица (англ. *czar* и более раннее *tsar*, *czarevich*, *czarevna*), царица (англ. *czarina* испытало влияние немецкого русизма *czarin*). Эти слова укрепились в английском языке уже к 1555 году. Входят в английский язык русские термины: *воевода* (*voivoda*), указ (*ukase*), русские обозначения мер веса, расстояний, денежных единиц: *верста* (*verstiss*), *аршин* (*archin*), *пуд* (*poud*), *рубль* (*rouble*), *коней-*

ка (*coreck*), названия одежды, кушаний, бытовых явлений, поражавших англичан как экзотизмы: *кафтан* (*kaftan*), *однорядка* (*odnoriadka*), *квас* (*kvass*), *щи* (*shchi*), *мед* (*mead*), *калач* (*kalatch*), *самовар* (*samovar*), *тройка* (*troika*) и другие безэквивалентные наименования русских реалий.

Конечно, скорее всего вживаются названия товаров и кушаний, получивших распространение в Англии. Если до XVI века безусловное распространение имело слово *соболь* (*sable*), то с XVI века число русизмов растет: *квас*, *мед* и неизвестное в русском языке *астрахань* (*astrakhan* от географического названия «Астрахань» в значении «каракуль»). Слова эти проникают из деловой речи в английский обиход, в литературный и даже поэтический язык.

Известно несколько литературных упоминаний русских реалий. Любопытно отметить, что в дипломатической переписке тех далеких времен сохранились английские транскрипции русских текстов. «*Me Velykoe hospodare schare e velico knaze Burgis Phedorowich ...*» — так начинается транскрибированная латинскими буквами верительная грамота русскому послу в Англии Григорию Микулину от имени Бориса Годунова. Такие транскрипции говорят об интересе к звучащему русскому слову, желании прочесть письмо в подлиннике, постигнуть смысл славянских букв. Транскрипция верительной грамоты была сделана для Роберта Сесилия, графа Солсбери, министра королевы Елизаветы, ведавшего внешними связями Англии. Английские торговые агенты, владея русским языком, вкрапливали в свои послания русские слова или фразы: «*holop tvoi hospodarev to the end of my days*» [холоп твой господарев до конца дней моих] — так написал один из них — Джон Меррик — в письме к Борису Годунову.

Еще Ченслер в своих донесениях из России искал эквиваленты для русских реалий: питье русских монахов «называется *квасом* (*quasse*) и похоже на грошовый эль». *Квас*, *мед*, *однорядка* уже были в сочинениях Флетчера о русском государстве (1598). Тот же *квас* Флетчер пояснил как «не что иное, как вода, заквашенная с небольшой примесью солода», а *однорядка* — крестьянское «широкое платье, которое спускается до самых пяток и подпоясано кушаком из грубого белого или синего сукна».

Исследователи языка старой английской драмы выделяют в ряду заимствований русизмы *квас*, *соболь*: у Томаса Гейвуда в пьесах «Похищение Лукреции» (1608) и «Вызов красоте» (1635) — русский напиток *квас* (The Russ drinks *quasse*), а в «Похищении Лукреции» говорится о русских, головные уборы которых украшены *соболями* (The Russ with *sables* furs his cap).

Квас попал в поэтические строки — в эпистолы — Дж. Тербервиля из России, где автор находился с посольством в 1569 году, вместе со словами *мед* и *однорядка*. *Mead* — другой русский напиток автор называет «усладой пьяных уст».

Однако характер русских слов и особенно характер их бытования в английском языке говорит об отдаленности народов, об отсутствии непосредственного общения, бытового соприкосновения, что наблюдалось на юге славянских земель в общении славянских и, например, румынского народов. Русизмы в английском языке не вживались в фольклор и не обрастали образными фразеологическими сочетаниями. Это были отдельные экзотизмы, проникавшие в общелитературный английский язык, в речевой обиход не в результате широкого соприкосновения жизни народов, а проникшие из делового языка и сферы дипломатических и экономических сношений. Это было проникновение уже внутриязыковое: из одной сферы в другую, расширение функции от номенклатурного названия реалии как предмета торговли в название реалии, принятой английским бытом или привлекавшей внимание своей необычностью. Возникал как бы набор особых предметов, наиболее известных и символизировавших русскую землю, русский быт, самих русских в представлении малоосведомленных англичан. Русизмы притягивали внимание, их истолковывали довольно подробно, искали аналогии (*квас* — грошовый эль). Все это свидетельствует об интересе к русскому слову, за которым стояла жизнь далекого народа. Но восприятие по отдельным реалиям (*квас*, *мед*, *однорядка*) скорее было в плане экзотики, чем в плане реальной жизни.

3

В далекую Калифорнию, в речь индейцев русские слова попали много позже. 8500 километров отделяют русскую землю от Калифорнии. И все же из европейцев русские

землепроходцы первыми вступили на северо-западные берега Америки. В середине XVIII века на Аляске появились первые русские поселения, а затем и первые встречи с индейцами. Знакомство с индейским племенем Помо в районе залива Бodega относится к 1811 году, когда русские искали земли, пригодные для земледелия. Русские поселенцы на Аляске нуждались в сельскохозяйственных продуктах — хлебе, овощах. Их трудно было доставлять из далекой России. Мореход и предприимчивый администратор Иван Александрович Кусков в 1812 году, заручившись согласием индейцев, высадился севернее залива Бodega. Он прибыл туда на судне «Чириков» и в очень короткий срок заложил крепость-форт с жилыми постройками. Селение это получило имя *Росс*, связывавшее поселенцев с родиной. Находилось оно в 50 милях севернее Сан-Франциско, на территории индейцев Юго-Западных Помо. Русские занялись огородами, снимая обильные урожаи картофеля, репы, редьки, капусты, гороха и бобов, дынь и арбузов. Огородничество сочеталось со скотоводством, чему способствовали тучные пастбища, благоприятный климат.

В записках выдающегося мореплавателя Василия Михайловича Головина, относящихся к 1818 году, когда он посетил калифорнийское поселение русских — форт Росс, есть такие примечательные сведения о взаимоотношениях русских и индейцев: «Русские промышленники по одному и по два ходят стрелять в леса диких коз, часто ночуют у индейцев и возвращаются, не получив ни вреда, ни обиды... Индейцы свои отдают своих дочерей в замужество за русских и алеут, поселившихся у них; и в крепости Росс теперь их много. Через сие составилось не только дружество, но и родственные связи».

Другой известный русский мореплаватель — Отто Коцебу, посетивший форт Росс в 1824 году, делает такую любопытную запись в своем «Новом путешествии вокруг света в 1823—1826 годах»: «У индейцев существует древнее предание, согласно которому у здешних берегов однажды потерпело крушение судно. Спасшиеся с него белые люди поселились в этой долине и жили в дружбе с индейцами». В плаваниях на Алеутские острова и Аляску немало русских моряков терпело кораблекрушение. Вероятно, они попадали на берега Калифорнии, ассимилировались индейцами. В той же книге О. Коцебу есть сведения об

одном племени, «принадлежащем к совершенно иной расе». Но прослеживать эти далекие связи очень трудно, так как индейские племена последовательно испытывали испанское и англо-американское влияние. И все же язык индейцев Помо хранит былые контакты с русскими первооткрывателями-первопроходцами. К сожа-

лению, ученые, ни наши, ни американские, не интересовались, не выясняли историю и результаты этих взаимосвязей. Впервые на исходе XIX века американский этнограф С. Поуэре в книге «Племена Калифорнии» (1877) отметил, что русские слова активно живут в речи индейцев: *мелуко* 'молоко', *sooshyo* 'ружье'. И только в 1957 году департамент лингвистики Калифорнийского университета в Беркли, занимаясь изучением индейских языков, обратил внимание на русизмы и зафиксировал 12 таких слов, однако нельзя сказать, что это исчерпывающий список русизмов. Слова эти группируются по своему значению в сферах: «растения», «посуда и одежда», «предметы быта, обихода, промысла». Иногда эти слова разделяют на четыре группы: 1) растительный мир, 2) пища, 3) посуда и предметы домашнего обихода, 4) разное. В числе первых следует отметить слова *šiniltca* 'пшеница', *kulucitca* 'горчица', *ja.palka* 'яблоко'. Индейцы Помо, научившись от русских возделывать хлеб, переняли и название основной зерновой культуры — пшеницы. То же явление наблюдается в распространении садоводства, которое дало индейцам и название «яблоко» — *ja.palka*. Несколькая иная история у русизма *горчица*. Дикое растение окультивированное русскими и названное *горчица*, конечно, имело свое местное название — *kulu* 'лесной' или 'дикий'. Но когда индейцы вслед за русскими научились применять его семена в пищу, то и русское название было принято, но в своеобразной, скрещенной с местным названием форме: *kulucitca*.

Русские привлекали к сельскохозяйственным работам индейцев и тем самым знакомили их с плодами земли и со своей пищей. Так попадают в речевой обиход индейцев слова *молоко* — *molokko*, *чай* — *sa.yu* и кофе, в разго-

ворной распространенной форме тех времен — *кофий* — *kofey*,

Несли в чужой язык свои названия и вещи, вошедшие в быт индейских племен: *ложка* — *logka*, *чашка* — производимая — *caska* (звук *ш* перешел в *с*), *мешок* — в несколько трансформированной форме *ti-sik*. Интересна жизнь некоторых русизмов в речевом творчестве индейцев. Так, понятие 'шкаф для посуды' было выражено таким образным словообразованием: *caska-heo* = 'дом чашек', 'хижина чашек'.

Восприняты индейцами были и наименования других вещей. Приняты были вместе с их наименованием непременная деталь русской одежды — *чулки* — *cu.ki*, своеобразная примета русского дома — *кошка* — *kuska*, важнейшая деталь мореходного промысла — *парус*, произношение этого слова не претерпело никаких изменений. Надо отметить, несмотря на то что заимствующий язык далек от русского языка по звуковому составу и грамматическому строю, заимствованные русские слова сохраняют свой фонетический облик. Язык Юго-Западных Помо стойко хранит эти давние заимствования из русского языка. Новые для индейцев вещи и предметы были настолько связаны с русским бытом, что их русские имена не отделялись от вещи и путешествовали вместе с ней. Так, слова *ложка*, *парус*, *чай*, *кофе* вошли в речевой обиход и Центральных Помо, которые не имели непосредственных контактов с русскими, подобно своим юго-западным единоплеменникам. Только слово *кофе* могло иметь два источника заимствования — русский, но уже из языка Юго-Восточных Помо, или, возможно, испанский.

Перед нами ряд слов, разных по происхождению: славянские — русские — слова *ложка*, *чашка*, *мешок*, *молоко*, *пшеница* (от *пшено*), *горчица* (от *горький*), *яблоко* или слова, в которых яснее прослеживались общие индоевропейские связи, — восточнославянское *кошка* из латинского *cattus* 'кот', древнерусское заимствование из греческого — *парус*, тюркские — *чулки*, *чай*, арабское слово *кофе*, пришедшее в русский язык через английский. Так слова, встретившиеся в русском языке, распростра-

нялись уже далее как русизмы, связанные с жизнью русских людей. Они характеризовали не только жизнь самих русских, но и их взаимоотношения с соседними народами. Как бы ни были скупы сведения о культурно-исторической роли русских в Северной Калифорнии, язык местных индейцев хранит следы этой роли. И эти малые следы представляют значительный интерес не только для науки о языке, но и для социологии, истории вообще и истории международных контактов в частности.

4

Слова, как мы могли заметить, могут далеко уходить от языка-источника, могут путешествовать из языка в язык, запечатлевая общение народов, говоривших на этих языках.

Общеславянское *скот* было заимствовано германцами, вероятно, в первую очередь как обозначение определенной платы. *Скот* имело значение 'деньги', отсюда более отвлеченные значения в готском *skatts* 'деньги', а в немецком *Schatz* 'богатство'. Не менее интересны слова, прошедшие долгий путь в путешествии из языка в язык. В этих случаях уже трудно даже угадать первоначальный облик и чужое слово настолько ассимилируется заимствующим языком, что превращается в свое. Так, слово *besmer* 'безмен' в немецком языке отмечается как русизм, хотя в древнерусский язык оно пришло из тюркских языков от *везне* 'весы', в свою очередь из арабского *wizna* 'весы'. В русском языке под влиянием народно-этимологического осмысления *везне* воспринимаются как 'безмены' (без изменения). В немецкий язык это арабское слово, прошедшее путь через тюркские и русский языки, приходит как русизм и здесь уже получает «немецкое» оформление — *besemer*.

Другой же тюркизм, идущий из русского языка, уже за давностью заимствования и переоформленностью вовсе не узнается и не воспринимается как чужое слово. Русское *толмач* восходит к тюркским *та||тел||дил* 'язык' и означает 'переводчик', 'истолкователь'. В венгерском *tolmács*, в румынском *talmacin* сохраняют звуковую близость и значение источника, немецкое *Dolmetsch* хотя и изменило свою звуковую «оболочку», но значение осталось

тем же, однако родство слов *толмач* — *Dolmetsch* как бы утеряно.

Интересно, что в английский язык «корень-путешественник» *тал-* — *тел-* = *tal-* — *tel-* был занесен скандинавами в значении 'рассказ, число'. В результате ряда модификаций отсюда возникают современные английские *tale* 'рассказ', 'число', *to tell* 'сказать'. Эти слова любопытно сравнить с немецкими *Zahl* 'число', *zählen* 'считать', *erzählen* 'рассказывать', с голландскими *taal* 'разговорный язык', *tellen* 'считать', *vertellen* 'рассказывать', с датскими *tal* 'число', *tale* 'речь', с исландскими *tal* 'рассказ', *tala* 'число' и др.

Не менее интересен и как бы второй круг путешествия корня *тал-*. Английские слова *talk* 'разговор', 'беседа', *to talk* 'говорить', 'разговаривать', 'болтать' и т. п. восходят к скандинавскому корню *tolk* из русского *толк* (ср.: *толковать*, *толковый*).

Как видим, слово может рассказать не только о прямых, непосредственных контактах между двумя народами, но и о разнообразных опосредствованных, косвенных контактах между разными народами.

1

В каждом языке можно проследить, словно археологические напластования, временные «слои» и отметить веки, найти следы былой жизни народа и его новой жизни, следы дружеских контактов между народами и ссор, сотрудничества и вражды, мира и войны.

Как мы уже могли заметить, международные связи развиваются в зависимости от социальных и географических условий. И чем более ранние времена являются предметом нашего внимания, тем ограниченнее и медленнее складываются взаимоотношения между отдаленными народами с нашей современной точки зрения. Тогда почти не было средств коммуникации. Тем самым географическое положение играло не последнюю роль.

Политика и экономика, т. е. возникающие дипломатические и торговые связи, определяют языковое общение. Вот один эпизод из истории испано-русских отношений. Начались они поздно и до конца XVII века не были регулярными.

О «шпанской земле» в Москве знали уже в конце XV века. Сюда докатились в рассказах западных послов сведения об испанской инквизиции, о еретиках. К началу XVI века относятся первые деловые сношения. В 1505 году испанский король Филипп I обратился к Ивану III с просьбой о пленных ливонцах (почему об освобождении ливонцев просил Филипп I и что ответил московский великий князь, неизвестно). Но не прошло и двадцати

лет, как в Испанию в Мадрид к Карлу V было отправлено Василием III первое русское посольство. Испания в этот момент соперничества с Англией и Турцией проявила особый интерес к Московскому государству, правам и обычаям москвитов. Один из современных исследователей дипломатических отношений древней России (Я. С. Лурье) замечает, что «в Испанию дипломаты Василия III привозили традиционный предмет русского экспорта — меха, получавшие там значительный сбыт».

Обратим особое внимание на обмен грамотами, происходивший на уровне короля и великого князя, впоследствии царя, а также на традиционность русского экспорта, состоявшего в первую очередь из мехов. Слова *zar* (царь) и *sebellina* (соболь) в испанском языке отмечают эти первые дипломатические и торговые связи. Именно такого рода слова-термины, относящиеся к дипломатической, политико-социальной и торговой, экономической сферам, составляют заимствования из русского языка (русизмы) в языках Западной Европы.

Мы знаем, что слова *czar* (царь), *ukase* (указ), *voivoda* (воевода) вышли за пределы деловых донесений и вошли в словарь английского языка. Торговые связи подарили английскому языку русизмы *verstiss* (верста), *archin* (аршин), *poud* (пуд), *rouble* (рубль), *copeck* (копейка). Этим же путем шли наименования традиционных предметов торговли с русскими: *sterlet* (стерлядь), *belouga* (белуга), *sable* (соболь). Знакомство с русскими и их жизнью приносило в язык заезжих торговых и посольских людей наименования чисто русских реалий из разных сфер жизни, быта, истории: *kaftan* 'кафтан', *kalatch* 'калач', *kvase* 'квас', *shchl* 'щи', *samovar* 'самовар', *troika* 'тройка', *knout* 'кнут', *steppe* 'степь', *tammoth* 'мамонт'. Это были так называемые безэквивалентные реалии. Знакомство с вещью было одновременно и знакомством со словом-именем вещи. Путь движения вещей — торговый путь был движением и ее имени-слова в другие языки. Те же слова можно отметить как заимствованные русизмы и во французском языке с некоторыми изменениями в целом традиционного списка русизмов. Так, во французском языке вместе с ввозом товаров появились их русские наименования: *sable* 'соболь', *sterlet* 'стерлядь'; русские меры: *poud* 'пуд', *archine* 'аршин'; привлекали внимание русские кушанья: *borchtch* 'борщ', *kalatch* 'калач', *kissel*

‘кисель’, *chachlyk* ‘шашлык’ — еда восточная для русских, но во Франции, как и во многих других странах, связанная с русской кухней. Остались, конечно, без перевода наименования экзотических для французов предметов быта: *samovar* ‘самовар’, *troïka* ‘тройка’, *balalaïka* ‘балалайка’ и некоторые другие. Слова эти, входя то ли в английский язык, то ли во французский, оставались на правах экзотической лексики. В родной стихии — в мире вещей, как и в мире слов, — не было ничего подобного русским словам *самовар*, *балалайка* или *тройка*.

Заметим, что некоторые слова так срослись с определенной эпохой, что своеобразно изменили свое значение. Слово *sable* ‘соболь’ во французском языке теперь употребляется преимущественно как обозначение черного цвета в геральдике. Дорогой соболий мех был почти неременной деталью в одежде знатных особ. Однако синоним *zibeline* (из *sabeline* ‘соболь’) пришел также из славянских языков (польского и русского через посредство итальянского *zibellino* от русских слов ‘сибирский, сибиряк’).

2

Конец XVII — начало XVIII века — это был в жизни России период, отмеченный не только внутренним ростом страны, развитием науки, ремесел, искусства, но и новыми международными связями, новыми контактами. В эту эпоху было «суждено

В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе».

(Пушкин А. С. Медный всадник.)

Эти поэтические пушкинские слова полны глубокого предвидения. Связи нашей страны — экономические, культурные и, конечно, политические — росли и крепились с ростом самосознания и самоутверждения нашего государства.

Слово представляет народ. Это как бы его полномочный представитель, полпред. Слова, как мы пытались показать, могут рассказать и о народе, его жизни, и о характере общения с другими народами. Заимствованные слова могут быть разными, принадлежать разным сферам жизни и быта, то приходиться из языка дипломатических грамот, обращений, переписки (*царь, воевода, указ*), то приходиться из языка торговых людей вместе с привезенными и покупаемыми товарами (*соболь, стерлядь*), то приходиться как экзотизмы, отмечающие чужой быт, чужие нравы, обычаи (*борщ, кеас, мед, тройка, самовар*). У народов-соседей возникают и общие понятия, и общие имена для тех или иных вещей и явлений. Но, что очень важно отметить, первоначальный поток русских слов чаще всего состоит из конкретных наименований. Это «слово → вещь». И хотя почти каждое слово, казалось бы, подкреплено конкретным, наглядным, осязаемым предметом, жизнь заимствованных слов, если она зависит от вещи, как это ни парадоксально, не всегда оказывается прочной. Вещь может получить новое имя — синоним, вещь может уйти из жизни заимствующего ее народа, и тогда заимствованное слово остается только в истории языка.

Первым русским словом, которое вошло в язык англичан, называют *tapor-æx* или *taper-æx*, соединившее русское и норвежское слова *tapor-taper* (топор) и *æx* (топор). Оно записано на страницах летописи за 1031 год: *taper- æx*. Однако имя предмета в таком виде не дожило и до среднеанглийского периода. Этот словарный факт — только историческое, хотя и немаловажное, свидетельство русско-норвежских и английских связей. Но само слово-русизм не удержалось в английском языке. Предмет же существует, ныне нося германское имя *axe* 'топор'.

Займствованные слова могут обрести вторую жизнь в заимствующем языке, подчиняться фонетическим, грамматическим и семантическим законам чужого языка и войти в его систему. Вспомним историю слова *скот* в других языках или судьбу тюркского корня *тал* — *тел*, вошедшего через русский язык во многие западные языки.

Есть слова, облик которых в других языках (чужих) не изменился, но они получают новое осмысление на основе конкретного значения заимствованного русского слова. Давно в самом русском языке слово *стрелец* стало историзмом. В Русском государстве XVI—XVII веков существовали особые войска стрельцов. Они играли значительную роль в допетровскую пору, возглавляли военные походы времен Ивана Грозного. Однако стрельцы оказались в лагере консервативных сил, возглавляемом царёвной Софьей. В стрельцах все близкие Петру видели своих врагов, послушных партии Софьи. В английском языке возникает переносное значение: *стрелец* — ‘приспешник, ландскнехт’, и именно в этом значении функционирует русский историзм в английском языке.

Иногда же переосмыслению чужого слова способствует отсутствие конкретного представления о называемом им предмете или явлении.

«В Западной Европе по ее географическому положению нет предмета, который дал бы понятие о степи, а оттого во французский язык вошло русское слово *steppe*» — так писал еще В. Г. Белинский. Займствованное французским языком слово *степь* относят к 1752 году. Однако чужое слово лишено конкретно ощутимого содержания, как всякое слово, заимствованное книжным путем. И только впоследствии, постепенно оно наполняется предметно-зрительным представлением. Это поощряет уже переосмысления, сравнения, образные употребления. В произведении современной французской писательницы Мадлен Риффо «Больница как она есть» находим интересную метафору. Санитарка принимается за работу, «ухватившись за ручку ведра, уверенным взглядом окинув плиточную *степь*». Нескончаемые больничные полы, покрытые керамической плиткой, представляются бесконечными, подобно русской степи. Переводчица делает к слову *степь* примечание:

«Характерное для современного французского языка заимствование автором русского слова». Вернее было бы заметить «медленное вживание заимствованного слова и образное постижение его смысла особенно в наш век обмена различной, в том числе наглядной информацией — кино и телефильмами, в век более широких непосредственных контактов». Ср. образование прилагательного *steppique* 'степной' и словосочетания *végétation steppique* 'степная растительность', что свидетельствует о вживании русского слова *степь* — *steppe* во французский язык в конкретном значении.

Заметим, абстрагирование заимствованного слова может произойти быстрее в заимствующем языке именно в силу меньшей соотнесенности с конкретным представлением. И если такой русизм, как *steppe*, получал во французском языке образное осмысление и возможность метафорического употребления, то слово *стрелец* в английском языке ожидало осмысление, подсказанное традиционной оценкой роли стрельцов в борьбе Софьи против Петра. Наблюдается попытка осмыслить слова на фоне исторических событий определенной эпохи. Тем самым слово «историзм», связанное с ушедшей жизнью, получает право на существование в современном речевом обороте. Оно не конкретное наименование, а выразитель определенной идеи.

Особо отметим постепенный переход от заимствованных русских слов «слово → вещь» к заимствованиям «слово → идея». В ряду русизмов, распространившихся в XIX веке, выделяются такие, как *дума*, *земство*, *декабрист*, *нигилист*, *интеллигенция*.

Слова *дума* (*duma*) 'представительное выборное законодательное или административное учреждение царской России' или *земство* (*zemstvo*) 'местное, ограниченное в правах самоуправление в центральных губерниях дореволюционной России' говорят об определенном государственном устройстве, некотором ограничении монархической власти. Земство должно было дать голос народу, демократизировать государственный строй, но «земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, допускаемым бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, про-

стым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством», — писал В. И. Ленин¹.

Как бы ни были незначительны в процессе демократизации власти и дума, и земство, эти русизмы определенным образом характеризовали новую эпоху в государственной жизни России. Идейный заряд несли слова, хотя и очень разные по содержанию и социальному значению, — *декабрист* (*decembrist*) и *нигилист* (*nihilist*).

4

Декабрист — 'член тайных революционных обществ, подготовлявших восстание' и 'участник восстания против самодержавия и крепостничества в Петербурге 14 декабря 1825 года'. В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»². Два лозунга пронизывают всю историю декабристского движения — борьба с крепостным правом и борьба с самодержавием.

Сам термин *декабрист* 'участник декабристского восстания 1825 года' возник не ранее 40-х годов. В печать же, проходившую цензуру, он попал в 60-е годы. Слово это было как боевой клич, как ярый протест, его боялись произносить, слишком открыто было его внутреннее содержание — *декабрист* не от *декабрь* месяц, а от *декабристское восстание* против самодержавия и крепостничества.

Слово *декабрист* вошло в другие языки как наименование определенного политического явления. Но одновременно оно было и выразителем определенных идей. Это явление русской жизни, однако, не принадлежало только России. Декабризм и декабристы стали вехой в развитии революционной мысли, революционного движения не только для России, но и для мирового революционного движения. Само же слово тем самым относится к миру идей, непреходящих ценностей, оно непереводимо, не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

² Там же, т. 21, с. 261.

имеет эквивалента. Подчиняясь чисто звуковым законам и внешне походя на кальку — ср.: *декабрист* (декабрь) — *decembrist* (december), слово сохраняет свою безэквивалентную семантику, существует как слово-идея, не ограниченное узконациональными рамками. Первая четверть XIX века ознаменовалась идейным влиянием декабристов не только на русскую социологию, историю, философию, культуру, но и на развитие социологической мысли вообще. Декабризм — это определенная ступень, для наименования которой нет другого имени. Тем самым «слова-идеи» оказываются более прочными в языковом обороте и в родном, и в заимствующих языках.

Совсем иное содержание вложено в термин *нигилист*. Созданный из чужих для русского языка элементов — латинское *nihil* 'ничто' + немецкий суффикс лица *-ist*, он стал русским наименованием русского же социального явления. Однако само слово *nihiliste* французские словари отмечают с 1761 года, *nihilisme* — с 1801 года. В эту эпоху своего бытования оба слова объединялись значением 'отрицание всякой веры'. На русской почве они имеют совсем иное осмысление. Нет сомнений, что жизнь этих слов в русском языке была н о в о й жизнью, слова *нигилист* и *нигилизм* в русском языке родились второй раз и французские словари теперь отмечают как второе значение *nihilist* и *nihilism* их русское осмысление (с 1871 г.).

Русские разночинцы-шестидесятники резко отрицательно относились к буржуазно-дворянским традициям и обычаям, к крепостнической идеологии. Примечательны слова А. И. Герцена («Новая фаза русской литературы») о нигилизме и нигилистах в связи с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети»: «Роман... употреблял то же слово *нигилизм*, которым пользовались и московские реакционеры, которые, устав называть своих противников материалистами, изобрели термин *нигилист*, как бы желая тем подчеркнуть отягчающее вину обстоятельство, высшую степень материализма».

Изобретение слов *нигилизм* и *нигилист* приписывалось И. С. Тургеневу, но автор «Отцов и детей» (1862), создав образ Базарова-нигилиста, только популяризировал термин в ту эпоху, сделал его употребление регулярным. Сами же слова в эпизодическом употреблении существовали уже и в речевом обороте, и на страницах печати. Ср. хотя бы название статьи Н. И. Надеждина «Сонмище нигили-

ство» (1828). В реакционной публицистике это было бранное имя демократов-разночинцев, «новых людей».

Нигилизм при всей своей внешней бунтарской направленности и стремлении как будто бы к материализму таил в себе опасность разрушения духовных богатств, накопленных народом. Нигилизм — это отрицание общественных ценностей (всяких норм, принципов), созданных человечеством, полный скептицизм. В этом значении образованное на русской почве слово *нигилизм* входит в другие языки и существует для выражения определенного идеологического направления. Слова *декабрист*, *нигилист* нельзя назвать экзотизмами-русизмами. Они хотя и характеризовали развитие русской политической мысли, но не были ограничены только русской жизнью, русской историей, социологией.

5

Есть термины чисто русского происхождения. Казалось бы, в некоторых случаях они возникали как дубликаты уже существующих — интернациональных. Ср.: *демократ* — *народник*. Историю этих слов, как и многих других, мы найдем в словарных исследованиях советского ученого Ю. С. Сорокина, изучающего развитие и состав русского литературного языка. Термин *демократ*, как и *народник*, опирается на корень со значением 'народ' — греческое *δημος* 'народ'. Его значение 'человек, происходящий из народа, из низших слоев общества (противопологается аристократу)' устарело и сменилось значением 'сторонник, приверженец демократии, отстаивающий политические свободы и права народа'. Впервые слово *демократ* попадает в словари в 1731 году. Термин *народник* отмечен лишь в третьем издании словаря В. И. Даля (1904—1909). Слово это так же, как и *демократ*, пережило семантическую революцию. Первоначальное значение — 'тот, кто обращается к народу, учится у народа' (60-е годы прошлого века) — применялось главным образом для характеристики писателей, темой творчества которых становилось сочувственное изображение народных судеб, народной жизни.

Заметим, в современном политическом языке термины *демократ* и *демократический* приобретают особое осмысление в зависимости от идеологической системы, в которой

функционируют эти термины. Ср., например: *партия демократов в США*.

В революционной среде 70-х годов в связи с размежеванием революционного движения на фракции, избравшие разную тактику борьбы и выработавшие свои политические программы, слово *народник* было закреплено главным образом за партией «Черный передел». Чернопередельцы ставили главной и ближайшей целью пропаганду своих идей в народе — «хождение в народ». И все же объем понятия *народник*, как и *народничество*, оставался неопределенным до тех пор, пока это явление не было оценопо в марксистской литературе.

6

Еще одно слово-пришелец для русского языка в русском же языке дало новую форму с новым содержанием. Сравним латинское *intellegens (intellegentis)* 'понимающий, сведущий, знающий' и французское *intelligent* в том же значении. В русском языке в форме *интеллигент* это слово означает 'лицо, принадлежащее к интеллигенции'. Но ни в одном языке латинское *intelligentia* 'разумение, познавательная сила', как и французское *intelligence* 'ум, разум, мыслительность', не имеет обобщающего социального значения, которое возникло в русском языке в 60—70-е годы. Подтверждение новизны термина *интеллигенция* мы найдем в примечательной оговорке в «Воспоминаниях» Н. Н. Златовратского о событиях 50-х годов XIX века: «Такие компании местной «интеллигенции» (слово то гда еще, впрочем, непопулярное) собирались и у Николая Яковлевича». В печать новый термин попадает не ранее 60-х годов. Примечательно, что слова *интеллигенция* нет в «Философском словаре» С. Г. (Гогоцкого) 1861 года, но уже в словаре, вышедшем через 15 лет, оно есть: «Интеллигенция (*intelligo* — понимаю) — буквально понимающая сила, в нынешнем употреблении значит совокупность людей с относительно наилучшим умственным развитием и запасом знаний» («Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии». Киев, 1876, с. 27). В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля оно отмечено только во 2-м издании (1880—1882), настолько это слово было новым: *интели-*

генция в собирательном значении 'разумная, образованная, умственно развитая часть жителей', а *интеллигент* — 'умственно развитый человек'. Первая же словарная фиксация слова *интеллигенция*, сделанная Ф. Толлем (в «Необходимом дополнительном приложении» к «Настольному словарю», 1866), сообщает, что *интеллигенция* — это 'мыслительная сила, степень мыслительной силы'.

Активная социальная переработка заимствованного слова в русском языке дала новое собирательное значение, необходимое в социальной классификации русского общества. «Ни во времена Рюрика, ни при Петре, ни после, вплоть до XIX века, интеллигенции не было; были философы, государственные люди, политики, художники, музыканты, составляли они высшую точку умственной жизни, но интеллигенции еще не существовало... Для интеллигенции нужна одна маленькая особенность. И эта особенность вовсе не ум, не образование, не даже знание. Интеллигенция есть коллективная сила, поэтому для нее требуется известное множество. Если в стране это множество достигает такого размера, что является влиятельным в общественных делах, то говорят, что у страны есть интеллигенция. Пока же такого множества нет, пока мыслящие люди составляют небольшую кучку, эту небольшую кучку нельзя назвать интеллигенцией... Но этого мало. Кроме известного влиятельного большинства, интеллигенция должна состоять из интеллигентов. А интеллигент — не всякий, кто думает. Надо знать, что думать, надо уметь думать» (Шелгунов Н. Теперешний интеллигент. — «Дело» № 10, 1875). Так слово *интеллигенция* формируется исторически и получает историческое осмысление и обоснование. Существовавшие раньше сочетания *мыслящий человек, мыслящие люди, образованный класс, образованные классы* не являются абсолютными синонимами к новому термину. *Интеллигенция* — это новый особый социальный слой, связанный с революционно-демократической эпохой. Термин и само понятие «*интеллигенция*» получают точное определение позднее, с позиций марксизма-ленинизма — 'особая прослойка, занимающая промежуточное положение в обществе, неоднородная, поэтому раскалываемая внутренней борьбой'. Однако в определенную эпоху интеллигенция была важной социальной силой. Русское слово *интеллигенция* имело свой собирательный

смысл, означало новую социальную силу. В этом значении русизм *интеллигенция* и вошел во многие языки, в том числе и в язык-источник — французский, где нет соответствующего ему своего французского эквивалента.

Еще французский писатель Бальзак искал слово для выражения понятия 'интеллигенция', так как мечтал создать *le parti des intelligents* (общество интеллигентов) (Гроссман Л. Бальзак в России). Но бальзаковский неологизм был вытеснен другим словом *intellectuels* (интеллектуалы), что никак не эквивалентно *intelligentsia*. Потребность в собирательном термине обусловила заимствование русизма *интеллигенция* — *intelligentsia* 'интеллидженсия'. «В западные языки вошло русское слово «интеллигенция», в отличие от имевшегося понятия «работники умственного труда» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь, кн. 2. М., 1961). Слово это включено Л. В. Щербой в русско-французский словарь, помимо обычного своего для французов *les intellectuels*, также и *intelligentsia* (интеллигенция). Но французы взяли в обиход свою транскрипцию слова *intelligentsia* (энтелижентсия). Еще в одной звуковой форме русский термин вошел в английский язык: *intelligentsia* — интеллидженсия — 'часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению'. Так истолковал русизм «Краткий оксфордский словарь». «Интеллидженсия» — так даже была названа одна книга (автор Д. Мирский). В ней мы можем прочесть такие строки: «От интеллигентной России они [англичане] взяли одно слово — *интеллидженсия*, чтобы обозначить им явление, которое у них начинало нарождаться, но для которого они еще не нашли себе слова».

Слова отражают историю народа. Есть книга, которая так и названа «История в словах английского языка» (1926). Однако, к сожалению, ее автор, пытаясь доказать малое влияние славян на английскую национальную культуру, сосредоточил свое внимание на конкретных наименованиях, «словах-вещах»: «Так, из России непосредственно пришли к нам только: *копейка, дрожки, кнут, рубль, самовар, степь, ворота* — все они, за исключением, пожалуй, *степи*, до сих пор применяются только тогда, когда мы говорим о жизни в самой России...» Это заключение было и неточным, и несправедливым. Культурное влияние не ограничивается только заимствованием слов. К тому же к 20-м годам (когда автор книги О. Барфилд собирал и

анализировал русизмы) уже накопились слова, связанные с определенными идеями. «Слова-идеи» не ограничены национальными рамками. Это не просто номенклатурные обозначения, экзотизмы (*соболь, стерлядь, корейка, самовар*), рассказывающие о вещах, характерных для быта той или иной страны. Со «словами-идеями» связаны определенные понятия. Они раскрывают их важнейшие признаки, их содержание. Это обеспечивает устойчивость термина. Заимствование же термина означает усвоение самого понятия. И даже если чужой термин не понят и интерпретирован своеобразно в заимствующем языке (ср. английское *интеллидженция* и русское *интеллигенция*), то и тогда сам спор вокруг слова вносит в культурно-исторический обиход не только чужое слово, но и чужое понятие.

7

Великая Октябрьская социалистическая революция открывает новую эпоху в жизни русского народа и во всем мире. И мы можем проследить отражение социальных сдвигов, влияние революционных событий в потоке слов, заимствованных из русского языка, в самом характере заимствования и их осмыслении заимствующим языком.

Мы уже знаем, как имя *Гагарин* позволило дагонам в самой глубине далекой Африки опознать советских людей. Уже в конце прошлого века мы найдем примеры, как вместе с русским словом шло воспитание чувств доверия, дружбы, как русское слово учило папуасов воспринимать чужой мир и сохранять свое достоинство. Имя русского путешественника, ученого-географа, этнографа Николая Николаевича Миклухо-Маклая связано не только с наукой, но еще и с идеями гуманизма, которые он прививал всем, с кем сталкивала его жизнь. Вот такая запись хранится в тетради российского морского офицера А. Раковича: «Астролябцы редко предлагали что-нибудь для меня, а если и приносили, то плохие вещи, требуя нынешний раз взамен более ценные вещи, как-то: топор, нож, бутылки; они произносили эти слова по-русски, как их научил Маклай. Видно было, что они уже успели убедиться в превосходстве этих инструментов перед костяными и каменными. На бусы и другие безделушки не обращали вовсе внимания. Собственный опыт и указания Маклая многому научили дикарей, и они даже определили сравнительную

ценность многих вещей: так, знали, что топор дороже ножа, нож — бутылки. Значительно изменились и их отношения к нам; они стали доверчивее и, не опасаясь с нашей стороны грабежа и насилия, позволяли нам видеть своих жен, не почитая нас за богов или за сверхъестественные существа, не делали жертвоприношений и подарков» (К о л е с н и к о в М. Миклухо-Маклай. М., 1965).

Полны глубокого смысла, хотя и кратки, словарные заметки писателя Юрия Нагибина в его путевом очерке «Из нигерийской тетради» («Новый мир», 1970, № 12): «И снова я испытывал странное удивленно-взволнованное чувство: «за тысячи верст от родного дома», в сказочном дворце, где за окнами фаянсовая лазурь небес и зелень манговых деревьев и летают райские птицы... будто на гумне или на завалинке в рязанской глубинке, звучат слова: «трудодень», «неделимый фонд», «бригада», «предколхоза»...» Беседа происходила в особняке вождя Аволово, видного политического лидера Нигерии. Слова же — наши советизмы — раскрывают заботы нынешнего дня в современной Нигерии».

Новая жизнь подсказывает новое осмысление старых слов. Типичные для русского быта реалии воспринимаются как своеобразные символы страны, но уже Страны Советов. Старый экзотизм освещается новой жизнью и — что очень важно — символизирует не только быт, но и новые социальные условия.

Старое слово *самовар*, для многих языков свидетельство очень давних контактов с Россией, воспринималось всегда как деталь, как имя вещи из русского быта. Но вот в немецком языке в ГДР этот старый русизм получает новую жизнь: «Шестой берлинский фестиваль политической песни, проходивший в этом году, останется для всех нас, его участников и гостей из тридцати одной страны, незабываемым событием. После одного из концертов мы встретились с зарубежными друзьями в столичном молодежном клубе. Встреча называлась «За красным самоваром». Название было не случайным. В республике давно проводятся встречи «За самоваром», посвященные жизни нашего друга и союзника — СССР. Устраиваются они обычно на промышленных предприятиях, в учреждениях, кооперативах. Вот и наш «самовар» мы решили посвятить выдающемуся событию — годовщине образования Советского государства.

Конечно, фестивальным вечером «За самоваром», на котором нам довелось присутствовать, был в своем роде событием выдающимся среди многих других подобных вечеров, ставших в республике популярной формой общественной работы. Но юноши и девушки, побывавшие на других таких встречах, никогда не забудут песен «Священная война», «Тачанка», «Как родная меня мать провожала» и марша «Дружба — фройндшафт», впервые прозвучавшего в дни X Всемирного фестиваля в Берлине» («Комсомольская правда», 1976, 7 октября).

Новое содержание наполняет необычное сочетание *красный самовар*. Теперь это символ — «советский русизм» — символ непринужденного общения, как в старину за чашкой чая, но теперь по-новому, с новыми песнями. Старая форма общения и старое слово обновляются самой жизнью страны. При этом заметим, русские слова получают новое толкование в пределах другой страны и другого языка, но на основе дружеских взаимосвязей, общей идейной платформы немецкого и русского народов. Ср.: «наш «самовар» мы решили посвятить...», т. е. «наш вечер — русский, советский — мы решили посвятить».

Русское слово входит подчас в другие языки с большой скоростью. Так облетело весь мир слово *Советы*, имя *Ленин*. Космическая скорость усвоения другими языками и слов *спутник*, *лунник*, *луноход*. Другие слова проделали свой долгий путь в чужих языках медленно, порой и незаметно. Но каждое слово несло определенную информацию, которую надо уметь читать и правильно понимать.

Взаимное общение народов, восприятие передовой идеологии и обогащение культур и языков связано с преодолением многих преград, но, может быть, одной из первых следует назвать «чужое» слово.

В слове выражается образ мыслей народа, в слове и наши чувства, в нем же находит отражение и национальная история, и нынешний день со всей его многоликостью, со всем его разнообразием. Вот почему каждое слово, заимствованное другим языком, требует внимания, и тогда оно может рассказать о многом.

Слово — полномочный представитель своей страны, ее истории и ее настоящего дня.

РОЖДЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

1

Как мы уже знаем, есть слова бытовые, как бы связанные с определенным «национальным домом», внутренней жизнью народа. *Самовар, чай, квас, борщ* — эти слова чаще всего нужны, когда говорят о русском быте. Значение таких слов познавательное, страноведческое. Такие слова подобны штрихам, живописным мазкам из жанрово-бытовой картины русской жизни. Но есть слова широкого общественного диапазона. Их звучание не ограничивается рамками родного языка. Такие слова связаны с родной стихией, но выносят обозначаемые ими понятия за пределы этой стихии. Это уже не штрихи бытового описания, а слова, связанные с общественным сознанием — и национальным, и общечеловеческим. В XIX веке, например, таким словом было *декабрист*.

Великая Октябрьская социалистическая революция порождает целый поток слов, названных впоследствии советизмами. Они входят в другие языки уже не просто как русизмы, хотя и родились в русском языке. Но термин русизм — это только национальная мета. Второе наименование — советизм — мета социальная, идеологическая. Тем самым в словах выделяется и подчеркивается их социальное звучание.

Прежде всего остановимся на словах, послуживших основой термину советизм. Уже в 1919 году В. И. Ленин подчеркивал, что русское слово *совет* понимают все народы мира. Оба термина — *совет* и *советский* — суще-

ствовали в русском языке, но их значение было очень далеко от современного осмысления и имело узкий круг функционирования. Словарные фиксации В. И. Даля (1847): *советский* — 'служащий в совете' или *советское решение, советские члены*. В третьем (посмертном) издании словаря В. Даля есть добавление: *советские дела* связаны со словом *совет* в таких значениях: *педагогический совет, университетский совет, административный совет банка*.

Новый орган управления, зародившийся в недрах рабочего класса, — *Советы рабочих и солдатских депутатов* — дает новое содержание слову *совет* и в форме множественного числа *Советы*. С этим содержанием соотносится и вновь образованное относительное прилагательное *советский*. Старое прилагательное — это омоним, историзм, ушедший из живого употребления, новое же прилагательное *советский* с породившим его словом *Советы* вышло на широкую дорогу языкового обращения.

После Февральской революции 1917 года возникает двоевластие, отмеченное В. И. Лениным: «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие* <...> В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии* сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: *Советы рабочих и солдатских депутатов*»¹. И далее В. И. Ленин отметил, что «двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства*»².

И уже на Апрельской конференции партии большевиков В. И. Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!». Именно в этот период возникает прилагательное *советский* как определение деятельности и значения *Советов* в противопоставлении буржуазному Временному правительству: *советский к Советам рабочих и солдатских депутатов и правительственный к Временному правительству*.

Обратим внимание на истолкование терминов *советы* — *советский*, сделанное В. И. Лениным: «Советы, по своему

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

² Там же, с. 155.

классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжил бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией»³. В статье «Один из коренных вопросов революции» 27 (14) сентября 1917 года В. И. Ленин, вернувшись к лозунгу «Вся власть Советам!», разъясняет его суть и специфику термина *Советы*: «Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства»...»⁴.

Так было самой новой политической жизнью сформировано значение относительного прилагательного *советский*. Оно выявлялось и в возникших в то время словосочетаниях: *советское большинство*, *советская деятельность*, *советские вожди*. В течение сентября 1917 года впервые складываются и выражения *советское правительство*, *советская власть* в выступлениях В. И. Ленина. Говоря о свободе агитации, В. И. Ленин фиксирует внимание на том, что «на деле она невозможна при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином кроме советского»⁵.

И несколько позже В. И. Ленин подчеркивает: «Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов»⁶.

Так в преддверии Октября выкристаллизовывается значение нового слова *советский*.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 11—12.

⁴ Там же, с. 202.

⁵ Там же, т. 34, с. 136.

⁶ Там же, с. 201.

25 октября 1917 года было обнародовано воззвание «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над правительством, создание Советского правительства, это дело обеспечено»¹. Так слово *советский* входит в речевой оборот, соотносимое не с *совет* в обычном понимании, а с новыми терминами *Советы — Советская власть, Советское правительство*. Теперь сочетания *советский служащий, советский работник* — это работник любой организации, созданной *Советской* властью. Это значение укрепляется в растущих новых словосочетаниях: *Советская республика, советская школа, советские города, советский суд, советская земля*. Определение *советский* характеризует новый государственный строй вместе с определениями *рабоче-крестьянский, народный, красный* и синонимизируется с ними: *рабоче-крестьянское — Советское правительство, народный — советский суд, красные — советские командиры*. Значение нового слова *советский* расширяется с каждым годом вместе с ростом, расширением и углублением нашей общественной деятельности. Растут тем самым и его синонимические связи: *советский — государственный — правительственный; советский — социалистический; советский — отечественный; советский — социалистический — марксистско-ленинский*. Каждый из синонимических рядов связан с определенной эпохой в жизни молодого государства, с определенной сферой общественной деятельности. Ряд *советский — государственный — правительственный* связан с обозначением деятельности в *Советах* как органах управления, правительственных учреждениях в отличие от партийных, профсоюзных, комсомольских, хозяйственных организаций.

В восстановительный период и в период индустриализации страны определение *советский* в сфере хозяйственной терминологии выделяло *советскую продукцию, советские методы* производства и хозяйства, противопоставляя их и дореволюционным, и зарубежным, и тем самым оно сближалось, синонимизировалось с термином *социалистический*.

Интересно движение в словосочетаниях со словом со-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

ветский: сначала в противопоставлениях советская торговля — частная торговля, например, в период нэпа. Затем развивается иное противопоставление: советская продукция, советское производство — зарубежная, импортная продукция и т. п. Здесь определение советский синонимично отечественный. При социализме узаконивается синонимический ряд советский — социалистический: советское — социалистическое хозяйство, советская — социалистическая экономика.

Возникают определенные синонимические отношения и в сфере идеологической терминологии: советский — социалистический — марксистско-ленинский. Так, в определении советский выделяется идейное содержание: советская — социалистическая — марксистско-ленинская идеология (наука, культура, мораль). И хотя не всегда возможны синонимические замены, объем содержания определения советский как идеологического термина не уменьшается. Связь с социалистической, марксистско-ленинской идеологией ясна в значении определения советский в выражениях советское искусство, советский человек. Определенная идейно-политическая общность, выражаемая термином советский, образовала сочетание советский народ. Единственное число — грамматическая форма — слова народ в сочетании с определением советский отодвигает национально-этническое содержание, передаваемое словосочетанием советские народы. Советский народ — это содружество народов на основе идейно-политического единства социалистических наций.

Слово, рожденное Октябрем, как бы всегда находится на передней линии международных языковых контактов. Советы — советский вошли в разные языки мира, послужили основой для термина советизм — советизмы, обобщающего поток новых слов, созданных новой жизнью в Стране Советов.

Слово *Soviet* ('Советы') было зафиксировано английскими словарями в 1917 году, в последующие 1918—1919 годы оно было достаточно частым в английской и американской периодической печати, в художественной литературе. Это слово не требовало пояснений, не выделялось кавычками, а употреблялось как хорошо известное. В течение же 1920—1931 годов, как свидетельствуют английские словари, были созданы на основе русского слова *совет* — *советы* целый ряд английских словообразований: *the Soviet* 'Со-

ветская республика', 'Советский Союз', 'Советская власть', ныне чаще словосочетания *Soviet Russia*, *Soviet Union—Union—Soviet Government—Soviet—Soviets* 'революционные органы власти', 'Советский Союз', 'система управления Советами', 'Советская власть', 'Советское правительство', 'советские руководители', 'советские люди'; *sovietist* 'член организации, сторонник Страны Советов'; *sovietism* 'Советская власть', 'система управления посредством Советов', *sovietise—sovietisation* 'делать советским, советизировать'; *sovietic* 'советский'; *Sovietdom* 'Советы', 'Советская власть'.

Как видим, в словообразованиях на чужой почве скаывается чуждая идеология, придающая чуждые оттенки значениям производных слов (*sovietisation* 'советизирование').

Слово *Советы* (как и *советский*) входит во французский (*soviet*), итальянский (*soviet*), немецкий (*Sowjet*) и другие языки. Трудно назвать какой-либо язык, которому слова *Советы* или *советский* были бы неизвестны.

2

Новая жизнь нового, социалистического государства и общение с ним обусловили поток советизмов в языки разных стран. Вошли в английский язык слова: *большевик* (*Bolshevik*), *ленинизм* (*Leninism*), *ударник* (*udarnik*), *комиссар* (*commissar*), *колхоз* (*kolkhoz*), *комсомол* (*Komsomol*), *синхрофазотрон* (*synchrophasotron*), *яровизация* (*jarovization*) и др.; во французский: *большевик* (*bolchevique* или *bolcheviste*), *ленинизм* (*léninisme*), *ударник* (*oudarnik*), *колхоз* (*kolkhoze*), *совхоз* (*sovkhoze*), *мичуринец* (*mitchourinien*), *мичуринское учение* (*mitchourinisme*), *агротехника* (*agrotechnie—agrotechnicien*), *яровизация* (*jarovisation*), *учение Павлова* (*pavlovisme*), *сторонник учения физиолога Павлова* (*pavlovien*), *комсомол* (*komsomol*), *субботник* (*soubotnik*), *стахановское движение* (*stakhanovisme*), *стахановский* (*stakhanoviste*), *стахановец* (*stakhanovets*) и др.; в итальянский: *большевистский* (*bolscevico*), *ленинский* (*Leninista*), *колхоз* (*kolkhoz*), *пятилетка* (*piatiletka*), *комсомол* (*komsomol*), *ударник* (*udarnik*), *активист* (*attivista*), *коллективизация* (*collettivizzazione*) и др.; в немецкий: *большевик* (*Bolschewik*), *комсомол* (*Komsomol*), *ленинизм* (*Leninismus*), *колхоз* (*Kolchos(e)*), *совхоз* (*Sowchos(e)*), *пятилетка*

(*Pjatiletka*), ударник (*Udarnik*), субботник (*Sub(b)otnik*), Кремль (*Kremľ*), яровизация (*Jarowisation*) и др.

Немало заимствовали русских слов и наши ближайшие соседи — славянские языки: болгарский — коллектив (*kollektiv*), пятилетка (*petiletka*), совещание (*soveščanie*), ударник (*udarnik*), отличник (*otličnik*) и др.; словацкий — красногвардеец (*krasnogvardejec*), большевик (*bolševik*), разведчик (*razvedčik*), бронебойщик (*broneboj-scik*), совхоз (*sovchoz*), звено (*zveno*), политбюро (*politby-ro*), партком (*partkom*), комсомолец (*komsomolec*), рабкор (*robkor*), субботник (*sobotnik*) и др.; чешский — совхоз (*sovchoz*), стенгазета (*stengazeta*), хозрасчет (*chozrascot*), самокритика (*sebekritika*) и др.

Заметим, что интернациональные суффиксы *-изм* (*-ism*, *-isme*), *-ист* (*-ist*, *-iste*) облегчают усвоение терминов, образованных с их помощью. Ср.: русское *ленинизм*, английское *Leninism*, французское *léninisme*. Но функция этих суффиксов не ограничена только ролью интернациональных словообразовательных элементов, способствующих усвоению интернациональных слов (интернационализмов). С помощью этих суффиксов по интернациональной модели образуются в том или ином языке наименования из чужих элементов, заимствованных основ. Например, ср. французские слова-термины *mitchourinisme*, *pavlovisme*, которых нет в языке — источнике заимствования. В русском языке существуют словосочетания *мичуринское учение*, *учение Мичурина*, *учение Павлова*. Французские новообразования — смысловые кальки. Они передают значение русских словосочетаний, но в иной словесной форме.

Остановимся на некоторых заимствованиях — русизмах, или, как принято называть русизмы советской эпохи, советизмах.

Слово *большевик* для русского языка нашей поры уже историзм. Означает оно 'последователь и сторонник большевизма, коммунист'. Как известно, название «большевик» возникло в 1903 году на II съезде РСДРП, когда сторонники В. И. Ленина получили большинство голосов во время выборов в центральные учреждения партии. Поэтому В. И. Ленина и его единомышленников стали называть *большевиками*, а их противников, получивших меньшинство голосов, — *меньшевиками*. Так внутри РСДРП на II съезде в 1903 году образовались две фракции — *большевиков* и *меньшевиков*. Оба термина были заимствованы

разными языками для обозначения этих двух политических фракций. «...Слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России...» — писал В. И. Ленин⁸. Слово *большевик* приобрело довольно широкий круг распространения, закрепилось за коммунистами из России, сторонниками В. И. Ленина. Эту особенность в наименовании отметил В. И. Ленин: «Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик»⁹.

Английские словари фиксируют слово *большевик* с 1917 года: *Bolshevik* 'член революционного большинства РСДРП', 'член Российской коммунистической партии', 'член компартии любой страны', 'сторонник' партии большевиков, марксист-ленинец, беспартийный большевик'. Словари отмечают также *a Russian Bolshevik* 'русский большевик'. С этого же 1917 года попадают на словарные страницы и производные слова, возникшие уже на английской почве, — прилагательные *bolshevist* 'большевистский' (*bolshevist energy* 'большевистская энергия') и второе прилагательное с тем же значением, но менее распространенное — *bolshevistic*. В 1919—1920 годах отмечаются словарями практически существовавшие и ранее *bolshevise* и *bolshevisation* 'привлечь к большевизму, сделать его сторонником'. Почти одновременно с английскими словарями фиксируют эти советизмы и французские словари. Например, *bolchevisme* и другие слова начиная с 1917 года.

3

Широкую популярность получает имя *Ленин*, хотя словари разных языков отмечают ряд слов *Lenin*, *Leninism*, *Leninite*, *Leninist* несколько позже — в 1919—1920 годах. «На протяжении веков не было человека, который сумел бы в такой степени привести в движение умы и чувства людей, как Ленин. В последние два десятилетия повсюду — в любом пункте земного шара — у всех на устах было его

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 43.

⁹ Там же, т. 40, с. 204.

имя; простой народ произносил его с любовью, а правители и угнетатели — с ненавистью», — писал Мартин Андерсен Нексе (Влияние Ленина на творческие силы Запада. — Избранное. М., 1949, с. 333). Имя *Ленина* стало символом революционной борьбы, социализма, коммунизма, советского строя.

Весьма интересные сведения об имени *Ленин* в итальянском языке сообщает советский исследователь итало-русских языковых контактов А. А. Касаткин. В судьбе слова отражались социальные сдвиги в мировоззрении итальянских рабочих, классовая борьба пролетариата.

Ветеран итальянского рабочего движения М. Монтаньяна сообщает: «Песни, посвященные Ленину, распевались всеми трудящимися, даже в самых глухих деревушках:

Да здравствует *Ленин*,
Маяк справедливости и свободы...—

поется в одной из этих песен, до сих пор не забытых итальянцами... Повсюду, в самом глухом захолустье можно было увидеть грубо нарисованные на стенах серп и молот и надписи: «Да здравствует Россия!», «Да здравствует *Ленин*!» О том, какой любовью пользуется имя Ленина у простых людей Италии, может свидетельствовать также и следующее интересное признание А. Пандзини в его «*Dizionario moderno*»: «*Molti del popolo presero per sé, e diedero ai figli il nome di Lenin*» [Многие люди из народа взяли себе имя *Ленин* и дали это имя своим детям]. Этот факт вызвал даже специальные меры итальянского фашистского правительства — особое распоряжение (1926), о чем сообщает автор словаря: «*Il governo fascista vieta tali battesimi*» [Фашистское правительство запрещает подобные наречения].

Выдающийся чилийский поэт Павло Неруда писал в стихотворении «Ода Ленину»:

Ленин! Спасибо /
за энергию и ученье,
Спасибо за твердость,
за Ленинград и за целину,
за битву, за мир,
за бесконечность зерна и за школы,
за солдат твоих — малых титанов,

Спасибо за воздух, которым дышу
 на земле твоей, —
 он непохож на другой:
 это — благоуханье пространства,
 электричество гор голубых!
 Ленин! Спасибо
 за хлеб и надежду!

Эти строки показывают, насколько популярно имя
 Ленина в Латинской Америке.

4

Остановимся теперь несколько подробнее на связи
 «слово → мировоззрение». Мы уже говорили о таких сло-
 вах, как *Советы*, *советский*, *большевик*, еще ранее возник
 термин *декабрист*. Эти и другие термины, отражавшие
 развитие, прогресс мировоззренческой мысли на русской
 почве, были и чисто русского происхождения, и создан-
 ными в русской среде, но из заимствованных элементов, в
 первую очередь из классических языков: *декабрист* — из
 латинского *december* 'десятый' (через ср.-греч. δέχμηβρι (ος)
 и ст.-слав. декабрь) + заимствованный из немецкого суф-
 фикс лица *-ist*. Замечательный пример представляет слово
октябрь, ставшее сокращенным собственным именем Ок-
 тябрьская революция — *Октябрь* из ср.-греч. ὀκτωβρι(ος) —
 латинского *october* 'восьмой'. По старому счету месяц,
 означаемый этим именем, и был восьмым. В русско-сла-
 вянских текстах прослеживается ряд вариантов: *октоверь*,
октомерин, *охтоврин*, *октомбрь* (Минея, 1096). Впослед-
 ствии ассимилированное русским языком слово получило
 окончание по аналогии *сентябрь* 'седьмой', *ноябрь* 'девя-
 тый'. Этимология слова отодвинута на второй план долгим
 жизненным путем в русском языке, и это слово уже не
 может восприниматься как чужое, оно стало своим, рус-
 ским словом. *Октябрь* — *Oktober* и т. п. воспринимается
 другими языками как с о в е т и з м — и н т е р н а ц и о н а л и з м
 в значении 'Октябрьская революция 1917 года
 в России', 'Великая Октябрьская социалистическая рево-
 люция 1917 года'. В эпоху Октябрьской революции, Со-
 ветского государства поток слов, шедший из русского язы-
 ка, был окрашен столь новым, социалистическим мировоз-
 зрением, марксистско-ленинскими идеями, что получает,
 как известно, общее название с о в е т и з м о в. По сво-

ему происхождению термины этой поры были и собственно русскими, и интернациональными, но все они как бы получили путевку в жизнь в 'Стране Советов, несли отблеск новых революционных идей и тем самым семантически объединялись в одну лексическую группу. Исторический фон — революция и идеи, порожденные революцией, Октябрем, — входил в значение слова, определял новое осмысление старых слов, новые сочетания старых слов или образование новых слов — неологизмов.

Обратим внимание: слова с большим идейным содержанием как бы проходят через идеологический контроль. Оценка слов поэтому не однородна, а возникающие в чужом языке производные слова отражают эту оценку. Ср. хотя бы слова *sovietisation* 'советизация', *bolshevisation* 'большевизация'. Так в словообразовании — словопроизводстве — отражается неразрывная связь языка — идеологии — истории общества. Проследим это важное положение на слове *субботник*, возникшем в результате новых социальных потребностей.

Субботник — неологизм революционной эпохи. Это новая форма общественного труда. Само явление и слово, его обозначившее, появились в трудные первые годы жизни молодой Советской республики. Это был 1919 год, когда страна переживала еще голод, разруху, контрреволюцию и интервенцию. В. И. Ленин назвал субботник великим почином, добровольным почином «рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни»¹⁰. Свою статью В. И. Ленин так и назвал «Великий почин», сопроводив ее подзаголовком «О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников» (28 июня 1919 г.).

В субботу вечером 12 апреля 1919 года рабочие депо Москва-Сортировочная остались на первый субботник. Они ремонтировали старые паровозы, переоборудуя их для фронта. А 7 мая 1919 года коммунисты Московско-Казанской железной дороги приняли на общем собрании такое решение: «Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришипорить себя и

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 18.

вырвать из своего отдыха еще час работы, т. е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов... Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком» («Правда», 1919, 17 мая).

Так, у слова *субботник* появляются синонимы *коммунистическая суббота*, *красная суббота*. Определения как бы раскрывают характер трудового дня. В. И. Ленин одобрил и поддержал не только трудовую инициативу рабочих, но и их словотворчество: «железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги сначала показали на деле, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину название «коммунистических субботников»¹¹.

Возникают и другие наименования, синонимичные слову *субботник* или сходные с ним по своему значению: *воскресник*, *коммунистический вторник*, *чрезвычайный понедельник*, а также *декадник* — *декада*, *месячник* — *месяц*. Последние уже представляли определенные «трудовые кампании» для помощи фронту, голодающим областям, женским и детским организациям. Однако в живом обращении удержались эквиваленты *субботник* — *воскресник*, уже не зависящие от фактического дня недели, когда выполняется добровольная и бесплатная работа. Этимологическое значение и значение, сложившееся как наименование шестого дня, в производящем корне *суббот-* отодвигается новым историческим фактом. В слове *суббота* с определениями *коммунистическая*, *красная* также значение «шестой день недели» отодвигается на второй план новым, складывающимся в словосочетании «добровольный коллективный труд». Возможны также неделя, месяц или месячник, посвященные какому-либо коллективному мероприятию (например, *месячник безопасности движения* и т. п.). Самое распространенное, установившееся наименование новой формы общественного труда — *субботник* — вошло во многие языки мира, как мы могли уже заметить. Слово, производное от имени шестого дня недели, — *субботник* — передает новое понятие о коллективном труде, о коллективной ответственности за судьбу страны.

Знаменателен факт, рассказанный на страницах газеты

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 27.

«Советская культура» (1970, 21 мая). Это свидетельство нового отношения к труду в обновленной стране немецкого народа — ГДР: «Еще по дороге в гостиницу «Штадт Грейфсвальде» я увидел плакаты: на них изображен рабочий и написано лишь одно слово — *Subotnik*, «Зуботник»... Такого слова в немецком языке я не знал и спросил у своих друзей о его значении. Те в свою очередь удивились: неужели я не узнал родное русское слово — *субботник*!

Оказывается, это слово, как и слово *спутник*, без перевода вошло в немецкий язык, в жизнь трудящихся Германской Демократической Республики, в жизнь небольшого городка Грейфсвальда на берегу Балтийского моря. Секретарь городского совета Вальтер Деттман дал справку: *субботники* — это и новый стадион, и плавательный бассейн, новые детские сады и скверы, чудесные кафе-хижины в пригородных лесах, и концертный зал в руинах старинного замка Эльден...»

Так одно слово говорит о многом — о движении немецкого трудового народа по пути прогресса и социализма.

5

Отметим хотя бы некоторые из советизмов, шагнувшие уже в первые годы своего существования в другие языки. Слово *субботник* возглавило цепь неологизмов, свидетельствующих о совсем иной оценке и понимании труда. В 20-е годы сформировались в русском языке и вышли за его пределы сочетания *трудовая дисциплина* — *labour discipline* (англ.), *ударная бригада* — *brigade de choc* (франц.), *перевыполнение плана* — *dépassement du plan* (франц.). В стране вводится новая экономическая политика — *new economic policy* (1921). Происходят в стране новые социальные процессы — *коллективизация* — *collectivise, collectivisation* (1928), что вызвало дополнительный поток наименований новых реалий: *колхоз* — *collective and state farms* — *k o l k h o z* (1933), *совхоз* — *soukhoz* (к 1936), *state farm*, *машинно-тракторная станция* — *machine-tractor station* или *tractor station*, *трудодни* — *labour days*, *звеньевая* — *leader*.

В печати о Советском Союзе за рубежом отражается и процесс *индустриализации* — *industrialisation* (с конца 1926 г.). Культурная революция дает всеобщую ликвида-

цию безграмотности в результате обязательного начального, а затем среднего образования, и тоже возникает целый ряд новых понятий и реалий: *ликвидация безграмотности* — *liquidation of illiteracy* — *eradication of illiteracy* (англ.), *рабочий факультет* — *worker's faculty*, *рабкор* — *рабочий корреспондент* — *worker correspondent* (англ.), *стенгазета* — *стенная газета* — *wall newspaper* (англ.).

Возникают новые детские и молодежные коммунистические организации: детская коммунистическая организация имени В. И. Ленина (1921) — *юный пионер*. И уже в 1929 году эта организация была создана в 25 странах. Слово *пионер* по-новому осмысливается в этих и других странах мира: от *пионер* 'разведчик, сапер, солдат, расчищающий путь для армии', 'человек, прокладывающий новые пути в какой-либо области' до *пионер* 'член коммунистической детской организации'. В 1918 году по инициативе В. И. Ленина создан Коммунистический Союз Молодежи — *комсомол*. К 1928 году такие организации возникли в 43 странах. Название же было калькировано на разные языки мира: *Young Communist League* (англ.) и др.

И наконец, напомним о создании особой политической терминологии.

Расширяется обычная сочетаемость слов, в которой отражается новая жизнь с новыми потребностями, требованиями, взглядами. Так, например, круг сочетаний со словом *социализм* резко расширяется. Если в первой половине XIX века фиксировалось одно сочетание — *социализм* — *утопический социализм*, то после 1917 года новая жизнь обусловила такие сочетания: *строительство социализма* — *construction of socialism*, *построение социализма* — *building of socialism*, *построить социализм* — *to build socialism*, *строители социализма* — *builders of socialism*, *обеспечить победу социализма* — *ensure the victory of socialism*, *родина социализма* — *homeland of socialism*, *экономические основы социализма* — *economic foundations of socialism*, *борьба за социализм* — *struggle for socialism* и др.

Новые терминологические сочетания возникают из переносных значений, как бы поясненных определением: *несокрушимая крепость социализма* — *indestructible of socialism*, *культурный фронт* — *front cultural* (англ.), *теоретический фронт* — *front de la théorie* (франц.).

С новым, социалистическим трудом связаны и такие слова-советизмы, как *пятилетка*, *пятилетний план*, *кол-*

хоз, совхоз. Обратим внимание сначала на структуру слов колхоз, совхоз и соответствующие им формы в заимствующих языках.

Как известно, оба слова представляют сокращенные словосочетания: *коллективное хозяйство* — колхоз, *советское хозяйство* — совхоз. Внутренняя форма таких слов-аббревиатур может быть скрытой, особенно для тех, для кого русский язык неродной, а страноведческий план (жизнь страны) говорящему неизвестен. Однако в 20—30-е годы, да и в последующие в русском языке возникло много разнообразных аббревиатур, имевших широкое хождение. Были и такие аббревиатуры, круг употребления которых ограничен, но роль обозначаемых ими явлений и реалий в жизни Советской страны все же достаточно велика. Это объясняет особый интерес к аббревиатурам-русизмам во многих странах мира. В 1946 году в Италии вышел ныне ставший широкоизвестным «Словарь советизмов» Эмилио Перудци (Emilio Peguzzi), который сосредоточил свое внимание на аббревиатурах: *полпред* (*polpret*), *госбанк* (*gosbank*), *селькор* (*selkor*), *колхоз* (*kolhoz*), *культбаза* (*kultbaza*), *нарпит* (*narpit*), *наробраз* (*narobraz*) и т. п. В словарь, как это часто наблюдается и в словарных фиксациях на разных языках, попадают и случайные сокращения или ограниченные узкопрофессиональным употреблением (ср.: *наблюд* — *nabljud* — летчик-наблюдатель).

Интересно и калькирование русизмов. Их буквальный перевод в заимствующем языке — калька — сохраняет и семантическое, и структурное сходство с оригиналом. Ср.: *пятилетний план* — *Five-Year-Plan*. Как поясняет американский словарь 1955 года, «a comprehensive economic development plan initiated by the Soviet Union in 1928, and followed by similar plans in the USSR and other communist countries», что соответствует русскому толкованию «интенсивный план экономического развития, впервые возникший в СССР в 1928 году и затем повторяемый в СССР и других коммунистических странах». Ср. также: *дом отдыха* — *rest home*, *парк культуры* — *Culture Park*, *дом культуры* — *house of culture*, *герой труда* — *hero of labour*, *право на работу, отдых, образование* — *right to work, to rest, to education*, *поточный метод производства* — *even flow (conveyer) method*, *поточное производство* — *line production*, *план лесонасаждений* — *afforestation plan*, *полезащитные лесные полосы* — *field-protecting forest belts*.

Мы видим, что заимствование и калькирование русизмов ведет к расширению объема эквивалентных английских слов, их сочетаемости ('право на работу, отдых, образование' *right* → *to work, to rest, to education*). Ср. также новые французские словосочетания — смысловые кальки с русских образцов: 'социалистическое строительство' *édification socialiste*, 'социалистическое соревнование' *émulation socialiste*. Структурная калька хотя и придерживается структуры заимствования, но осуществляется по законам заимствующего языка, подчиняясь его синтаксической системе и морфологической. Ср. болгарское *трудов ден* 'трудовой день' или немецкое *Jolka-Fest* ('праздник елки — елка').

В 30-е годы в болгарском языке сформировалось постоянное словосочетание *трудов ден*, которое активизировалось в речевом обороте болгар после 9 сентября 1944 года. *Трудов ден* опирается на русское сочетание *трудовой день*, семантически близко советизму *субботник*, так как означает 'день, результаты труда которого полностью принадлежат обществу'. Впервые в подобном значении это сочетание встретилось в газете «Поглед» от 26 октября 1930 года. И хотя этот номер газеты был конфискован полицией, информация все же была опубликована в номере от 29 октября. Долгое время существуя как неологизм, сочетание *трудов ден* в последние годы укрепились и распространилось.

Заимствуя понятие, но отвергая его чужое словесное выражение, заимствующий язык может не сразу найти эквивалент. Однако, чувствуя острую п о т р е б н о с т ь в заимствовании, язык как бы предлагает кальки-варианты. Ср. итальянские кальки русского сочетания: *социалистическое строительство* — *costruzione socialista, edificazione socialista*. Возникают и затруднения в калькировании словосочетаний в грамматическом плане. Русские флексивные прилагательные передаются описательно. Ср., например, итальянское соответствие русскому прилагательному *колхозный* — *di colcos (kolhoz)*.

Возможно, и даже просится в норму, явление транслитерации (транскрипции) заимствований в сочетании с параллельным калькированием: русское слово *пятилетка* в итальянском языке функционирует в транскрибированной форме *piatiletka*, а полное словосочетание *пятилетний план* калькировано — *il piano quinquennale*.

Как видим, проникновение русизмов — это не только заимствование отдельных слов, но и расширение семантического объема эквивалентных слов в заимствующем языке, расширение словосочетательных возможностей (ср. английское *hero of labour* или *right to work, to rest, to education*), а также и словообразовательных ресурсов при калькировании русизмов.

6

Русский язык, «столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» (А. С. Пушкин), и сам оказывает влияние на эти чужие языки. Заметим, хотя приток русских слов-экзотизмов, связанных с нашей внутренней жизнью, был сравнительно невелик для большинства европейских языков, русизмы — социальные термины, и особенно советизмы, шагнули в самые разные языки смело и, можно сказать, целыми тематическими отрядами. Живое общение разных народов позволяет их языкам вырабатывать особый пласт интернациональных терминов. Конечно, такое общение и языковые контакты теснее между странами, связанными общностью идеологической и политической, общностью экономических интересов, например, между странами социалистического содружества или между странами — членами СЭВ.

Можно проследить тематическую последовательность заимствований. Каждый тематический ряд вошедших в русский язык слов соответствует определенному периоду в жизни Советского Союза и как бы отражает основные события того или иного времени. Заимствованные русизмы и советизмы в чужом языке являются как бы зеркальным отражением нашей жизни. Ср.:

большевик — меньшевик

— период партийной пред-
революционной борьбы;

красный — белый

— годы Октябрьской револю-
ции и гражданской
войны;

субботник — пятилетка

— коллективизация

— это уже время послереволю-
ционное, первые годы
Советской власти, годы
восстановления и разви-
тия народного хозяйства;

Разведчик — бронбойщик — затемнение — эти слова связаны с Великой Отечественной войной, освобождением Европы от фашизма и освободительной ролью Советской Армии. В языке освобожденных стран остались слова из военного языка советских войск.

Русское слово *разрядка*, калькированное всеми языками мира, повествует о сложной и трудной борьбе за мир, за мирное сосуществование всех народов, которую начал и возглавил Советский Союз.

Заметим, что заимствуются из русского языка не только слова, но и целые словосочетания; скрепленные единым понятием, они функционируют как транслетерированные или калькированные наименования:

Октябрьская революция — Октомврийска революция (болг.), *la Révolution d'Octobre* (франц.).

Советская власть — съветска власт (болг.), *soviet power* (англ.).

Советская Армия — Съветска Армия (болг.).

Догнать и перегнать — einholen und überholen (нем.).

Социалистическое строительство — socialist construction (англ.).

Генеральный план — Generalplan (нем.).

Партийные кадры — Parteikader (нем.), *party cadres* (англ.).

Юный пионер — Junger Pionier (нем.).

Трудовое соревнование — Arbeitswettbewerb (нем.).

Социалистическое соревнование — социалистическо сърекование (болг.).

Ленинская линия — leninska linie (чешск.).

Ударная бригада — udarna brigada (чешск.).

Комплексная бригада — komplexni brigada (чешск.).

Доска Почета — die Ehrentafel (нем.), *le tableau d'honneur* (франц.).

Шагающий экскаватор — крачещ экскаватор (болг.).

Трудящиеся массы — les masses laborieuses (франц.).

Пятилетний план — le plan quinquennal (франц.), *петгодишен* (болг.), *five-year plan* (англ.).

Парк культуры и отдыха — le parc de culture et de repos (франц.).

Дворец пионеров — le Palais des Pionniers (франц.).

Заслуженный врач — verdienter Arzt des Volkes (нем.).

Еще более примечательно восприятие аббревиатур. Как известно, сокращенные наименования требуют достаточной осведомленности и в языковом, и в страноведческом плане. И все же эта особенность аббревиатур, если они жизненно важны и необходимы в общении, не может помешать их распространению и процессу их интернационализации. Ср.: *рабфак* — *рабфак* (болг.), *rabfac* (франц.); *стенгазета* — *stengazeta* (чешск.) и др.

Воспринимаются такие сложносокращенные слова, как имена определенных вещей, явлений, при этом внутренняя форма таких наименований не всегда расшифровывается в заимствующем языке. Например: *рабфак* — *рабочий факультет* — франц. *rabfac*; *стенгазета* — *стенная газета* — чешск. *stengazeta* и т. п. Непосредственная связь с предметом или явлением передает смысл слова. Но возможна и калька аббревиатуры, т. е. сложносокращенное слово, или аббревиатура, передается средствами заимствующего языка, эквивалентными по смыслу и структуре.

Ср.: СССР — *Советский Союз* — англ. — *USSR — The Soviet Union — Union*; франц. — *U.R.S.S. — l'Union Soviétique — Union*; итал. — *US — Unione Sovietica*; исп. — *US — Unión Soviética*; нем. — *US — Sowjetunion*.

Различного рода аббревиатуры, сокращения — это своеобразные айсберги. Девять десятых их смысла скрыто за кратким соединением частей или начальных букв сокращенных слов. Экономия букв в изображении имени или звуков в произношении оборачивается смысловой загадочностью и непременным условием предварительной осведомленности. Вот почему так необходимы словари принятых сокращений, аббревиатур. В 40-е годы в период популяризации русского языка в Италии, во Флоренции вышел упоминавшийся уже «Словарь советизмов» Эмилио Перуцци (*Emilio Peruzzi. Dizionario Sovietico*, 1946), в котором уделено очень большое внимание разнообразным аббревиатурам. И хотя объяснения автора беглы, все же можно представить интерес к нашей жизни, отраженный в желании знать наши терминологические и специальные наименования. В словаре выявляется лексическая и структурная связь определенных аббревиатур и тем самым специальная связь между соответствующими реалиями. Возьмем две словарные статьи — два аббревиатурных «гнезда». Первое объединяется элементом *рай*:-

рай- raj-: районный — *rajonnyj distrettuale*;
 райисполком — *rajispolkom*, исполнительный комитет районного совета — *ispolnitel'nyj komitet rayonogo soveta comitato esecutivo del soviet distrettuale*;
 райком — *rajkom*, районный комитет — *rajonnyj komitet comitato distrettuale*; райкомпарт — *rajkompart*, районный комитет партии — *rajonnyj komitet partii comitato distrettuale del partito*; райпартком — *rajpartkom*, районный партийный комитет — *rajonnyj partijnyj komitet comitato distrettuale del partito*;
 райсовет — *rajsovet*, *soviet distrettuale*.

Примечательна и статья с элементом проф-:

проф- prof-: профессиональный — *professional'nyj sindacale*;
 профактивист — *profaktivist, attivista sindacale*;
 профгруппорг — *profgrupporg*, организатор профессиональных групп — *organizator professional'nyh grupp, organizzatore di gruppi sindacali*;
 профдвижение — *profdviženie, movimento sindacale*;
 профсовет — *profsovet, consiglio sindacale*;
 профсоюз — *profsojuz, unione sindacale*;
 профсоюзный — *profsojuznyj ...*
 профуполномоченный — *profupolnomocennyj, plenipotenziario sindacale*.

Отметим, что в этот словарь включены слова, образованные по аналогии со сходными словарными образованиями чужого языка — *профдиалект, профжаргон*, или слова, ушедшие для русского языка и советской жизни в историю: *рабфаковец, рабфаковка, рабфачка*, но все же бесспорна попытка осмыслить советизм-аббревиатуру в системных отношениях — языковых и социальных.

Именно социальный момент требует соотнесения слова со временем (живое *профком* и ушедшее *рабочком*), не допускает вольных толкований.

Новым по характеру был и поток слов, порожденный научно-технической революцией, культурным и техническим прогрессом. Это наименования новых химических веществ — *рутений, изобутилен, нафтен*, названия открытых советскими учеными фагоцитов в физиологии, минералов в петрографии (*александрит, астраханит, белугит, гладкаит*), новые термины в почвоведении — *подзол, подзолистый чернозем, солончак*. Широко калькируются в

разные языки термины, обозначающие важнейшие явления науки, открытые и изученные русскими учеными: *первая сигнальная система* (И. П. Павлов), *периодический закон* (Д. И. Менделеев), *физическая химия* (И. И. Бекетов).

Развитие социалистического сельского хозяйства дает слова *яровизация*, *яровая пшеница* (*spring wheat*) наряду с прямым заимствованием русского термина *jarovization* и образованием от него глагольных форм уже в системе английского языка: *to jarovize* (*jarovizing*) — яровизировать и *озимая пшеница* (*winter wheat*), *агробиология*, *агротехника* и др.

7

Каждая эпоха отражается в языке, выбирает и создает свои слова-сигналы, слова-символы, слова-вехи, опираясь на которые можно воссоздать картину прошедшей жизни. Такие слова как бы находятся на передней линии, многие из них переходят границу национального языка и становятся либо заимствованными словами в чужом языке, либо, входя в несколько языков сразу, превращаются в интернационализмы. Читая такие слова, угадываешь эпоху, время их рождения и жизни в родном языке. *Rationalisation proposals* 'рационализаторские предложения', *rationalisers* 'рационализаторы' — эти слова пришли в английский язык в период мирного строительства. А *stormovik* 'штурмовик', *Yak* 'як-самолет', *partisan* 'партизан' активно функционировали в английском языке или включились в его словарь в период Великой Отечественной войны: «*Stormoviks smashed up about 100 enemy*» [*Штурмовики уничтожили около 100 врагов*] (Sov. War News Weekly, 17.XII. 1942, p. 2); «*A. S. Yakovlev who created the famous Yak fighter series during the war*» [А. С. Яковлев, который создал знаменитую серию боевых *яков* в течение войны] (Rus. Techn. Research News, N. Y., 1947, v. 1, No. 2).

Не менее яркие и типичны для нашего времени сочетания *camp of peace, democracy and socialism* [лагерь мира, демократии и социализма], *in the spirit of socialism* [в духе социализма].

Но самым ярким словом, вошедшим в последние годы во все языки мира, без сомнения, надо назвать слово *разрядка*. В последнее время в идеологической сфере стало ти-

пичным очень важное словосочетание: *разрядка напряженности* — *разрядка*. Сначала выражение, отражавшее думы и чаяния всей прогрессивной общественности мира, — *разрядка международной напряженности*, *разрядка напряженности* стало частым на страницах печати. Однако смысл словосочетания легко конденсировался в слове *разрядка*. Уже весной 1974 года газета «Правда» писала «о новом слове в дипломатическом словаре» — слове *разрядка* (1974, 3 мая). И хотя само выражение сложилось уже, как сообщает «Словарь современного русского литературного языка», в тяжелую, напряженную пору 20-х годов, слово *разрядка* тогда означало только 'ослабление' и требовало поясняющего дополнения — *разрядка международной напряженности*. Ныне расширен семантический объем самого слова *разрядка* 'разрядка международной напряженности'. Долог и нелегок был путь к разрядке международных отношений, но теперь смысл этого словосочетания, заключенный в одном слове *разрядка*, дорог всем: «*Разрядка: настоящее, будущее*» («Комсомольская правда», 1974, 30 июля). Появляются новые, радующие нас словосочетания: *развитие разрядки*, *дальнейшая разрядка*, *динамика разрядки*, *разрядка жива и здорова в Москве*, *необратимость разрядки* («Комсомольская правда», 1974, 30 июля); *процесс разрядки* («Правда», 1975, 16 февраля). Интересно и лексико-синтаксическое явление, связанное со стяжением, конденсацией сочетания и перемещением определения, уточняющего сферу функционирования многозначного слова *разрядка*: «...чтобы *международная разрядка* поскорее воплотилась в конкретные дела» — из *разрядка международных отношений* («Правда», 1975, 16 февраля). Эти сочетания отмечают новую эру в международных отношениях — эру переговоров.

Остановимся на сочетании *необратимость разрядки*, связанном с выражением *необратимый характер отношений*. Впервые сочетание *необратимые отношения* прозвучало на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1973 года. *Необратимый* — это 'такой, который не может развиваться в обратном направлении': *необратимые процессы*, *необратимые реакции*. Отметим, что слово *необратимый* получает в сочетании *необратимые отношения* новое — положительное, оптимистическое — осмысление. Происходит дальнейшая модификация сочетания *необратимые отношения* с сохранением нового положительного смысла: «Стороны полны

решимости на основе строгого соблюдения взятых ими обязательств и дальше следовать по намеченному курсу, имея своей целью придать процессу улучшения советско-американских отношений *необратимый* характер» («Правда», 1974, 29 марта).

Совещание в Хельсинки — эта общеевропейская встреча дает ощутимое движение *разрядке*. «*Разрядка разертывается*», — пишут газеты («Правда», 1975, 3 августа). Еще в Хельсинки было отмечено, «что *международная разрядка* во все большем объеме наполняется конкретным материальным содержанием. Именно *материализация разрядки* — вот в чем суть дела, суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и незыблемым» («Известия», 1975, 31 июля). «Путь в Хельсинки, проходивший через Женеву, был сам по себе *дорогой разрядки*», — писала «Правда» (23.VII.1975 г.), а 3 августа 1975 года «Правда» уже подводила итоги. Подписан Заключительный акт, и «видные государственные и общественные деятели, политические обозреватели оценивают вклад Советского Союза в *дело разрядки международной напряженности*, развитие мирного сотрудничества на европейском континенте». О «превращении *разрядки напряженности* в необратимый процесс» заявил корреспондентам «Правды» министр иностранных дел Народной Республики Болгарии Петр Младенов. Об «*упрочении разрядки* и расширении возможностей последующего развития» говорил председатель бельгийского Комитета за европейскую безопасность и сотрудничество А. де Сталь.

Министр иностранных дел Дании К. Б. Андерсен сказал, что «*европейская разрядка*, переговоры в Вене, вообще дело разоружения значительно бы пострадали, если бы совещание не удалось». «Хартией мирного сотрудничества Европы» объявляет чехословацкая «Руде право» Заключительный акт, называя его «новым важным шагом по пути углубления *разрядки*».

«Даже самые ярые противники этой *хартии разрядки*, — пишет «Юманите», комментируя Заключительный акт, — не могут отрицать, что Европа вступила в новый период межгосударственных отношений, определенных принципами, которые одобрили высшие руководители 35 государств». Однако «Юманите» напоминает о препятствиях на пути к «*материализации разрядки*» («Правда», 1975, 3 августа).

Остановимся еще на одном замечании: «Разрядка — новое слово в дипломатическом словаре, — писал 6 апреля в журнале «Уорлд маэгазин» Генеральный секретарь Коммунистической партии Соединенных Штатов Гэс Холл. — В толковом словаре Уэбстера она определяется как «уменьшение напряженности или враждебности, в особенности в отношениях между государствами». Многие пособники холодной войны с трудом переваривают эту идею. Для них это горькая пилюля» («Правда», 1974, 3 мая).

О реакции, которую вызывает слово *разрядка*, сообщает любопытные детали А. Софронов в своем «Мексиканском дневнике»: «С удовольствием выполняю разрешение Джона Штрауса опубликовать его письма. Думается, что в Соединенных Штатах немало подобных штраусов, которые с презрением относятся к уголовной мафии сионистов, теряющей не только спокойствие, но и разум от одного слова «детант» — *разрядка*...» («Огонек», 1975, № 25, с. 28).

Французское слово *détente* существовало во французском языке так же, как и русское *разрядка* в русском. Оно использовалось и английским языком. Смысл слов *détente* и *разрядка* был аналогичным. Но дальнейшие политические события обогатили в первую очередь значение русского слова *разрядка*, что уже повлекло определенную смысловую модификацию в значении французского слова *détente*.

Слово *разрядка* стало политическим термином, оно калькируется *détente* — *детант*: *процесс детанта — разрядка, дух детанта*. Один американский публицист в своих наблюдениях о международных отношениях написал: «Разрядка — слово, которое обрело свой смысл в Москве». «Московское происхождение *разрядки*, которое было возможным благодаря настойчивому проведению в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, это всегда будет для нас, советских людей, предметом особой гордости» («Комсомольская правда», 1975, 24 июля).

В принятой 7 октября 1977 г. Конституции СССР законодательно закреплена ленинская политика мира, указывается, что СССР выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество (статья 28).

Нетрудно заметить, как изменился поток заимствований из русского языка. И конечно, главное — это не только количественные показатели (сами по себе то-

же интересные), но и качественные изменения заимствований: от отдельных экзотизмов до советизмов, слов — полномочных представителей нашей эпохи, нашей первой в мире социалистической страны.

Слова, уходящие из родного языка, становятся как бы слепками, запечатлевшими ту жизнь, свидетелями которой они были. *Тройка, самовар, соболь, царь*, затем *декабрист, нигилист, земство* — эти отдельные слова говорили о стране — богатом торговом партнере, о растущем политическом сознании народа и трудностях этого роста. Но все же преобладали русизмы-экзотизмы: *щи, борщ, квас, сапоги, папаха*. И вот поток советизмов: *Советы, советский, большевик, субботник, воскресник, пятилетка, герой труда, право на отдых* — меняет окраску заимствований русских слов. Этот новый характер заимствуемой из русского языка лексики не могут изменить конкретные бытовые наименования — «слова-предметы». Ср. в немецком языке: *Bitotka* 'битки', *Soljanka* 'солянка' или совсем новое, требующее пояснений: *Pelmeni* — mit Fleisch gefüllte Klößchen 'пельмени, наполненные мясом клецки'. Эти наименования блюд или сувениров (*Matrjoschka* 'матрешка') создают русский фон, на котором ярче ощущаются «космические» слова-русизмы *спутник, лунник, луноход*. Создается характерная оппозиция до Октября — *телега, самовар*, после Октября — *трактор, спутник, лунник, луноход*.

Заимствованное слово — это не только штрих из жизни народа, страны, но и ключ к пониманию этой жизни в определенную временную эпоху. В свое время В. И. Ленин подчеркнул, что русское слово *Советы* понимают все народы мира, а в наши дни символичны проникновенные строки Александра Твардовского:

Звучат во всех краях планеты
Без перевода, как *Москва*,
Большевики, Октябрь, Советы,
Мир, спутник — русские слова.

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЕ

Слова, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, зарождались задолго до самой революции. Они возникали, осмыслялись и распространялись вместе с революционной борьбой народа.

Трудно теперь представить, что *революция*, *коммунист* — слова не русские, столь пропитаны они идеями коммунистов-ленинцев, столь неотъемлемы от русского языка.

Революция, *коммунизм*, *красное знамя*, *красный*, *пролетариат* — все эти слова и словосочетания связаны с самыми славными страницами человеческой истории, но в интернациональные политические термины они превратились не сразу. Их значение углублялось, переосмысливалось. Каждый этап революционной борьбы вносил свой оттенок в значение слова, иногда изменял его. Слово как бы заново рождалось, становясь выразителем развивающихся, новых идей.

1

Слово *революция* восходит к латинскому *revolutio* и французскому *révolution*. И латинский, и французский термины имели значение 'обратное (возвратное) движение' и применялись главным образом в астрономии. Кроме чисто астрономического значения, *révolution* получило и, так сказать, «естественно-биологические» осмысления — о переменах в здоровье, о различных явлениях и поворотах

«фортуны» (судьбы). И хотя термин *революция* применялся главным образом в описаниях движения небесных тел, его переносное значение 'перемены в жизни государств и народов' вошло в общелитературный русский язык. Как синоним к ряду *отмена — перемена — изменения* оно встречается уже во времена Петра I. Так, в исторических трудах этого времени находим речения: «Дабы всяк яснее о последующих *революциях* древних известие имел». А в одной рукописи того времени читаем: «О царе Годунове. О расстриге. О других *революциях*». Слово *революция* в то время могло сопровождать пояснение — «отмены», т. е. перемены, изменения. В астрономическом значении *révolution* в русском языке соответствовали термины: *течение, бег, обращение, движение* — «планет и комет обращение», «обращение и обратное течение звезд». Но уже были возможны и переносные употребления. Например, у известного писателя конца XVIII — начала XIX века Карамзина: *революция в философии* (новые веяния в философии). Только впоследствии слово *революция* закрепляет социальное значение.

14 июля 1789 года восставший французский народ взял Бастилию. Этот день Франция отмечает как национальный праздник. И именно с этого времени наблюдается распространение революционных слов в разных языках мира. Когда во Франции произошла буржуазная революция, правительство Екатерины II, стремясь пресечь «заразу французскую», закрывает журналы, преследует всякое проявление свободомыслия и свободолюбия. Попадает в ссылку Радищев, в заточение — Новиков. И именно в этот период в русском языке закрепляется слово *революция* и его производные: *революционный* и др. Слово *революция* стало означать 'коренные, радикальные перемены в укладе общества, связанные с освободительной борьбой'.

Французские события 1789 года закрепляют социальный смысл слова *революция*. *Революция, революционный* — эти слова употребляли декабристы, вкладывая в них значение 'свержение самодержавия'. В XIX веке слово *революция* получает распространение в передовой русской публицистике.

Новая эпоха в истории слова *революция* связана с пролетарским освободительным движением, коммунистической (большевистской) партией, В. И. Лениным. В «Словаре современного русского литературного языка» (1961)

отмечены два основных значения слова *революция*, сформировавшиеся в течение полутора веков:

1-е значение — 'коренной переворот в жизни общества, проявляющийся в насильственном низвержении отжившего общественного строя' — *пролетарская социалистическая революция* и иной социальный смысл — *буржуазная* и *буржуазно-демократическая революция*;

2-е значение (переносное) — 'переворот в какой-либо области, ведущий к коренному преобразованию, усовершенствованию чего-либо' — *научно-техническая революция*.

Теперь у слова *революция* в значении 'коренной переворот в жизни общества' как бы две колыбели, оно как бы дважды рождалось — в июле 1789 года во Франции и в октябре 1917 года в России. Вторая дата рождения неразрывно связала слово *революция* с определением *социалистическая, пролетарская*. Возникает новое, революционное понятие *Октябрьская революция — Великая Октябрьская социалистическая революция*. Уже установившийся политический термин *революция* получает в новом словосочетании новое осмысление. Слово *революция* как бы конденсирует в себе смысл всего сочетания, и этот новый смысл всего сочетания связывается теперь с политическим термином *революция* во всех языках мира: *Revolution — socialist revolution, October Revolution, Great October Socialist Revolution* — 'революция — социалистическая революция, Октябрьская революция, Великая Октябрьская социалистическая революция'. Новое осмысление особенно наглядно проявляется в производных образованиях, которые возникли в русском языке, но вошли в виде переводов-эквивалентов и в другие языки. Одновременно с переводом русских словосочетаний, рожденных Октябрем, в самом заимствующем языке обогащаются новыми оттенками социально-политического значения слова, взятые как эквивалентные: *революционная борьба — revolutionary struggle, революционное движение — revolutionary movement, революционная партия — revolutionary party, революционная теория — revolutionary theory, революционные стратегия и тактика — revolutionary strategy and tactics, революционные традиции — revolutionary traditions, революционная бдительность — revolutionary vigilance, революционная сущность — revolutionary essence* (англ.).

Слово *революция* отражает новое мировоззрение, оно

обогащено новым социальным толкованием. Термин *революция* не однозначен — это и *буржуазная революция*, и *буржуазно-демократическая революция*, и *пролетарская социалистическая революция*. Последнее воспринимается как его первое основное значение. Так, казалось бы, устоявшийся политический термин — уже интернациональный — под влиянием новых событий приобретает новое осмысление. И это новое осмысление в свою очередь становится интернациональным.

2

18 марта 1971 года исполнилось 100 лет со дня победы пролетарской революции в Париже. Более двух месяцев правительство держало власть в своих руках. Героическая борьба подняла дух мирового пролетариата. День победы Парижской коммуны — 18 марта — ежегодно отмечается ныне всем прогрессивным человечеством.

Но задумывались ли мы над историей слова *коммуна*? Проследим эволюцию этого важного интернационального слова. В нем отразилось развитие социально-политической мысли, развитие революционного движения.

В «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845—1896), этой первой русской философско-политической энциклопедии, составленной в русле идей петрашевцев, читаем: *коммуны* или *коммуны* — «слово вполне заменяется русским словом *общины*». Но уже в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» (1863—1866) Ф. Толля находим такое существенное дополнение в толковании слова: «в собственном смысле — *коммунистическая община*, коей устройство клонится к совершенному равенству прав и имуществ членов ее». Слово *коммуна* стало обычным на русской почве в новом, социалистическом смысле с начала 60-х годов прошлого века, когда передовая демократическая молодежь стала организовывать *коммуны*. Вспомним знаменитую *Знаменскую коммуну*, созданную писателем-демократом В. А. Слепцовым в Петербурге в 1863 году.

Во французских словарях XVIII века слово *commune* означало прежде всего 'чернь', 'простонародье'. В истории старофранцузского слова *commune* (от латинского *communia* 'общественность, общественная жизнь') известно значение 'город', т. е. средневековый самоуправляющийся

город назывался *коммуной* (с 1138 г.). Поэтому только жители городов (коммун) могли называться *commune(s)*. Слово *commune(s)* означало 'все население города' или 'часть городского населения, организованно выступающая в качестве представителя всей коммуны'. Так постепенно формируется, как мы можем видеть, специальное общественно-политическое значение слова *коммуна*.

Слово *коммуна* — *commune* означало и 'простой народ', 'сословие не дворянское и не духовное', в которое, однако, могли входить и богатые, и бедные люди. Но в текстах XV века уже есть значение 'бедная часть простого сословия'.

В первую половину XVIII века, первоначально как английский «государственный» термин, слово *commune* стало означать и «третье сословие»: две палаты английского парламента представляли знатных лордов («высокая») и «третье сословие» («низкая», *commune*).

К 70-м годам XVIII века *commune* уже означает просто 'народ', 'жители города или деревни'. Эпоха буржуазной революции освободит термин *commune* от «низменного» значения, но лишь на время. Впоследствии, когда в XIX веке возникнет рабочее движение, у господствующих буржуа слово *commune* «нередко вызывало такую же брань, как и в наши дни коммунизм». Это слова Карла Маркса в письме к Фридриху Энгельсу от 27 июля 1854 года (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 28, с. 324).

В русский язык слова *коммуна*, *коммунизм*, *социализм*, *коммунальный* (первоначально), *коммунистический*, *социальный* (первоначально), *социалистический*, *коммунист*, *социалист* вошли как термины, связанные с передовыми идеями своего времени. Известные из английской и французской печати 30-х годов, они получают и в русской печати распространение к середине 40-х годов XIX века в связи с интересом к общественно-политическим идеям в кругах Белинского, Герцена, петрашевцев.

Термины *социализм* и *коммунизм* в те времена толковались довольно неопределенно и подчас смешивались.

До начала распространения марксизма в России слова эти осмыслились лишь как определенное «учение». Марксизм широко вводит новое значение этих слов: 'новый социальный строй' и разграничивает понятия *социализм* и *коммунизм* как наименования двух фаз в развитии общества.

В старину на Руси бывало выражение *красный звон*. Это было наименование праздничного колокольного звона. В пору возникновения этого сочетания прилагательное *красный* имело значение 'прекрасный, красивый, праздничный'. Ср.: *красная девица, красное крыльцо, красные ворота, красивые одежды* (праздничные, нарядные), *красный двор, красная песня, Красная горка, Красный городец, Красное село, Красная площадь*. Одни из этих сочетаний стали историзмами (*красный звон*), другие существуют как собственные имена (*Красная площадь, Красносельское*).

Цветовое значение определения *красный* настолько сильнее старого, стирающегося 'праздничный, красивый', что часто представляется единственно возможным. Вспомним повесть В. Г. Короленко «Слепой музыкант». «Что означает выражение *красный звон*?» — спрашивает слепой Петр. Максим задумался. «Как объяснить?» На помощь приходит цветовые ассоциации. Красный цвет — цвет крови. «Кровь красная. Именно красная и горячая. И вот красный цвет, как и «красные» звуки, оставляет в нашей душе свет, возбуждение и представление о страсти, которую так и называют «горячею», кипучею, жаркою... Народные массы во времена мятежей ищут выражения общего чувства в красном знамени, которое развевается над ними, как пламя...»

Новое значение слова *красный* — 'революционный' — распространяется, как известно, в Западной Европе после 1848 года под несомненным влиянием французского языка. Возникло оно из выражения *красное знамя: drapeau rouge > rouge = красное знамя > красный* (имелись в виду приверженцы красного знамени, т. е. революционных идей).

Интересно отметить, что революционные — социалистические и коммунистические — идеи на русской почве ассоциировались с красным цветом. Красное знамя — это символ революции. Но в истории красного знамени был период «трехцветья». Это было сине-бело-красное знамя Парижа — города революций: к традиционному белому цвету бурбонского флага были присоединены красный и синий цвета Парижа.

Вспомним знаменитую картину Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ» (28 июля 1830 г.), или «Свобода на

баррикадах» (эта картина находится в Лувре). Свобода, цветущая женщина, ведет на приступ народ Парижа. Она осенена трехцветным знаменем восставшего города. В том же 1830 году, когда была создана картина, поэт О. Барбье написал свое знаменитое стихотворение о свободе, получившее широкое распространение и у нас в многочисленных переводах с французского. В переводе В. Г. Бенедиктова читаем:

Свобода — женщина с широким, твердым шагом,
Со взором огненным,
Под гордо веющим по ветру *красным* флагом,
Под дымом боевым...

В подлиннике же есть только «трехцветные кокарды» и «трехцветные шарфы». Вольность переводчика могла быть возможной только потому, что русский читатель знал уже, что *красный флаг* — это символ революционной борьбы.

Уже в революцию 1848 года восставшие рабочие требовали введения *красного флага*, но временное правительство не допустило этого. Однако в период июньского восстания рабочие сражались с правительственными войсками под *красным флагом*, трехцветный же флаг был у правительственных войск. Вот почему Рудин, герой одноименного романа И. С. Тургенева, погибает на баррикадах восставшего Парижа с красным знаменем в руках.

Политическое значение слова *красный* закрепляется к концу XVIII века, после расстрела народа на Марсовом поле в Париже 17 июля 1791 года. В окне ратуши в знак того, что правительственные войска силой оружия будут разгонять народ и может пролиться кровь, вывешивали красный флаг. После того как сигнальный флаг был действительно обгажен кровью, он стал символом — «война королевской власти!», а впоследствии символом революционной борьбы.

Независимо от французских событий у многих народов слова, обозначающие красный цвет, связывались с пролитой кровью и становились символом народной борьбы за свободу. Создатель первого гимна, посвященного красному знамени — «Le drapeau rouge» («Красное знамя»), — Поль-Мари Брусе (1844—1912), социалист, участник Парижской коммуны, ведет происхождение красного знамени от средневековых жакерий:

Les révoltés du moyen âge
L'ont arboré sur maints beffrois,
Emblème éclatant du courage,
Toujours il fit pâlir les rois.

[Мятежники средних веков
Его поднимали на многих башнях!
Сверкающая эмблема храбрости,
Оно всегда заставляло бледнеть королей.]

«Мой любимый цвет — красный» — это слова Карла Маркса.

Свобода на баррикадах у Делакруа — в *красном колпаке*. Этот головной убор тоже символичен. Вспомним пушкинские строки: «Оставьте *красный* мне *колпак*, Пока его за прегрешенья не променял я на *пишак*». (Так писал поэт в 1817 году, намекая на возможную опалу и ссылку в военную службу, в которой пришлось бы носить «пишак».) А несколько позже, в 1828 году, Пушкин замечает: «Не в моде нынче *красный цвет*...»

Почему же на голове Свободы красный колпак? Герцен в «Былом и думах» так описал одно из революционных выступлений в Париже: «Я встретил большую процессию национальной гвардии, которая несла... бюст свободы, т. е. женщины с огромными кудрями в *фригийской шапке*». Фригийская шапка — это и есть фригийский колпак. Фригия — древняя страна в Малой Азии, а колпак — традиционный головной убор древних фригийцев: высокий колпак с узким верхом, загибающимся вперед, обычно красного цвета. Фригийский колпак носили позже рабы, получившие свободу. Вот почему именно этот головной убор стал символом свободы. Вот почему такие колпаки надевали санкюлоты («беспштанники», голодранцы), шедшие на баррикады, и якобинцы. Фригийский колпак на голове у «Свободы» Делакруа. И теперь на плакатах, посвященных Парижской коммуне, мы видим легкий абрис женской головы — коммунарки в *красном колпаке*. Сколько смысла в этом символе — символе освобождения, свободы, возникшем еще в эпоху рабовладения!

Вот почему Карл Маркс говорил, что любимый его цвет красный.

... есть у цвета голос
И есть у голоса свой цвет.

Так выделил в своем стихотворении «Красный цвет» поэт Иван Савельев революционное значение слова *красный* («Огонек», 1969, № 46, с. 30).

В 60-е годы прошлого века новое значение слова *красный* распространяется и в русском языке как смысловая калька. Но слово *красный* как символ свободомыслия, революционности, протеста употреблялось, как мы уже видели, и значительно раньше. В этом легко убедиться, обратившись, например, к «Словарю языка Пушкина», отразившему революционное осмысление слова *красный* в то время.

Во времена И. С. Тургенева прилагательное *красный* значило 'революционный, якобинский'. В романе «Рудин» (1856) герой гибнет на баррикадах 26 июня 1848 года с красным знаменем в руках. В романе же «Новь» (1876) уже встречаемся с осмыслением слова *красный*, возникшим в царской России, — 'революционный, неблагонадежный': «— Чует мой нос, — уверял Каломейцев, — чует, что это *красный*. Я, еще в бытность мою чиновником по особым поручениям у московского генерал-губернатора... наводстрился на этих господ — на *красных*» (1-я часть романа, гл. IX).

В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» (1-е изд., т. 2, 1865) обращает внимание на новое значение прилагательного *красный* в сочетании *красный человек*, совсем иное, чем в привычных для русского языка *красный молодец* или *красная девица*. В. И. Даль видит здесь явное влияние французского языка и республиканских идей.

Новое переносное значение *красный* 'революционный' понималось довольно широко: 'протестующий против существующей несправедливости, революционный вообще'. Такое понимание слова *красный* позволило А. И. Герцену в воспоминаниях, писанных в 1863 году о славных годах молодости, построить яркую метафору на основе фразеологического сочетания *белый свет*: «Смело и с полным сознанием скажу еще раз про наше товарищество того времени, что это была удивительная молодежь, что такого круга людей талантливых, чистых, развитых, умных и преданных я не встречал, а скитался довольно по *белому* и по *красному свету*» («Былое и думы». Л., 1946, с. 674).

Такое разложение фразеологизма, конечно, было возможно только при достаточно закреплённом и распростра-

Примечательно назван и ежегодный Международный фестиваль политической песни — «Алая гвоздика» (Сочи, СССР).

Отметим и такое интересное явление. Слово *гвоздика* как бы впитывает определение *красная*, где значения цветное и переносное — 'революционный, коммунистический' — переплетены и неразделимы. На фоне так осмысленного определения имя *гвоздика* само становится символом революционных идей. Вот почему свой сборник стихов, посвященных революционной эпохе, болгарский поэт Янко Димов назвал «*Железные гвоздики*».

В эпоху гражданской войны в нашей стране имя *красный* было связано с *Красной гвардией* рабочих и крестьян, сражавшихся под *красным знаменем*. После Октябрьской революции 1917 года в слове *красный* выдвигаются значения 'коммунистический, большевистский, советский'. Ср.: «*красный* в классе» — о сыне члена коммунистической партии в одной из капиталистических стран («Комсомольская правда», 1966, 7 января, с. 3); несколько строк, обращенных к кинорежиссеру Стенли Крамеру, создателю фильма о суде над фашистскими судьями: «Бояться ли миру — тому миру, который и представляет, и защищает Крамер, — бояться ли ему *красных* сегодня? Ведь боязнь эта так губительна была в борьбе с фашизмом в тридцатых годах» («Литературная газета», 1966, 13 января, с. 2); «Эмполи называют *красным городом красной Тосканы*, одной из трех исторических областей Италии, где левые партии располагают традиционным большинством. Эмполийские коммунисты — самая влиятельная политическая сила города» («Огонек», 1966, № 37, с. 4).

В пору, когда В. Маяковский посетил Америку, прогрессивная печать приветствовала поэта: «Из далекой *красной России*, сквозь кордоны лжи и дезинформации, является к нам луч света, отражение нового мира...» («Литературная газета», 1971, 31 октября).

Определение *красный* синонимизируется с *советский*. В далеком Вьетнаме 1 мая 1930 года деревня Хын-Зун подняла красный флаг с серпом и молотом и провозгласила власть Советов. В память этих нескольких героических часов возникло название *красная деревня*. И сейчас деревню Хын-Зун называют *красной деревней* «не только за подвиги ее ополченцев. Деревню называют *красной* еще и за то, что здесь люди умеют по-настоящему трудиться».

Даже в военных условиях урожай риса, хлебного дерева, ананасов и сахарного тростника остаются высокими» («Комсомольская правда», 1966, 1 мая). Как видим, намечается значение 'передовой'. Ср.: *красная доска* (доска Почета) в противопоставлении — *черная доска*. Особое значение ('советский, новый, народный, связанный с советским социалистическим строем') получает прилагательное *красный* в сочетаниях типа *красный уголок*, *красная изба*, *красная яранга*: «Учитель *красной яранги*... Нужны учителя в *красную ярангу*. По тундре ходить надо, оленеводов учить...» («Известия», 1967, 10 октября).

На основе развившихся переносных значений возникают экспрессивные метафорические употребления. Ср.: «Цвет жизни — *красный цвет*» («Литературная газета», 1966, 29 марта); «Муза в *красной косынке* — ... это муза комсомольской поэзии. В *красной косынке* и синей сатиновой блузе, весело и уверенно открыла она дверь большой жизни... Муза в *красной косынке*, всегдашняя сверстница и спутница комсомола...» («Комсомольская правда», 1966, 16 апреля). И вот в зарубежных обзорах печати читаем: «Война песен... итальянская коммунистическая молодежь перешла недавно в музыкальное контрнаступление, выдвинув «*красную линию*» — линию борьбы. И вспыхнула «война песен» ...» («Советская культура», 1967, 23 марта).

Отметим, что часто на постоянных словосочетаниях, как бы застывших фразеологизмах, чувствуется отблеск нового значения слова. Так, в сочетании *Красная площадь* определение *красная* ассоциируется не столько с 'красивая', что верно лишь этимологически, сколько с 'революционная', 'советская'. Наиболее сильное, распространенное значение втягивает в свою орбиту другие значения прилагательного. Ср. также:

В моей стране
вы песню сложите
о *красном дне*
на *Красной площади*!

(Ф о м и н Федор. «Известия», 1966, 1 мая).

Переносные значения цветового прилагательного *красный* в некоторых случаях проявляются не в сочетаниях, а детерминируются ситуацией, общим толкованием кон-

текста. В этом смысле примечательно понимание картины К. Петрова-Водкина «Купание красного коня». Картина написана в 1912 году. Образ красного коня был навеян сказками, легендами, древнерусской живописью. Напомним, что основой многих древних росписей был красный конь — давний языческий образ Солнца-благополучия.

У Петрова-Водкина красный конь и юный всадник были символами чего-то нового и молодого, прекрасного и радостного. Но позже он свяжет с образом красного коня свои предчувствия грядущих великих событий, великих перемен, ожидавших Россию. Когда началась первая мировая война, Петров-Водкин говорил: «Так вот почему я написал купание красного коня» (Селизорова Е. Н. Вступительная статья к каталогу «Петров-Водкин». М. — Л., 1966, с. 10).

Красный в таком символическом сочетании, как *красный конь*, допускает ассоциативные связи и с древним значением 'красивый, солнечный, яркий', и с более поздним 'революционный'. История картины как бы демонстрирует различные толкования и осмысления многозначного слова *красный*.

Этимологическое значение слова в современном языке может служить образно-эмоциональным целям. Вот, например: «Кызылкумы переводятся на русский язык как *Красные пески*. И мне думается, что слово *красные* уместно понимать в том смысле, в каком они звучали в старину: *красные пески* — прекрасны соколовицами своих недр» («Комсомольская правда», 1966, 26 февраля).

В наши дни обратный процесс в формировании переносных значений наблюдаем в детской речи: «— Почему на твоём рисунке облака красные? — Так они же праздничные, майные!...» («Кто придумал яблоко?» — «Комсомольская правда», 1967, 20 августа). Как видим, разрушающиеся этимологические связи *красный* — *праздничный* — *веселый* — *красивый* пробуждаются новыми ассоциациями в новых сочетаниях (*красный флажок*, *красный флаг*, *красное знамя* на праздничных демонстрациях и т. п.).

В переносных значениях цветового прилагательного и оживают этимологические связи (*красный* — *красивый*), и отражаются исторически слагающиеся связи (*красный* → *красное знамя* → *красный* 'революционный' — про-

летарский — коммунистический — марксистский — большевистский — советский — социалистический — передовой').

Большой интерес представляют словарные фиксации семантических сдвигов в слове *красный*, отмеченные в английских словарях. Переносные нецветовые значения слова *красный* в английском языке шли из французского и русского языков.

Первоначально *red* 'красный' осмысливается под влиянием революционных идей и французской революции (XVIII в.) как 'республиканцы, революционеры', впоследствии 'коммунисты'. После Великой Октябрьской социалистической революции слово *red* 'красный' как бы обновляется. Теперь оно связывается с пролетарской революцией, большевиками, советским строем, социализмом. В 20-е годы (XX в.) словари отметили: *Red Guards* — Красная гвардия (1920), *red guardist* — красногвардеец, *Red Army* — Красная Армия (1922), *red army man* — красноармеец, *red commander* — красный командир. Интересно и переосмысление слова *белый* — *white* в значении 'контрреволюционный': контрреволюционер, монархист, защитник Бурбонов (XVIII в.) и контрреволюционер, белогвардеец, белый, противник Советской власти, коммунистов. Впоследствии английские словари включают и такие советизмы, как *red corner* 'красный уголок', *red board* 'красный совет, правление, власть', *red banner* 'красное знамя' и возникшие в английском уже на американской почве *red-bait* 'преследовать прогрессивные элементы', *red-baiting* 'травля, преследование прогрессивных элементов'.

В истории слова *красный* отразились и международные языковые влияния. В эпоху Великой французской революции (1848 г.) закрепляется смысловая калька с французского языка: *rouge* — красный, 'революционный', в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции во многих языках появляется калька с русского: *красный* — 'большевистский, советский'.

Примечательно образование смысловых калек, когда заимствованный русизм транспонируется в заимствующий язык так, что отмечается этимологическое и высвечивается его современное, актуальное значение. В этом смысле любопытно калькирование слова *чапушка* — *чапушки* в болгарском языке.

В русском — особенно донском — быту *частушка* (*частуха*) имеет давнюю традицию. «Частушка произошла из обрядового припева танцевальной песни, у которого она переняла краткость, рифму и быстрый темп». Образовано это слово от корня *част-* (ср. *частый*), первоначально — «то, что часто повторяют», быстро, скороговоркой. Ныне так называется «песня, исполняемая в компании, плясовая», а также «произведение народной поэзии — короткая песенка (четверостишие или двустышие) злободневного, обычно шутливого или лирического характера». Такое толкование зафиксировано словарями (В. Даль, В. Миртов, М. Фасмер). Частушки слагаются, как правило, на злободневные темы, это живой и молниеносный отклик на события дня. И вот, как сообщает болгарский исследователь Р. Русинов, с ноября 1919 года Димитр Полянов (под псевдонимом М. Моренин) начал публиковать в газете «Работническа вестник» («Рабочая газета») злободневные стихи с ярким политическим содержанием, называемые *червенушками*. Сам автор отмечает: «Тоя род политически злободневки имаха голям успех и думата *червенушка* стана нарицателна да политическо стихотворение... Много от *червенушките* бяха писани по поръчка или указания на тогавашните другари редактори: Хр. Кабакчиев, В. Коларов и Г. Димитров» [Этот род политических злободневных заметок пользовался большим успехом, и слово *червенушка* стало нарицательным именем политического стихотворения... Многие из *червенушек* были написаны по поручению или указанию тогдашних товарищей редакторов: Хр. Кабакчиева, В. Коларова и Г. Димитрова].

Так возникает семантический неологизм *червенушка* — *червенушки* от слова *червено* — «красный». Такое осмысление и цветовая связь выделили в неологизме политическую злободневность. Р. Русинов сообщает, что само слово *червенушка* было известно народной речи очень давно в значениях: 1) гриб с красной шапкой; 2) лесная птица с красной окраской; 3) сорт красного винограда (в некоторых диалектах). Но возможно, как это часто бывает, *червенушка* «политическое злободневное стихотворение» возникло самостоятельно, несомненно повторив структуру русского наименования злободневных народных четверостиший *част-ушка*. В неологизме и прозрачна связь с *червено* «красный — революционный — демократиче-

ский — социалистический — коммунистический'. Тем самым обнажена сущность самого явления — политическое злободневное стихотворение.

4

Остановимся еще на одном слове, как бы дважды рожденном. Слово *пролетарий*, как и *пролетариат*, близко и дорого трудящимся всей нашей планеты. В далекую эпоху древнего мира латинское слово *proletarius* означало 'неимущий гражданин'. Пролетарии составляли беднейшую часть населения в Древнем Риме, в пролетарской среде возникали бунты протеста, самые сильные и организованные пролетарии поднимались на борьбу против своих угнетателей.

В эпоху капитализма *пролетарий* приобретает новое осмысление — 'наемный рабочий, лишенный средств производства, рабочий крупной промышленности'. В этом последнем значении в русский язык слова *пролетарий*, *пролетариат* проникают в 40-е годы XIX века. Слово *пролетарий* первоначально сопровождали синонимы: *бобыль*, *бесприютный*, *безземельный*. Так оно было отмечено словарем Владимира Даля (1863—1866), но в эти же годы в словаре Ф. Толля *пролетариат* получает и социальное толкование: «*пролетариат* — состояние в обществе граждан, не имеющих обеспеченного пропитания... Пролетариат происходит от неравного распределения богатств и эксплуатации рабочих классов капиталистами...» Белинский, Герцен широко вводят эти слова в публицистику. В русском языке возникают новые словосочетания и образования, подсказанные русской жизнью. Например, «*Мыслящий пролетариат*» — у Писарева так названы новые люди, подобные Рахметову из «Что делать?» Чернышевского. Образование особой беднейшей прослойки крестьянства после реформы 1861 года (безземельные у В. Даля) и социальная пестрота населения порождают термины *промышленный пролетариат* и *сельскохозяйственный пролетариат*, *подпролетариат*. Эти социально точные наименования мы находим в статьях и книгах В. И. Ленина.

Интересно путешествие слов *собственность* — *собственник* и их семантическое обогащение: от фиксации «экономического» положения до глубокого идейного осмысления. Два слова, *собственность* — *собственник*, связанные общим корнем, получают особое развитие в разных социальных условиях. Слово *собственность* регистрируется «Российским Целлариусом» в 1771 году. *Собственность* — это 'имущество' и 'право владеть, распоряжаться им'. Производное *собственник*, по-видимому, как авторское новообразование, уже есть у А. Н. Радищева в его «Проекте гражданского уложения» (1801—1802): «И так имеющего право собственности можно назвать *собственником*». Однако в этом смысле обычно употребляются и у самого А. Н. Радищева слова *владелец*, *хозяин*. И только в 30-е годы прошлого века слово *собственник* встречается у отдельных авторов, вероятно, независимо от словотворчества А. Н. Радищева, так как его «Проект» оставался в архивах до 50-х годов нашего века.

У А. И. Герцена есть такие примечательные строки: «Доселе развитие Европы была беспредельная борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, с коммунами, с народом, наконец, *собственников* с неимущими». Здесь *собственник* — *собственники* вернее всего следует воспринимать как кальку французского слова *propriétaire*. В. Г. Белинский как бы подтверждает такое толкование слова: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым *собственником* (*propriétaire*) и капиталистом...; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату». Еще в 40-е и далее в 70-е годы встречается прямое французское заимствование *проприетер*. У того же Герцена в «Письмах из Франции и Италии» читаем: «Но не таков буржуа, *проприетер*, лавочник, рантье и весь Париж, за пенс стоящий». И там же: «Одни богатые буржуа и *проприетеры* домов торопились затворить ворота, двери, ставни». Но все же с 50—60-х годов русская калька *собственник* вытесняет первоначальное заимствование *проприетер* (*propriétaire*), и В. И. Даль уже в первом издании

своего словаря фиксирует распространившийся и укрепившийся неологизм *собственник* (1863—1866). Жизнь двух однокоренных слов *собственность* — *собственник* текла в одном русле до Октябрьской революции 1917 года, когда в употреблении и сочетаемости этих слов наметились примечательные сдвиги. Сформировавшееся новое понятие *коллективная, социалистическая собственность* резко обозначило оппозицию старого и нового понятий. С одной стороны, *собственник* — *собственность* — *частная собственность* и, с другой стороны, *коллективная, социалистическая собственность*. Слово *собственник* теперь соотносится только с частной собственностью, но не с коллективной, социалистической собственностью. Последнее сочетание выражает понятие, очень важное в социалистическом образе жизни, в построении социализма, коммунизма. Сочетание *социалистическая собственность* заимствуется как советизм, родившийся в новых условиях жизни языка. Именно новое отношение к собственности определило и само сочетание, и его значение. Это новое сочетание *социалистическая собственность* заимствуется многими языками, калькируется и как советизм вводится в речевой оборот, фиксируется словарями. Ср., например, английское *socialist property, socialist ownership*.

Итак, слово *собственник*, первоначально пришедшее как калька в русский язык, способствовало формированию противоположных понятий: *частная собственность* и *коллективная собственность — социалистическая собственность*. *Социалистическая собственность* — общественное понятие и словосочетание — теперь в свою очередь воздействует на формирование европейской терминологии, связанной с понятием *собственность*.

Слова *пролетарий, пролетариат* вошли во многие языки. Они стали вместе со словами *революция, коммуна интернационализмами*. При этом, как мы видели, независимо от первоисточника каждое из интернациональных слов приобретает новые оттенки значения, вызванные движением времени и историческими условиями той или иной страны. Каждое из слов *революция — коммуна — коммунизм — пролетарий — красное знамя — красный* хранит великую историю великих народов.

РУССКОЕ СЛОВО: ЧУЖОЕ ИЛИ СВОЕ?

Возможно ли всякое заимствованное слово называть чужим? Как долго ощущается «чуждость» заимствованного слова? И вообще, различаем ли мы слова свои и чужие?

1

Возьмем один наглядный пример языкового родства — сходство и своеобразие языков. Каждый год мы произносим дружественные, радостные, добрые слова: *С Новым годом!* Эти слова раздаются на всех языках мира: *Glückliches Neues Jahr!* по-немецки, *Bonne Année!* по-французски, *A Happy New Year!* по-английски...

Связаны ли эти разноязычные слова только единством обычая или в них прослеживается и родство самих языков? Что означает слово *год* и как сложилось его значение?

Год — сравним это слово с диалектными *годи* — *годъ* — *погодъ* и литературным *погоди*. Именно эти слова поддерживают связь с древнерусским *годъ* в значении 'срок, время'. К этому же корню относятся слова *погода*, *выгода*, *годный*, *годиться*... В других славянских языках однокоренные слова означают 'пора, спелость, праздник, празднество, время' (словенский, чешский, польский). Латышское слово *gads* 'год' — славянское заимствование; родственно ему и другое латышское слово *gadigs* 'способный, почтенный' и некоторые другие производные слова. В немецких наречиях тоже есть слова, родственные по корню древнерусскому *годъ*: *gigat* 'подходящий', *(ge)gate*

‘товарищ, супруг’ и др. Семья однокоренных слов в индоевропейских языках достаточно велика. От русского слова *год* ‘срок, время’ тянутся нити родственной связи со многими языками.

Заметим, слово, означающее *год* (*Jahr*) в немецком языке, родственно древнерусскому *яра* (*jaru* ‘весна’). Первоначально само понятие ‘движение Солнца’ имело временное значение — ‘год’, а его наименование восходило к глаголу *идти* с индоевропейским корнем **ie* — **jar* ‘яр-’. Вот откуда имена: *Ярило* ‘бог Солнца у славян’, *яра* ‘весна’ и ‘начало нового года’, *ярка* ‘молодая овечка’, *яркий*, *яровой* (хлеб) и совсем недавнее образование *яровизация* — ‘предпосевная обработка семян для повышения урожайности’, известное уже как термин-русизм многим языкам. Все эти слова связаны, как видим, с древнерусским *яра* ‘весна’.

Этот же индоевропейский корень лежит в основе наименований года в латинском языке: *annus* ‘год’ и в древн. индийск. *atati* ‘идет, проходит’. Отсюда же французское *année* ‘год’ и другие романские наименования года (итальянское — *anno*, испанское — *año*, португальское — *ano*, румынское — *an*, а также английское — *year* ‘год’).

Так в новогоднюю ночь мы произносим слова, связанные далеким родством в прошлом и связывающие всех людей мира в настоящем.

2

Один из своих романов Э. Золя назвал «Жерминаль». *Жерминаль* — это название месяца (с 22 марта по 19 апреля) по республиканскому календарю, или календарю якобинцев, — французскому революционному календарю эпохи Конвента. *Жерминаль* — ‘пора завязи’ от *germe* ‘завязь, зародыш, росток’ — Э. Золя толковал как время цветения, радости, которое должно наступить для трудового люда. Год по республиканскому календарю начинался с сентября — месяца провозглашения республики в 1792 году.

Когда-то славянские народы началом года считали пору сбора урежая, что соответствовало бы сентябрю. Первый месяц республиканского календаря был назван *вандемьер* от ‘сбор винограда’. Все двенадцать месяцев

получили имена с так называемой прозрачной внутренней формой, в которой отражаются особенности времени года и сельской жизни. Именно так складывались древние славянские имена месяцев, сохранившиеся, например, в украинском, белорусском, польском языках. Сравним эти названия:

	Республиканский французский календарь	Украинский календарь
сентябрь	<i>Vendémiaire</i> (<i>vendanges</i> 'сбор винограда')	вересень 'хмурый'
октябрь	<i>Brumaire</i> (<i>brumes</i> 'туманы')	жовтень желтый от желтые листья
ноябрь	<i>Frimaire</i> (<i>frimas</i> 'изморозь')	листопад от падают листья с деревьев
декабрь	<i>Nivôse</i> (<i>neiges</i> 'снега')	грудень от груды 'смерзшаяся комьями земля'
январь	<i>Pluviôse</i> (<i>pluies</i> 'дожди')	сечень (січень) от сечь 'рубить лес, готовить землю под пашню'
февраль	<i>Ventôse</i> (<i>vents</i> 'ветры')	лютий 'суровый'
март	<i>Germinal</i> (<i>germe</i> 'пора завязи')	березень от березы — березовый
апрель	<i>Floréal</i> (<i>fleur</i> 'цветок, цветущий')	квітень от квіти 'цветы'
май	<i>Prairial</i> (<i>prairies</i> 'луга')	травень от трава

июнь	<i>Mesidor</i> (<i>moissons</i> 'жатвы')	липень от липы—ли- повый
июль	<i>Thermidor</i> (<i>thermo.</i> 'тепло, жа- ра')	червень от червенный 'красный от зреющих плодов'
август	<i>Fructidor</i> (<i>fruits</i> 'фрукты, пло- ды, плодонесущий')	серпень от серп, пора жатвы (серпом)

Не правда ли, сходство в названиях месяцев привлекает наше внимание. Случайно ли оно?

Французские энциклопедические словари, а также журнал «Русский архив» (1887, № 1) позволяют рассказать такую историю этих названий. Шарль-Жильбер Ромм (1750—1795), выдающийся французский математик, один из изобретателей телеграфа, будущий якобинец, много лет прожил в России, не однажды ездил на Украину. Он был воспитателем графа Павла Строганова и вместе с ним учил крепостного Андрея Воронихина, в будущем гордость русского народа — великого русского зодчего — ныне в Ленинграде охраняется как памятник архитектуры Казанский собор — создание А. Воронихина.

Ш.-Ж. Ромм вернулся во Францию перед революцией 1789 года, был избран депутатом Конвента в 1791 году. Он же предложил новый республиканский календарь. Ш.-Ж. Ромм изучал русский язык, знал русскую историю. Был дружен со многими русскими государственными деятелями, литераторами, учеными, присутствовал на заседаниях Российской Академии наук. Так, может быть, славянские названия месяцев, органически связанные с природой и народной жизнью, натолкнули Ш.-Ж. Ромма на французские аналоги, послужили образцом в создании республиканского календаря.

3

Есть люди, бездумно наполняющие свою речь чужими словами. Но нет языков, бездумно заимствующих чужие слова. И есть даже народы, обдуманно оберегающие свои

языки от заимствованных слов. Однако, как мы знаем, жизнь связывает народы узами дружбы, иногда соперничества. Возникающие контакты отражаются в языках, чужие слова вторгаются в языки. Вспомним в нашей русской истории движение славянофилов, протестовавших против каких бы то ни было заимствованных слов, но сама жизнь ломает стены запретов. Границы языков, как мы уже видели, открыты, но не бесконтрольны. Присмотримся к языковому контролю и требованиям жизни, ломающей запреты, наступающей на языковой национальный пуризм. В венгерском языке оценка чужих слов, как правило, отрицательна. Такое отношение сложилось в результате особого местоположения венгерской территории, окруженной землями других народов. Сопротивление языковому влиянию извне было своеобразной борьбой за жизнь, своеобразным самосохранением. В Венгрии существуют даже специальные словари иностранных слов, названия которых можно перевести на русский язык как «венгеризирующие». «Венгеризирующие» словари — это словари венгерских эквивалентов, обычно предлагаемых вместо иностранных слов, некритически вносимых в венгерский язык.

Заметим, что в венгерском языке нет таких, казалось бы, интернациональных слов, как *революция*, *президент*, *республика*, *театр*, *кино*, *телеграмма*... Общие латинские и греческие корни в основе русских, немецких, французских, итальянских, английских слов, выражающих названные понятия, отсутствуют в венгерском языке. В венгерском языке для каждого из перечисленных интернационализмов есть свой эквивалент: *революция* — *forradalom*, *президент* — *elnök*, *республика* — *köztársaság*, *театр* — *színház*, *кино* — *mozí*, *телеграмма* — *távírat*.

И все же общие социальные процессы размыли границы запрета, и в венгерский язык совершенно естественно вошли русские слова — советизмы. Они стали символом новых языковых отношений, когда вступающие в контакт языки развиваются как равноправные контактирующие члены, взаимно обогащая друг друга.

Интересно, что для выражения самого понятия 'интернациональный' в венгерском языке наряду со своим аналогом *nemzetközi* существует и синоним *internacionális*, представляющий уже однокоренной вариант *интерна-*

ционализма: русск. интернациональный, польск. *internacjonalny*, болг. интернационален, франц. *international*, исп. *internacional*, итал. *internazionale*, нем. *international* и во многих других языках.

Как свидетельствует один из видных венгерских ученых-лингвистов — Стефан Сас, «рабочее движение, развивающееся на основе марксистского учения, постепенно создавало свои организационные формы. Создавались и новые слова, понятия, соответствующие новым организационным формам, а также идеологии и деятельности рабочего класса». Не калькируются, а входят в венгерский язык такие международные слова, как коммунизм — *kommunizmus*, социализм — *szocializmus*, пролетарий, пролетарский — *proletar*, пролетариат — *proletariátus*. Многие слова, получившие в венгерском языке сравнительно недавно широкое хождение, воспринимаются как новые, но существуют они в венгерском языке со времени, когда венгерская марксистская литература делала свои первые шаги в массы. В 1869 году начинает свою жизнь в венгерском языке сочетание *рабочее движение* на страницах газеты «*Arany trombita*» («Золотая трембита», 1869, 6 ноября), а в 1870 году — сочетание *рабочий класс*, впервые это понятие было введено в венгерский политический обиход газетой «*Altalános munkásújság*» («Всеобщая рабочая газета», 1870, 3 апреля). В 1880 году в газете «*Népszava*» («Голос народа», 1880, 23 апреля) употреблено сочетание *партийная организация*. В это время обсуждался проект программы Венгерской социал-демократической партии. Сам же проект этой программы включает слова и словосочетания из марксистской терминологии: *эксплуатация*, *производственные отношения* и др. 1919 год — время Венгерской Советской Республики — отмечен словами, запечатлевшими дружественные связи с Советским Союзом. Именно в это время появилось особое название венгерских красных бойцов государственной безопасности — *Lenin-fink* «ленинские парни». Целый ряд советизмов вошел в прогрессивную художественную литературу, рассказывающую об этих годах, например: *дом советов* — *szovjetház*, *большевистский привет* — *bolsevik ödvözléttel* (Бела Иллеш. Горит Тиса).

Проникают в венгерский язык как вестники новой жизни в Стране Советов такие слова, как *стахановец*, *комбайн*, *бригада*, *норма*.

Новый приток советизмов наблюдается вместе с обновлением жизни венгерского народа в 40-е годы после освобождения от фашизма. Новая форма организации труда потребовала новых слов для выражения новых понятий: *усвоение методов труда* — *munkamódszerátadás*, *обмен опытом* — *tapasztalatezere*, *новаторство* — *ujítás*, *передовой завод* — *élőzet* и многие другие. Новые слова появляются и в сфере сельскохозяйственной терминологии: *тракторист* — *traktorista*, *колхозник* — *kollektivistá*, *коллективное хозяйство* — *kollektív gazdaság*. Как в свое время в болгарский, входит и в венгерский вместе «с вещью» и слово *комбайн*. А в совсем уже недавнее время русские слова *спутник* — *szputnik*, *луноход* — *lunohod* и дословно переведенные наименования *космический корабль* — *űrhajó*, *космонавт* — *űrhajós* способствуют обогащению венгерского языка новыми словами и новыми понятиями.

Многие венгерские слова расширяют объем своих значений, по-новому осмысляются, формируется новая сочетаемость старых слов. Этого требует новая жизнь. Так, если ранее слово *производство* в Венгрии (по преимуществу сельскохозяйственной) употреблялось в сочетаниях *производство пшеницы*, *картофеля* и т. п., то теперь *termelés* 'производство' под влиянием дословного перевода (кальки) с русского языка обретает новую сферу функционирования: *többtermelés* 'добавочное производство', *termelékennység* 'производительность'. Заново осмыслено под влиянием советизма *план* соответствующее венгерское слово в новых сочетаниях: *tervteljesítés* 'выполнение плана', *tervszerű gazdálkodás* 'плановое хозяйство', *tervtúlteljesítés* 'перевыполнение плана'. Слово *verseny* 'соревнование' получает совсем новое для венгерского языка значение по сравнению со старым кругом употреблений в спорте, да еще в значении 'конкуренция'. Общественно-политическая жизнь обуславливает новые смысловые и выразительные возможности слову *партия*, продвигая его к новым сочетаниям и употреблениям по пути, уже пройденному словом *партия* в современном русском языке: *партийная работа* — *pártmunka*, *партийная жизнь* — *pártélet*, *партийная школа* — *pártiskola*, *партийное поручение* — *pártmegbízatalás*, *партийное отношение* — *pártszerű magatartás*, *член партии* — *párttag*. Возникают кальки с русского языка и для выражения новых понятий: *первичная организация* — *alapszervezet*, *социалистическое соревнование* — *szo-*

cialista verseny, социалистическое строительство — szocialista építés. Вошло в венгерский язык и слово *комсомола* — *komszomol* наряду с полным наименованием — *Kommunista Ifjúsági Szövetség* 'Коммунистический Союз Молодежи'. Вошли в венгерский язык и парные слова — *комсомолец* и *комсомолка* (*komszomole* и *komszomolka*), сохраняя родовые окончания. Такое выражение рода не соответствует правилам грамматики венгерского языка. Но значение слов и их непосредственная связь с жизнью оказались столь ощутимыми, что слова были восприняты в неизменной русской форме и так усвоены венгерским языком.

Так же под влиянием уже сложившихся в русском языке возникают и в венгерском языке сочетания слов для выражения жизненно важных понятий: *борьба за мир — békehare, лагерь сторонников мира — béketábor, комитет защиты мира — békebizottság.*

Культурное строительство в Венгрии, во многом идущее по пути, уже проторенному Советским Союзом, отражается в венгерском языке созданием новых слов и словосочетаний по образцу соответствующих русских наименований: *культурная революция — kultúrforradalom, дом культуры — kultúrotthon, стенгазета — falújság, передовик учебы — e'ltanuló, кандидат наук — kandidátus.*

Находит свое место в венгерском языке и русское слово *частушка*. Венгерский язык заимствовал его без каких-либо изменений, оно сохраняет свое звучание почти неизменным: *csasztuska.*

Новая эпоха в жизни народа, новая трудовая система привела к переосмыслению и такого старого слова, как *munka* 'работа'. Это старое славянское заимствование в древневенгерском языке означало 'страдание'. Такое значение для славянского слова *мúка* было основным, так же как и в румынском языке слово *muncă*, восходящее к русскому *мúка*, старославянскому *монка*, имело значение 'мúка, страдание'. Старые хроники свидетельствуют именно это значение слова: «Этот император много мучений причинил...— Acest împărat multe munci au făcut...» (Şaineanu. Incercare, 95). Еще в XIX веке *muncă* и *munci* могли употребляться в значении 'мúка, мучение, мучить'. Рождение нового значения слова происходит во взаимодействии с новыми факторами в общественной жизни народа, в социальном укладе общества. В конце

средневековья и в эпоху раннего Возрождения начинает возникать новое отношение к труду, оно складывалось у лучших представителей определенных классов общества. Новое отношение к труду рождалось постепенно, этот постепенный и сложный переход к новому восприятию труда отражался в переосмыслении слова. В современных и венгерском, и румынском языках старое значение славянского слова *мѹка* 'страдание' отодвинута новым — 'работа, труд'. Ср. русское и румынское соотвествия: Кто не *работает*, тот не ест — *Cine nu mucește nu mănîncă*.

Многие из советизмов уже дали в венгерском языке производные слова, подчиняясь словообразовательной системе заимствующего языка. Ср.: *bolsevik* 'большевик', *bolsevizmus* 'большевизм', *bolsevizálni* 'большевизировать', *bolsevizálás* 'большевизация'.

«Большой русско-венгерский словарь», изданный Венгерской Академией наук, уже зафиксировал целый ряд русских слов-советизмов как безэквивалентных слов, вошедших в венгерский язык без перевода: *совет*, *советский* — *szoviet*, *большевик* — *bolsevik*, *совхоз* — *szovhoz* и т. п.

Интересно и важно отметить вытеснение кальки *tanács* 'совет' русским словом *szovet*. В 1919 году, когда в Венгрии была установлена Советская власть, Венгрия называлась *Magyar Tanácsköztársaság* (Венгерская Советская Республика). Но ныне *sovjet* вытесняет кальку; со словом *sovjet* формируются сложные слова и словосочетания: *szovjetkormány* 'советское правительство', *szovjetrendszer* 'советская система', *szovjetköztársaság* 'Советская республика' и др.

Как видим, два языка — русский и венгерский, языки не родственные — один славянский, другой финно-угорский — вступают в контакт в результате культурно-политических и экономических связей между народами, носителями этих языков.

4

В русском языке в 20-е годы появилось новое слово — *тракторист*. Требовалось назвать новую профессию — того, кто работал на тракторе. *Трактор* тоже новое слово, соответствующее новой реалии — трактору. Еще в 1919

году В. И. Ленин, придавая большое значение механизации сельского хозяйства, мечтая дать советскому крестьянству «100 тысяч первоклассных тракторов»¹.

Слово *трактор*, английское по происхождению — *tractor*, пришло в русский язык в начале XX века. И хотя калька *тягач* соответствовала латинской основе заимствованного слова (*traho, trahere* 'тянуть, тащить'), закрепилось в русском языке заимствованное слово *трактор*, которое подчинилось грамматической, фонетической и семантической системам русского языка.

Механизация сельского хозяйства в СССР и новая ступень развития коллективного хозяйства — колхозов и совхозов — делает трактор реалией-символом новой эпохи социалистического строительства, а само слово воспринимается другими языками как советизм.

Вместе со словом *трактор* распространяется и заимствованное русским языком (из немецкого) производное наименование профессии — *тракторист*. Но и оно было по-новому осмыслено в русском языке и получило как бы вторую родину, особенно после широко распространившейся «Песни трактористов» на стихи В. Лебедева-Кумача (1937):

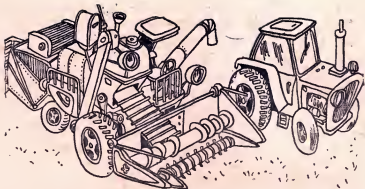
Ой вы, кони, вы, кони стальные,
Боевые друзья-трактора,
Веселее гудите, родные,—
Нам в поход отправляться пора!

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем...

Особую популярность эта песня, а вместе с нею и слова *трактор*, *тракторист* и метафора *трактор* — чудесный конь (как символ новой жизни) приобрели благодаря одному из популярнейших фильмов — «Трактористы», вышедшему в ту пору на экраны страны.

И вот соответствующие условия в жизни других народов подготовили почву для заимствования уже обжившихся в русском языке слов *трактор* и *тракторист*. Вместе с распространением реалии трактор, усвоением определенной системы труда р а с п р о с т р а н я ю т с я

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 204.

и наименования *трактор*, *тракторист* сначала (30-е годы) в языках народов СССР, а в настоящее время и в языках народов стран социалистического лагеря: болг. *тракторист*; польск. *traktorysta*, чешск. *traktorista*, словацк. *traktorista*, румынск. *traktorist*, серб.-хорв. *тракторист*, нем. (в ГДР) *Traktorist*. Для болгарского языка русизм и английское слово *комбайн*: пришло оно в болгарский из русского.

В своих словарных разысканиях в болгарском языке известный лингвист Р. Русинов отмечает, что уже в 1930 году слово *комбайн* как наименование сельскохозяйственной машины, работающей на полях в Советском Союзе, появилось на страницах болгарских газет. В газете «Поглед» (1930, 29 августа) была помещена фотография «Комбайн в поле». Комбайнов еще не было в Болгарии, поэтому наименование чужой реалии требовало пояснений: «Комбайнът (комбинирайта жътваковъшачка) е машина, която силно намалява разноските и времето за прибиране на реколтата» [Комбайн — ‘комбинированная жнея-молотилка’ — это машина, которая очень сокращает расход и время уборки урожая — «Поглед», 1931, 13 июня].

И хотя в самом русском языке первая словарная фиксация наименования *комбайн* относится к 1934 году («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова), перешагнуло оно границы и вышло в другие языки как русизм уже в начале 30-х годов. Этому способствовали достижения в социалистическом строительстве

Советского Союза. Именно в газетных публикациях, посвященных трудовым успехам в нашей стране, слово *комбайн* достаточно часто встречается.

После Девятого сентября 1944 года Народная Республика Болгария ввозит первые комбайны из Советского Союза, и слово *комбайн* получает широкое распространение, возникает целая цепь названий, дифференцирующих разные виды комбайнов: *картофелеуборочный комбайн, кукурузоуборочный комбайн, свеклоуборочный комбайн, хлопкоуборочный комбайн*. В дальнейшем слово *комбайн* вместе с дифференцирующими определениями оказалось настолько частотным, что позволило сокращенные наименования — сложные слова — вместо описательных оборотов-словосочетаний: *кукурузокомбайн, свеклокомбайн, силажокомбайн, кукурузосилажокомбайн* и др. Заимствованное слово-русизм перестает быть именем чужой реалии и превращается в общеупотребительное болгарское слово вместе с ассимилированной реалией. Можно сказать, что социальное политическое развитие страны, технический уровень определяют «экспорт» понятий, реалий и их имен.

Вместе с заимствованным словом идет новое понятие, наименование нового явления в жизни Советского государства. Слово-советизм неразрывно связано с новой жизнью, новым бытом, новой политикой, государственным устройством, экономикой. Новая эпоха в жизни нашей страны дала новые слова, которые и были выделены благодаря своей общей социальной окраске в особую группу советизмов.

Заметим, что вместе со словами, получившими наименование советизмов, распространяются русизмы — наименования конкретных предметов. Например: *трактор, комбайн* — английские по происхождению слова, получившие гражданство в русском языке и из русского языка продолжившие свой путь во многие языки — славянские, тюркские.

5

Особо подчеркнем: новое слово, даже международного характера, может быть принято тем или иным языком только тогда, когда межъязыковые тенденции совпадают с собственными внутренними потребностями и возмож-

ностями данного языка. Ср., например, ряд производных слов от *большевик* в английском или венгерском языках.

У заимствованных слов может возникнуть в заимствующем языке иная стиливая окраска, иные семантические оттенки или ограниченность в употреблении. Тем самым заимствованное слово входит в чужой язык, становится его элементом. Такая активная ассимиляция заимствованных слов не только свидетельство, но и доказательство активной роли заимствующего языка. Всякий язык заимствует то, что ему необходимо. Эту активную роль заимствующего языка особо подчеркивал советский ученый Л. П. Якубинский (1926). Еще ранее эту мысль выделял в своих исследованиях А. И. Соболевский, а впоследствии ее развивали и развивают советские ученые А. И. Смирницкий, Р. А. Будагов, В. В. Акуленко. Это же положение встречаем и в работах зарубежных филологов-лингвистов (А. Доза).

Заимствованное слово или словосочетание — русизм, советизм — в новых национальных условиях начинает новую жизнь. По сравнению с родным языком может возникнуть иная парадигма производных слов.

Рассуждая по поводу заимствованных русским языком слов, В. Г. Белинский заметил в своей рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева, что заимствованные, «иноплеменные» слова важны и нужны тогда, когда незаменимы «по определенности, с какою выражают они заключенное в них понятие; поэтому многие из них можно бы перевести, да только перевод будет неточен — то же, да не то...». Перерабатывая заимствование, язык проявляет свою независимость, объяснимую жизнью, историей, культурой, социальной действительностью народа. Национальное своеобразие особенно заметно в создании и функционировании образных выражений-фразеологизмов и крылатых слов. Но и они не ограничены пределами только одного родного языка.

Рассмотрим несколько русских фразеологизмов, вошедших в чешский язык; чаще это крылатые слова, связанные с определенным литературным произведением. Распространению таких выражений способствует уже их самостоятельная жизнь в родном языке, определенный, закрепившийся за ними образ, частотность употребления, стиливая окраска. «Они входят в чужой язык подобно обычному фразеологизму», — замечает А. Ф. Вурм, совре-

менный чешский ученый, изучающий сходство и различие русской и чешской фразеологии.

Отметим несколько общих для русского и чешского языков фразеологизмов, калькированных чешским языком из русских образцов: *герой нашего времени* — *hrdina naší doby*, *зеленая улица* — *zelená*, *медвежья услуга* — *medvedí služba*, *отцы и дети* — *otcové a děti*, как *прошлогодний снег* — *jako loňský sníh*, *социалистическое соревнование* — *socialistické soutěžení*, *кто кого* — *kdo skoho*, *кто не работает, тот не ест* — *kdo nepracuje at nejí*.

Фразеологизмы (как *прошлогодний снег*), постоянное словосочетание (*социалистическое соревнование*) и крылатые слова (*лермонтовское сочетание-характеристика героя нашего времени* или *тургеневское знаменитое противопоставление отцы и дети*) в чужом языке как бы сливаются в одну большую группу: все они, несмотря на свое разное происхождение, значение и функции, требуют перевода и пояснения как определенные словосочетания, определенные единства. За каждым выражением стоит большая история — социальная, политическая, культурная, психологическая.

Так, *социалистическое соревнование* означает новое понятие, связанное с новым, социалистическим строем. Глубоко социален и лозунг-сентенция: *Кто не работает, тот не ест*, как один из лозунгов социалистической революции. Значения таких выражений обнажены, но есть и словосочетания, внутренний образ которых скрыт, для его понимания необходима культурно-историческая осведомленность. Сочетание *зеленая улица* (чешск. *zelená*) в значении 'свободный, открытый путь' возникло в 40-е годы во время Отечественной войны, когда на *зеленый* свет без задержек шли на фронт поезда с боеприпасами, а с фронта — санитарные составы. Значение сочетания опиралось на понимание слова *улица* как 'проход', а *зеленая* как 'зеленый, т. е. разрешающий проезд, светофор'. Впоследствии на основе этого конкретного, связанного с историческим явлением, действительным фактом, фразеологизм получает обобщенно-отвлеченное осмысление — 'свободный путь вообще' и уже на основе ассоциативной связи *улица* — *путь* еще одно толкование: *зеленая улица* — 'свободный путь куда-либо, для кого-либо', т. е. 'поддержка чего-либо, кого-либо'. Именно

это значение закрепляется за сочетанием *зеленая улица*. Однако для понимания образного выражения, сформировавшегося в определенном национальном языке или возникшем в индивидуальном творчестве (*отцы и дети*, *герой нашего времени*), культурно-историческая осведомленность позволяет от языкового контакта перейти к контакту социальному, как в свою очередь культурные, социально-политические и экономические контакты приводят к языковым взаимосвязям. Культурно-историческая осведомленность позволяет неискаженно понять языковое творчество народа, его литературу, искусство. Вот почему так настоятельна потребность в создании сопоставительных фразеологических словарей.

Следовательно, в правильном восприятии — понимании и употреблении — фразеологизмов и крылатых слов возрастает роль переводчиков, писателей, журналистов. Если слово может быть как бы заново осмыслено и приспособлено к системе чужого языка, то уже сложившийся во фразеологизме национальный образ должен быть раскрыт и понят. И чем адекватнее понимание, чем аналогичнее с родным языком употребление фразеологизма, чем менее претерпевает заимствованный фразеологизм изменений, тем более вживается он в чужой язык.

В наши дни международные контакты обеспечивают радио, телевидение, печать, непосредственные встречи на олимпиадах, конкурсах, конгрессах, в туристских поездках.

Мы стремились показать: слово — проводник мыслей, чувств, проводник идей. Слово может соединить и может разъединить, если одно и то же слово толковать с разных идеологических позиций, имея разную политическую и культурно-историческую осведомленность. Приветствуя флаги разных стран, слушая и воспринимая разноязыкую речь, следует помнить, что «всякая нация может и должна учиться у других»².

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

Глава 7

МИР СЛОВ—МИР ИДЕЙ

1

Как мы могли заметить, между языками возникает живое общение, взаимовлияние.

Уже М. В. Ломоносов отметил пути словарных заимствований — соседство народов, торговля и другие исторические контакты. Более поздние наблюдения позволили русскому ученому С. К. Буличу отметить в конце XIX века, что именно вследствие контактов между народами «мы не найдем ни одного языка, свободного от заимствований».

Особо подчеркнем мысль академика Л. В. Щербы о том, что естественные языковые контакты не смешивают языки, а обуславливают их взаимовлияние. Активное отношение языков к заимствованным словам, словосочетаниям и понятиям или выражениям мы и стремились показать в предшествующем анализе языковых заимствований и языковых контактов и общих корней.

Мы уже говорили о связи языка и истории, языка и определенной эпохи, определенной идеологии, определённого быта: жизнь народа отражается в его языке. Когда меняется жизнь, то меняется и что-то в языке. Одни слова уходят из языка, другие возникают. Эти новые слова выражают новые понятия, новые явления и реалии. Так создается современная история языка. Именно в новых словах отражается новая жизнь. Действительно, большая часть слов послеоктябрьской поры имеет яркую социальную окраску, даже старые слова, даже слова, по своему происхождению не русские, интернациональные, получили в русском языке советской эпохи новое звучание и

фиксируются в словарях других языков как русизмы-советизмы. Так, два заимствованных русским языком слова *агитация* и *пропаганда*, обогащенные новым осмыслением, превращаются в новые русские слова-советизмы и с этой пометой входят даже в собрания неологизмов.

Слово *агитация* (с конца 40-х годов XIX века изредка появляется в печати в корреспонденциях из-за рубежа) русскими словарями впервые было отмечено в 1863 году («Настольный словарь для справок по всем отраслям знания», под ред. Ф. Толля). В русский язык латинизм *агитация* пришел из немецкого, возможно, через французское и польское посредничество: латинское *agitare* (*agitatio*) 'приводить в движение, подстрекать'. Ср. польское *agitacja*, французское *agitation* 'сильное волнение, возбуждение'. В самом немецком языке *Agitation* появляется из английского, и было отмечено как англицизм уже в 1828 году. Интересно, что выделяется в ту пору значение 'гнать', поэтому производное *agitator* 'агитатор' первоначально означало 'Treiber eines Tieres, Wagenlenker, Wettfahrer' (погонщик, возница). В английском же языке *agitate* 'возбудить' возникает как соответствие французскому *agiter*. Это заимствование из французского языка уже было усвоено английским языком во времена Шекспира (*has agitation* 'пришел в возбуждение'). Современное значение слова *агитация* (в русском языке) — политический термин — 'устная и печатная деятельность партии и класса, имеющая целью воздействовать на идеологию широких народных масс в определенном направлении' — формируется под влиянием значения, складывающегося во французском языке в XVIII—XIX веках, и закрепляется к началу XX века. Еще в 30—70-е годы XIX века ощущалась новизна термина в его неустойчивом звуковом облике: *агитация* или *ажитация* (ср. французское *agitation*, немецкое *Agitation*). Такая вариантность в свою очередь отражала воздействие разных языковых источников и действие вырабатывающейся в самом русском языке нормы произношения заимствованных слов. К середине XIX века колебания затухают.

Термин *пропаганда* попал в русские словари на полвека раньше. Он был отмечен в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского (1806),

И этот термин — латинизм *propaganda* от *propagare* 'распространять'. В XVIII—XIX веках во французском языке нового времени это книжное слово терминологизируется и уже как интернационализм усваивается русским языком. Его современное значение — 'распространение каких-либо идей, воззрений, знаний путем постоянного, глубокого и детального разъяснения широким массам'. 30—40-е годы XIX века — время формирования и распространения многих политических терминов. Для русского языка особенно следует выделить вторую половину 40-х годов и подчеркнуть роль передовой публицистики (произведения Герцена, Белинского, «Карманный словарь иностранных слов» петрашевцев и др.). Уже к середине века общественно-политический термин *пропаганда* получает достаточно широкое распространение.

Особо подчеркнем, что многие общественно-политические термины, родившиеся на французской почве, еще не успели потерять своей новизны во французском языке, как были заимствованы многими языками, и в том числе русским.

История слова *пропаганда* складывалась следующим образом. Первоначальное значение латинского слова *propagare* было 'разводить растения', 'распространять'. Впоследствии благодаря римской католической церкви популяризируется выражение *de propaganda fide* 'распространение веры'. В английском языке латинизм *propagate* известен со времен Шекспира, сохранял первоначальное значение и развил новые 'поражать, повергать'. Словари французского языка выделяют именное образование *propagande*, но его обобщенное значение академический словарь отмечает впервые только в 1835 году. Однако значение социально-политического термина слово *пропаганда* (*propagande*) получило во французском языке после 1789 года, но и это не первая дата политического общественного употребления этого слова. Уже в 40-е годы XVIII века оно выходит за пределы религиозного, миссионерского языка и становится синонимом *propagation*. Последнее слово существовало параллельно и независимо, означая 'распространение, увеличение и пр. чего-либо'. Это общее значение оказалось слишком расплывчатым для политического термина. Поэтому термин *propagande* 'распространение веры' оказался более удобным для социально-политического осмысления. В эпоху буржуазной

революции 1789—1793 годов политическое осмысление термина *propaganda* было уже подготовлено и его собственным специальным значением, и обобщенным значением однокорневого *propagation*.

В немецкий язык из церковной латыни в XIX веке приходит выражение-лозунг *Propaganda machen* 'пропагандировать', затем в сочетаний *Propaganda der Tat* 'пропаганда дела' этот латинизм, как свидетельствуют словари, становится лозунгом русских анархистов (с 1869 г.), а к концу XIX века входит в купеческий обиход. Как видим, слова *агитация* и *пропаганда* прошли долгий путь, при этом переходили из языка в язык, сохраняя свое значение, расширяя его, варьируя. Отдаляясь от первоначального, этимологического 'разводить растения', пройдя через метафорическое, узкоспециальное 'распространять веру' и придя к социально-политическому термину в революционное время, оба слова заслуживают названия истинных интернационализмов.

Большая Октябрьская социалистическая революция, идеи марксизма-ленинизма окрашивают эти слова настолько ощутимо, что ныне они воспринимаются уже как русизмы-советизмы. Слова *агитация* и *пропаганда* получили яркую социальную характеристику, определенную советским мировоззрением, бытованием этих слов в русском языке. Новые оттенки значения выделяют теперь слова *агитация* и *пропаганда* как советизмы и во французском, и в итальянском и в других языках.

2

Интернациональные термины внутри каждого языка усложняются их же функциональными особенностями. Термин как бы прерывает связь со своим первоначальным источником, отделяется от него, наполняясь новым содержанием. *Агитация* и *пропаганда* в капиталистическом обществе неравнозначны *агитации* и *пропаганде* в обществе социалистическом. Национальный язык не так быстро меняется во времени, как может измениться в зависимости от социальных революций социальный строй общества. Язык остается в основном тем же языком в своем произношении, грамматике, словаре, но меняется способ использования языка, отношение к язы-

ковому материалу, способ его отбора и оценка каждого языкового факта (ср.: *агитация* и *пропаганда*). Эта точка зрения была высказана советским исследователем Л. Якубинским (в 1932 г.) о национальном языке, но справедлива и в отношении интернационализмов, их осмысления и употребления в зависимости от господствующей идеологии, классового самосознания, социального положения, мировоззрения.

Социальный фон становится содержанием слова («слов-идей»). Воспользуемся наблюдениями Мариэтты Шагинян в ее «Дневнике писателя» (1953). Когда речь идет о нашем хозяйстве, то немецкое *der Wettbewerb*, английское *the competition*, французское *l'émulation* означают *соревнование*, а когда о капиталистическом, то это же слово означает *конкуренция*. Или, продолжает свои наблюдения писательница, немецкое *die Volkswirtschaft*, английское *the national economy*, французское *l'économie nationale* у нас означают *народное хозяйство*, в капиталистическом мире — *капиталистическое*. Теперь многие, казалось бы, широко известные интернациональные термины, в первую очередь политические, получают иное по сравнению с прежним общепринятым осмысление. Социальный фон, воздействующий на значение слова, обнаруживается в лингвистическом поведении самого слова. Подчеркнем, слова, заимствованные русским языком, получили новое осмысление в русском языке советской эпохи. Эти старые слова обновляют вместе с обновленным значением и свои словообразовательные возможности, расширяют свою словосочетаемость. Заимствующий язык, теперь усваивая новое значение старого слова, воспринимает по-своему и лексико-грамматический сдвиг в системных отношениях этого слова. У такого, как бы заново осмысленного слова в заимствующем языке складываются новые системные отношения и в словообразовании, и в синтаксических сочетаниях. Ср., например: *Октябрьская революция* — *la Révolution d'Octobre* (франц.); *ударная комплексная бригада* — *udarna komplexní brigada* (чешск.); *пятилетний план* — *le plan quinquennal* (франц.).

Влияние социального плана сказывается и на поведении заимствованных, чужих слов, например советизмов, в системе заимствующего языка. Сравним производные слова от русских слов *совет* и *большевик* во французском языке: *soviet* — *soviétique* — *non-soviétique* — *soviétisme* —

prosoviétisme — soviétisant — soviétisation 'совет — советский — несоветский — советизм — просоветизм — советский приверженец — советизация'; *bolchevique — bolchevik — bolcheviste — bolchevisant — bolchevisme — bolchevisation* 'большевик — большевистский — приверженец большевизма — большевизм — большевизация'. Как видим, по сравнению с русским языком ряд однокоренных слов в обоих случаях намного больше. Для русского языка нет потребности в выражении собирательного понятия 'большевизм', так как есть адекватное слово *ленинизм*. Само значение слова и его поведение в системе языка определяется социальным, идеологическим состоянием общества, в котором функционирует язык.

Когда мы говорим о взаимодействии языков, то обращаем внимание на проникновение слов из одного языка в другой. Это действительно наглядные, очевидные следы языковых контактов. Мы отметили, что слово, выражая определенное понятие, имея национальную и социальную окраску, становится проводником определенных идей, политики, культуры. Заимствованное слово знакомит с чужой реальностью, как бы заставляет по-новому взглянуть на известную реальность или явление, но и само может приобрести новые оттенки значения. Заимствованное слово подчиняется заимствующему языку, подчиняется требованиям чужого языка, его семантической и грамматической системам. В жизни слова тем самым обнаруживается неразрывная связь языка и общества.

Языковые контакты, пути интернациональных слов, осмысление интернационализмов в каждом языке позволяют выяснить общее в развитии всех языков и народов и их специфику, определяемую спецификой национальной истории и современной жизни. «Различием воззрения по роду настроения души разным образом повышается значение одних и тех же слов, и в каждом выражении как бы бьет через край неуместимое в нем значение». Так, В. Гумбольдт подчеркивал значение социального аспекта в слове, зависимость живого языка от жизни самого народа: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем». Это слова русского ученого, создателя первого словаря, посвященного древнерусскому языку, И. И. Срезневского. Однако нельзя забывать и влияния на язык господствующей идеологии.

Связь «общество → язык ↔ язык → общество» обнаруживает себя постоянно. И ее изучение важно не только в теоретическом плане, но и в практическом, важно в процессе взаимообогащения и взаимопонимания народов.

3

Новая жизнь вносит новые слова-приметы. Как известно, самым быстрым и чутким регистратором нового являются публицистика, газеты. Именно здесь чаще всего впервые появляются новые слова, как имена новых явлений и реалий. Поток радио-, теле- и газетной информации вносит определенную интернационализацию в заимствованные слова, определенную общность в восприятии, усвоении и толковании заимствованного несколькими языками слова-интернационализма (Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. М., 1976). И все же, как уже показывал анализ терминов *совет*, *большевик*, каждый язык и идеологическое освещение слова влияют на его семантику, вносят локальные коррективы.

Возникают и особые — новые — средства образности. Остановимся на одном сочетании, получившем распространение и популярность. Так, в «Унита» в статье одного из местных работников итальянской компартии находим такую фразу: «Avremo afferrato l'anello della catena. E a questo compito che il Partito ci richiama tutti» [Ухватимся за (данное) звено цепи! К выполнению этой задачи партия призывает всех] («Унита», 1948, 25 ноября). Очевидна связь *l'anello della catena* 'звено цепи' и знаменитых ленинских слов об особом звене цепи, ставших уже крылатыми. Ср. у В. И. Ленина: «...особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»¹.

Как видим, ни одно из слов, словосочетаний, заимствованных или калькированных из русского языка, не может быть названо в другом языке экзотизмом. Даже бывшие экзотизмы начинают выполнять роль образную, метафорическую, приобретают особую функцию выразительности, дополнительные оттенки значения, получают переносное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 205.

употребление и значение на основе своеобразно соединенных прямого значения русизма и его ситуативного, окказионального значения в чужом языке. Вот один пример. Русское слово *тройка* в итальянской политической литературе неожиданно получило значение 'развесистая клюква, утка — нечто ложное, выдумка, небылица'. В «Унита» (1949, 11 июня) была опубликована заметка под заглавием «L'ultima «troika» — «Очередная тройка», т. е. очередная утка буржуазной прессы о «руке Москвы» и т. п. небылицах. Как могло сложиться такое переосмысление русского слова *тройка*? По-видимому, слово *тройка* было распространенным экзотизмом, всегда фигурировавшим в рассказах о русской жизни для создания местного колорита. Злоупотребление словом привело к его дискриминации. Слово попало в неожиданный синонимический ряд (*тройка — утка — развесистая клюква*). Редакцию реакционной газеты, давшей ложную информацию, «Унита» называет «отделом *уток*», «отделом *развесистых клюкв*» — «ufficio «troike»».

Как иллюстрацию приведем один пример: осмысление и употребление советизма *стахановец*. Речь пойдет об одном американце — преподавателе русского языка. «Георгий Осипович (так называют Дештулу его ученики) показал мне классы, кабинеты, мастерские, бассейн, спортивные площадки. Школа удобно спланирована и хорошо оборудована.

Но больше всего мне понравился сам учитель. Джорджу Дештуле — за пятьдесят. Преподаванию русского языка — он был пионером этого дела в американских частных школах — отдал двадцать лет: ...такой красивый, мелодичный, богатый язык!.. Через его уроки прошло за эти годы больше тысячи выпускников, и почти каждый выбирал потом университет, где преподают русский язык, продолжал его изучать. Георгий Осипович работает с увлечением. «По 16 часов в сутки, как ваши *стахановцы*», — с улыбкой говорит он. (Ну, о *стахановцах*-то у него несколько превратное представление...)» — заметил советский журналист (Сырокомский). Что они знают о нас. — «Литературная газета», 1976, 13 октября). Иная система жизни не позволяет в общем доброжелательно настроенному американцу понять суть такого явления, как *стахановец*, понять, что работа сверх положенного плана и графика определяется только собст-

венным высоким самосознанием, доброй волей работающего и не связана с потогонной системой капиталистического мира, не зависит от внешних условий, внешних обстоятельств.

4

Как бы заимствования ни подготавливали интернационализацию в лексике, ни способствовали рождению интернационализмов для «слов-идей», процесс этот никогда не бывает односторонним. Параллельно воспринимаемые «слова-вещи» для правильного истолкования требуют только фактического знания реалии. Например, популяризовавшиеся *пирожок, мажорка, папироса, матрешка*. Да и то, заметим, и в мире конкретных вещей возможны неоднозначные толкования.

Расскажем любопытную историю с самой реалией и словом *пирожок* в Японии. Один из японских предпринимателей еще в самую скромную пору деятельности своего кондитерского предприятия обратил внимание на популярность в Японии всего идущего из России: русских песен, русских артистов, русских спутников. К названию акционерного общества «Парнас» Мацуо Кокадо, его глава — он же кондитер, и он же продавец, добавляет еще два слова: «Русский вкус». Кокадо открывает небольшой ресторан, в котором посетителям предлагалось меню, отпечатанное на русском и японском языках. В нем фигурировали необычные, по-видимому, истинно русские блюда: «Сыр и черный хлеб», «Раки жареные», «Кета на вертере», «Пилаф», «Седло» и таинственная «Шемга». «Русский вкус» быстро входил в моду. Кокадо общался с коками советских судов, заходивших в японские порты, ездил в Москву, познакомился с поварами ресторана «Арагви» и кондитерами фабрики «Большевик», на практике постигая, что такое русский вкус. Именно тогда Кокадо пришла идея: «...русские пирожки принесут ему и славу, и достаток, и благодарность соотечественников! Ведь это поразительная вещь. Пирожки можно продавать к обеду в ресторанах, к кофе и чаю в кафе, ими можно торговать в универмагах, — каждый охотно заморит пирожком червячка между двумя покупателями; наконец, пирожки пойдут с лотков на улицах — всюду, всюду можно будет торговать пирожками. Да здравствуют пирожки!»

Рос оборот фирмы Кокадо. Сам Кокадо поддерживал связи с советскими кулинарами, вступил в члены общества «Япония — СССР», стал членом правления в отделении этого общества в городе Осака, как и другие коммерсанты и промышленники, заинтересованные в добрых деловых отношениях с Советским Союзом.

И вот в это время добрых коммерческих дел и в какой-то мере пропаганды русских пирожков и других изделий «русского вкуса» появляется некий Хадзуко Томита, который предъявил патент на производство пирожков, объявляя их не русским, а японским блюдом. Пирожки были названы «пиросики». В японском языке нет звука [ж], и он был заменен на «си». Однако эта транскрипция русского слова выдавалась за японское название японского же блюда. Вот таким образом истолковывалось заимствованное слово-русизм: «Адвокаты, выступавшие от имени Томита, популярно разъяснили, что утверждение, будто пирожки — русское блюдо, ложно от начала до конца. Правда, в России есть кулинарное блюдо, именуемое «пирог». Склонные к сентиментальности, русские любят употреблять ласкательную форму речи и поэтому иногда говорят, если пирог им нравится: «Какой замечательный пирожок!» или: «Какие чудесные пирожки!» Но в действительности это совсем не то, что изобрел Томита, — русские пекут большие квадратные, круглые или овальные кулинарные изделия, которые приходится резать на куски перед едой. А вот Томита изобрел совершенно иное блюдо, его «пиросики» портативны, миниатюрны, удобны».

«Дело о пирожках» преследовало одну цель — прекратить казавшиеся некоторым предосудительными деловые и дружеские связи коммерсанта с советскими специалистами, его деятельность в обществе «Япония — СССР». Однако описанный процесс сделал рекламу фирме «Русский вкус» и подарил новую идею — выпустить серию пирожных: «Спутник № 1», «Спутник № 2», «Спутник № 3» и так вплоть до космических кораблей. Так, казалось бы, далекое от идеологии и политики слово *пирожок* стало точкой опоры для дела, далекий прицел которого был совсем не аполитичным.

Как видим, даже бытовые слова настолько связаны с жизнью народа, что могут быть вполне полномочными его представителями. Такое слово, живущее в языке-

источнике в мире вещей, хранит незримую связь с жизнью народа-носителя этого языка и тем самым с миром его идей.

5

Возьмем еще один пример из жизни слов, семантика которых далека от сферы идей. Более того, возьмем собственные имена, значение которых обычно принято считать выветренным, собственное имя ничего не говорит о человеке, его носящем. Однако на поверку собственное имя сообщает вполне определенные сведения не только тогда, когда связь его с определенным человеком известна, но и тогда, когда оно не соотнесено с каким-либо индивидуумом. И в первую очередь имена стойко сохраняют свою национальную окраску. Даже становясь интернациональными (*Джюльетта, Тереза, Дина, Жанна* или *Тамара*), сохраняют свой локальный колорит. Так, например, *Джюльетта, Жанна, Дина* и др. воспринимаются как имена западноевропейских стран, а *Тамара* — восточное имя.

Вот одна примечательная ситуация, когда только с помощью трансформации собственного имени передается многоязыкая, интернациональная атмосфера конференции, воссозданная в романе Дорис Лессинг «Лето перед закатом» (1973, перевод с английского И. Якушиной): «Она стояла в вестибюле отеля... Она стояла и ждала, а мимо проходили, кивая и улыбаясь, знакомые люди. Милая *Кейт, Chère Катрин*. Голубушка *Катя, Катенька, Китти*. Дорогая *Кэти*, моя единственная *Катриона*. Красавица *Катлин, Катерлин, Кит* и *Катарина, Екатерина*, любовь моя, мой ангел-хранитель *Кэти*. *Карен*, не представляю, что бы я делала без вас. Я буду скучать без вас, миссис Браун...»

Собственное имя как бы имеет национальную, временную, традиционную окраску. Оно может получить высокое социальное звучание и уже в дальнейшем функционировать именно в новом собственном значении. В Венгрии на берегу озера Балатон выстроен отель и назван «*Аврора*». Имя античной богини Авроры, однако, уже воспринимается и как имя прославленного легендарного крейсера «*Аврора*». И новое содержание освещает старое имя, обновляет его, оттесняет старое значение, становится национальным символом СССР и, шире, международным символом революционных идей.

Символичными могут стать имена не по своему основному значению, а благодаря ассоциативным связям и тем оттенкам значения, которые сложились за долгую историю имени. «Калинка» — это популярная русская песня, своеобразный символ народной музыки и, шире, народного искусства. За пределами нашей страны песня связывается уже с жизнью советского народа и попадает в один ряд с понятиями социального, идеологического плана. Вот характерный пример. Советская делегация находилась с дружественным визитом в Гамбурге (ФРГ): «Кто-то громко высвистел «Калинку», кто-то, сложив руки рупором, крикнул «фройндшафт!» («дружба»). Это изъяснялись с нами уже не организованные сторонники мира, а обыкновенные рядовые жители. Впрочем, — добавляет рассказчик, — обыкновенные ли? Все-таки это был вольный город Гамбург, город матросов и рабочих, город Бебеля и Тельмана». Эпизод этот озаглавлен «Рот фронт» и «Калинка» («Наш современник», 1977, № 5).

Имя «Калинка» оказывается в одном ряду с наименованием «Рот фронт» — «Красный фронт» — политическим, идеологическим, социальным термином и как бы заражается социально-политическим содержанием.

Интересна судьба и другой популярной песни «Катюша», облетевшей почти весь мир и ставшей своеобразным общечеловеческим символом девичьей любви, верности, памяти. В этом значении имя *Катюша*, связанное с песней, известно многим языкам. Проникнуто поэтической грустью стихотворение словенского поэта Янеза Менарта «Катюша» (перевод Бориса Слуцкого), в котором цитируются целые строки русского текста:

Вижет мать. Внезапно — что такое?
Будто сын провел по волосам:

Это песня славных лет поется
За горою тонким голоском,
В комнате печально отдается,
Утопает в шторах под окном.

Эхо грустное звучит все глуше,
Мать внимает славной песне той...
«...выходила на берег Катюша,
на высокий берег, на крутой».

Сын мой... Как с тобою горько вышло...
Ох, война... Семь лет уже прошло...
Говорят, что замуж она вышла...
Так уж вышли все наши дела...

Словно рану берedit сквозную,
Музыка звучит и сердце жжет,
«...пусть он землю сбережет родную,
а любовь Катюша сбережет».

6

Не менее интересен социальный аспект термина — слова однозначного, специального и интернационального по характеру своего функционирования. Однако даже такое слово, казалось бы, со строго ограниченным семантическим объемом, лишенное оттенков значения, имеет и свою семантическую глубину, и свой социальный фон.

Один из новых химических элементов, открытых группой американских ученых, был назван *менделеевий* в честь русского ученого-химика, создателя «Периодической системы элементов» («Правда», 1973, 3 августа). Новые элементы, полученные в 70-х годах советскими учеными в Дубне, были названы *курчатовий*, *нильсборий* в честь русского ученого И. В. Курчатова и датского — Нильса Бора.

Создание научных терминов по определенной словообразовательной модели (от имени ученых разных стран) поддерживает тенденцию языковой интернациональности, закрепляет контакты между учеными мира, но одновременно имеет и национальный страноведческий фон.

Эти термины несут, помимо научной информации, еще и культурно-историческую, социальную. Выветривание в таком термине социального содержания делало бы бессмысленным само его образование от собственного имени. Собственное имя как производящая основа сообщает термину конкретную социальную и страноведческую окраску (*менделеевий* и др.).

Обратим внимание на еще один очень важный факт. Русскую речь можно услышать во многих странах мира. Есть за пределами родины русского языка целые колонии, поселения русских. Известно, русские переселенцы и эмигранты хранят родной язык. Но может ли этот русский язык вступить в контакт и влиять на чужое языковое окружение? Мы знаем, что в результате эмиграции на карте Америки возникло немало поселений и городов с русскими названиями. В обиходном языке местных американцев появляются русизмы, возникают даже сленги — смесь русских и английских слов, подчиненных английской грамматике. Да и сам русский в обиходе переселенцев может превратиться в такую же смесь («закрой уиндовку... коулд поймашь» — «закрой форточку... схватишь простуду — поймашь холод»). Но это все примеры языкового смешения, неязыкового контакта и взаимного влияния. Даже в том случае, когда русский язык в течение многих десятков лет сохраняется чистым и правильным, он выглядит архаичным, искусственным, так как представляет срез той языковой эпохи, в которую предки современных «русских американцев» или «русских французов» покинули родину. Такой язык законсервирован, лишен естественного развития. Вот тому яркий пример: «В чудесном русском языке этих людей, разумеется, нет многих современных слов. Они не знают, например, слова «холодильник» (ведь не было же холодильников в России до 1914 года!) и называют свои американские «фриджи» словом «ледник». Бензоколонку они называют «газолинкой», а вертолет все-таки обыкновенным американским словом «геликоптер»» (Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп. 1976).

При всей своей чистоте язык, вырванный из родной среды, лишенный родной земли, теряет творческие силы. Создание новых слов ограничено ассоциациями прошлого (*ледник, газолинка*), не имеет русского настоящего и будущего. Неразрывная связь «язык — народ» разорвана, отсутствует единство места, общности обитания, социального развития.

Это уже русский «русских американцев» или других эмигрантов. Непременная связь «язык — идеология» здесь будет иной, чем в родных языковых условиях. Иная идео-

логия отразится в языке и выльется или в форму сохраняемой архаики, или в форму подражания чужому языку, смешения с чужим языковым окружением. И как бы ни сохранялся русский язык в условиях эмиграции, не он — территориально близкий — вступает в контакт с английским или французским языком, а далекий русский язык, естественно развивающийся на родной почве, — язык, отразивший историю и отражающий настоящее, готовый отразить каждый новый шаг, новое движение в жизни народа, жизни общества. Связь «язык — общество — идеология» оказывается не только неразрывной, но и животворящей. Она же обуславливает языковые контакты, определяет роль языка во взаимном влиянии.

8

Несколько замечаний в заключение этой главы. Когда мы говорим о взаимосвязи «язык — идеология», то справедливо обратить внимание на особую группу так называемых идеологизированных слов *революция, большевик, совет* и т. п. К этой группе относятся интернационализмы — общественно-политические термины. Примером здесь могут служить и проанализированные нами *агитация* и *пропаганда*. В этих словах отражается не только картина мира, но и картина мира в освещении с определенных идеологических позиций: буржуазной или марксистско-ленинской. Значение слов пронизано определенным восприятием, определенным идеологическим воззрением. Так, в переводе на английский язык произведения В. И. Ленина «Государство и революция» русскому слову *государство* соответствует английское *state*. Однако как политический термин в марксистско-ленинской литературе это скорее омоним по отношению к общеязыковому *state*. Та или иная идеологическая концепция связана с определенной системой понятий, имеет свое понятийное ядро. Эта система понятий находит отражение в системе общественно-политической терминологии. Вот почему термин, взятый из определенной системы общественно-политических терминов, сложившихся в определенном языке как отражение определенной идеологии, воспринимается в другом языке с других мировоззренческих позиций неравнозначно. Вот почему латинизмы *агитация* и *пропаганда*, осмысленные в системе

марксистско-ленинской терминологии, воспринимаются в итальянском языке как русизмы, советизмы.

Важно отметить, что такое разное осмысление термина свидетельствует не о смысловой неопределенности (пустое слово), как пытаются толковать социальное переосмысление идеологизированных слов некоторые западные ученые. Это только свидетельство неразрывной связи «язык — общество». В странах, идеологические системы которых достаточно близки, в общественно-политической терминологии возникают адекватные кальки, наименования заимствованных понятий. Ср. перевод советизмов на немецкий язык (ГДР): *развернутое строительство социализма* — *umfassender Aufbau des Sozialismus*, *партийный актив* — *Parteiaktiv*, *борец за мир* — *Friedenskämpfer*.

Так русское слово входит в другие языки проводником новых идей. Это может быть не прямое словарное заимствование, а заимствование и усвоение понятия «через» слово, принятое, усвоенное как русизм-советизм или калькированное, переведенное средствами иного языка. Происходит внутреннее обогащение заимствующего языка. Возникают новые значения в старых словах и новые сочетания старых слов в тексте в заимствующем языке. Так, слова *идеология*, *материя*, *идея* внешне останутся теми же словами, что и в общем языке (английском, итальянском и др.), но употребление их в марксистско-ленинской литературе будет совершенно иным. И чем шире распространение марксистско-ленинского учения, тем шире распространение старых слов *материя* или *идеология* в новых осмыслениях и в новых употреблениях.

РУССКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ МИРА

Русские имена, русские названия морей, проливов и заливов, островов и мысов, горных хребтов и ледников и, конечно, городов, селений — больших и маленьких — разбросаны по всей карте мира, существуют далеко за пределами русских земель. Казалось бы, эти географические названия, собственные имена принадлежат географии — науке о земле, а не науке о языке. Действительно, на первый взгляд имена городов, морей, как и людей, произвольны. И могут ли они рассказать что-либо о самом предмете, самой реалии, носящей то или другое имя, о тех, кто его дал? Могут ли рассказать о языке, из которого взяты?

Русские имена на карте мира — это вехи на трудном пути русских первооткрывателей — землепроходцев и мореходов. Постараемся подойти к географическим именам с позиций лингвиста. Собственное имя — русское географическое название — это слово из русского языка.

Боты, шхуны, суда смелых русских моряков прошли Северный Ледовитый океан, Великий, или Тихий, океан, а затем и Атлантический. Русские люди поднимались на горные хребты Памира, Алтая, первыми составляли карты берегов Северной Америки. Не всегда их путь отмечен вехами русских имен, так как русские землепроходцы стремились сохранить местные имена, если они уже существовали. Часть же русских имен погребена в череде переименований, обычно производимых последующими исследователями новых земель, пришедшими из дру-

гих стран. И все же даже беглый взгляд на карту мира, на пунктир русских слов позволит представить историческую карту героических путешествий, открытий, поселений, а впоследствии и горестных переселений в поисках лучшей жизни.

Древние славяне Киевской Руси проложили знаменитый путь «из варяг в греки» — из Балтийского моря в Черное. Афанасий Никитин ходил «за три моря». Сохранилось в памяти народной и имя легендарного Садко, ходившего на ладьях в далекие страны. Потомки новгородцев — русские поморы — уже в XV веке знали северные моря — Белое и Баренцево. И вот на современной карте Севера находим имена — мыс *Старостина*, мыс *Дежнева*, пролив *Беринга*, мыс *Челюскина*, море *Лаптевых*, пролив *Дмитрия Лаптева*, берег *Харитона Лаптева*, берег *Прончищева*, бухта *Прончищевой*.

Иван Старостин оседло жил на Груманте (таково старое имя острова Шпицбергена), его предки знали этот остров уже с 1426 года. Смелые поморы плавали за моржовыми клыками и салом, к XVI веку в лонциях описали около 3200 миль заполярных областей. Эта история открытия и освоения северных земель стоит за именем *Старостин*, но и само имя как русский флаг стоит на карте. Имя сложилось из *староста* — *старый* 'старший, уважаемый' и типично русского суффикса принадлежности *-ин* (*старостин* — о детях главы рода).

Мыс *Дежнева*. Это имя не так давно вновь появилось на картах мира. 26 июня 1648 года *С. И. Дежнев* вместе с *Ф. А. Поповым* с 90 казаками вышли из устья Колымы на семи кочах. Коч — однопалубное судно, в десять раз меньше каравелл Колумба. Семен Дежнев отправляется по Северному Ледовитому океану и в сентябре огибает мыс *Большой Каменный Нос*, как назвал его сам Дежнев. Так было совершено открытие: Азия и Америка разделены проливом. Это было великое географическое открытие, но сам Дежнев не ведал этого, а его отчет о плавании почти сто лет пролежал в Якутском архиве. В 1664 году Дежнев побывал в Москве. Известен царский указ: «За ево, Сенькину, службу и за прииск рыба зуба, за кость и за раны поверстать в атаманы». И еще одно важное свидетельство. Мировая карта (атлас), составленная в 1784 году в Нюрнберге, отмечает «*пролив Дежнева*». И все же открытие Дежнева оставалось в тени. Петр I, чтобы уста-

новить истину, посылает опытного моряка Витуса Беринга. И в 1728 году Беринг проходит пролив. В 1778 году проливу было присвоено имя *Беринга*. И только в 1898 году по инициативе Русского географического общества был почтен и Дежнев. Мыс *Большой Каменный Нос* переименован в мыс *Дежнева*. Ныне на самой крайней северо-восточной точке нашей страны стоит подобно флагу русское имя — *Дежнев*.

Берег *Прончищева*, бухта *Прончищевой*, мыс *Челюскина* — эти имена не только отмечают географические пункты, но и могут быть символом верности, дружбы и любви. На судне «Якут» отважные мореходы пробились во льдах и достигли максимальной по тем временам (1736) северной широты ($77^{\circ}29'$, с учетом несовершенных приборов возможно и $77^{\circ}55'$). В конце обратного тяжелого пути Василий Прончищев умер, а через несколько дней умерла и сопровождавшая его жена — Мария Прончищева. Экспедицию довел лейтенант Семен Челюскин. Глубокое благоговение и благодарность должны пробуждать в нас такие имена на карте Таймыра, как берег *Прончищева* и бухта *Прончищевой*. Их трудами приобрела свой общий вид карта побережья Северного Ледовитого океана, которую мы видим сегодня и которая стала достоянием всего человечества.

Память о героях Арктики запечатлена в именах братьев Лаптевых — пролив *Дмитрия Лаптева*, берег *Харитона Лаптева*.

В начале XX века экспедиция из двух судов «Таймыр» и «Вайгач» совершила новое географическое открытие — открыла неизвестную землю. 4 сентября 1913 года был поднят среди льдов русский флаг. И только в 1930 году новая экспедиция на пароходе «Седов» исследует неизвестную землю. На карте появляется имя — архипелаг *Северная Земля* из четырех островов: *Октябрьская революция*, *Большевик*, *Комсомолец*, *Пионер*. В этих названиях, появившихся за полярным кругом, отразилась новая жизнь страны. Собственными именами открытых и исследованных земель стали ключевые слова нашей советской эпохи — слова, характеризовавшие наше время, наши социальные завоевания, новые отношения между поколениями отцов и детей.

Бросим теперь взгляд на карту Южного полюса — Антарктиду. В водах южной части Атлантического океана

и Тихого океана цепь русских имен — названия островов отмечают путь русских кораблей «Мирный» и «Восток», исследовавших впервые эти воды. Это острова *Анненкова*, *Лескова*, *Завадовского*, *Восточный*, *Средний*, *Западный*, *Михайлова*, *Восток*, *Голенищева-Кутузова*, остров *Петра Первого* и, наконец, берег *Александра*. Именно берег *Александра*, названный именем русского царя, по существовавшей тогда традиции и был искомой землей — Антарктидой. Успешная экспедиция продолжалась с июля 1819 года по февраль 1821 года, ею руководили Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лавров. В память об этом плавании впоследствии юго-восточная часть Великого, или Тихого, океана была названа морем *Беллинсгаузена*.

Теперь Антарктида превратилась в базу для ученых всего мира. Научная, исследовательская работа достигла особого подъема в Международный географический год. Советские станции, ведущие научный поиск, названы в память первооткрывателей Антарктиды — русской экспедиции — именами судов «*Мирный*» и «*Восток*». Но они получают и новое осмысление, перекликаясь с чаяниями всего современного человечества — политикой мира. Имя русского судна «*Мирный*» оказалось символом, идущим из уже далеких времен и характеризующим устремления русских и советских ученых. Обратим внимание еще на одно явление, связанное с собственными именами на географической карте. Мы видим имена, данные в честь определенного конкретного лица. Ср.: «Сей остров в широте южной 54°51', долготе западной 37°13' я назвал островом *Анненкова* в честь второго лейтенанта на шлюпе «*Мирном*», — записал начальник экспедиции Беллинсгаузен в своем дневнике 15 декабря 1819 года. Это было первое географическое открытие русских на подходе к Антарктиде. Но теперь мы даже можем не знать, кто такой Анненков. Само русское звучание имени становится главным в функции географического наименования.

Еще два имени на морской карте — пролив *Головина* и берег *Миклухо-Маклая*. В 1812 году на карте в гряде Курильских островов был отмечен новый пролив, названный именем русского капитана *В. М. Головина*. Во время географической экспедиции Головин был захвачен в плен японцами и пробыл в плену с 1811 по 1813 год. Это был плен настоящего ученого, русского человека,

даже плен которого стал определенной точкой отсчета в истории систематических связей между Японией и Россией. В. М. Головин обучал японцев основам русского языка. Заметим, что после визита в Нагасаки в 1853 году фрегата «Диана» под командованием вице-адмирала Е. В. Путятина, когда был подписан первый русско-японский договор в 1855 году, русский язык стал проникать в Японию, были составлены и первые учебники русского языка для японцев. Но самым первым учителем стал капитан-географ В. М. Головин.

Своеобразным «учителем жизни» был для папуасов Н. Н. Миклухо-Маклай. Миклухо-Маклай доказал своими наблюдениями, что культурный уровень всякого народа определяется не его биологическими особенностями, а историческим развитием самого народа.

Берег *Миклухо-Маклая* на северо-восточном побережье острова Новая Гвинея — память о годах, прожитых ученым у папуасов (1871—1872) и оставившем о себе благодарную память. Миклухо-Маклай знакомил аборигенов с жизнью и культурой иной ступени развития, внес в их обиход и слова из русского языка, выражавшие новые понятия, неизвестные еще местным жителям. Мы знаем, как обстоятельно и точно было толкование каждого слова, обозначавшего тот или иной предмет (нож, бутылка, бусы), как познавалась ценность предмета и значение его наименования. Не только жизнь, но и само имя Миклухо-Маклая овеяно легендой. Из Стародуба Черниговской губернии шел род Миклух. В малороссийских поселениях часто к официальной фамилии присоединяли прозвище. Один из Миклух носил пашку — малахай или махлай, что и дало прозвище. Но *махлай* имело еще одно значение — «недотепа», и вот прадед будущего ученого, казак Степан, человек самолюбивый, подписываясь под казенными бумагами, изменил прозвище, уведя его от связи с «недотепа», «Миклухо-Маклай» вместо «Миклухо-Махлай» писал он. Прадед представлялся правнуку Тарасом Бульбой, был героем его детства, а впоследствии эту двойную фамилию правнук — смелый путешественник, ученый, гуманист избрал своим именем.

Русские имена отмечают горные хребты, вершины, ледники. На картах разных стран прочтем слово *Пржевальский*: хребет *Пржевальского* в Китае, остров *Прже-*

вальского на Курилах, мыс *Пржевальского* на озере Беннет на Аляске.

Николай Михайлович Пржевальский пешком прошел по Азии 33 тысячи километров, изучая хребты, пустыни, животный и растительный мир. «Такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвига, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что, чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать свое дело после смерти, оживлять своею могилою пустыню... читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав», — писал А. П. Чехов.

Ученики Пржевальского, географы мира начертали его имя на карте мира, ученики учеников продолжали эту традицию памяти. Так появились на карте имена *Потанина*, *Федченко*, *Козлова*, *Певцова*, *Матусовского*, *Обручева*.

Имена А. П. и О. А. *Федченко*, Г. Н. и А. В. *Потаниных* связаны с горными хребтами и ледниками Памира, Тянь-Шаня и Алтая. Именем *Федченко* назван самый большой ледник Памира, самый крупный рукав в ледниковом узле Монгольского Алтая носит имя Г. Н. *Потанина*, а его правый приток назван Александрин в честь и память жены и постоянного спутника Потанина — *Александры Потаниной*, дополнявшей его исследования наблюдениями над флорой. Эти имена — *Федченко* и *Потанины* — как бы напоминают о подвижничестве ученых, верности науке, взаимной преданности. К этим именам нельзя не добавить имена *Ивана Дмитриевича* и *Марфы Павловны Черских*, исследователей Восточных Саян, Байкала, совершивших беспримерный поход от Верхне-Колымска до Нижне-Колымска (1891). Умершего в экспедиции мужа сменила жена и довела до конца задуманное дело. Хребет *Черского* в Забайкалье хранит о них память.

И еще об одной традиции говорят эти имена: их вписали на карту благодарные ученики, это не знак собственных открытий, а знак признания и признательности. Так потомки, увековечивая имена учителей, подхватывают и передают эстафету служения науке и своей родине.

Есть имена и иного рода, утверждающие новые идеи и достижения Советского Союза. Это хребет *Маркса и Энгельса*, горные вершины — пики *Ленина*, *Ворошилова*, *Калинина*, *Кирова* и, наконец, открытый в 1943 году пик *Победы* как знак победы над фашизмом, как память о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Назвать открытый остров именем друга, молодого товарища (остров *Анненкова*), погибшего товарища (остров *Шумагина*) или продолжить давнюю традицию русских землепроходцев — подметить и выделить именем важный признак. Так складываются русские названия на карте мира. Сравним: Дежнев называет мыс *Большой Каменный Нос* — это название-характеристика; старые имена, сохраняющиеся донныне, — *Белое море*, *Охотское море* и более новое — бухта *Находка*. Она была открыта в 1859 году и получила имя-характеристику: спокойная, закрытая от ветров, настоящая *находка* для судов, спешащих укрыться от шторма.

Еще одно примечательное название — остров *Лисянского*.

На пути судов в открытом океане в октябре 1805 года были открыты и поименованы мель *Невская*, коралловый риф *Крузенштерна*, остров *Лисянского*. В это время находились в кругосветном плавании два русских судна «Надежда» и «Нева» под командованием Крузенштерна. Командиром «Надежды» был сам Крузенштерн, на «Неве» — Юрий Федорович Лисянский. Корабли шли разными маршрутами. Ю. Ф. Лисянский, не доверяя карте, принял все меры предосторожности, предполагая по полету птиц близость какой-то земли, хотя не обозначенной ни на одной карте. Ночью корабль сел на мель, впоследствии названную *Невской*. Героические усилия команды и находчивость командира спасли корабль, остров же, лежавший за мелью и рифом, по единодушному желанию команды, вытерпевшей все тяготы пути со своим капитаном, был назван островом *Лисянского*.

Первое кругосветное путешествие под командой Крузенштерна и Лисянского было во многих отношениях замечательным. Уточняется карта морей и океанов: нанесены новые острова *Чичагова*, *Крузова*, *Баранова*, *Лисянского*, мель *Невская*, риф *Крузенштерна*; исчезли с карты вымышленные острова, нанесенные недобросовестными мореплавателями, — острова *Рико-де-Плата*, *де-Лобос*, *Гваделупас* и др. Кругосветное путешествие Кру-

зенштерна — Лисянского связано с научными наблюдениями над состоянием океана (течения, плотность и температура воды на глубине до 400 метров и т. д.), что кладет начало новой науке — океанографии. Вот что стоит за тремя именами — Крузенштерн, Лисянский, «Нева», ставшими тремя географическими наименованиями — мель *Невская*, остров *Лисянского*, риф *Крузенштерна*.

Географические наименования иногда позволяют проследить не только преемственность поколений — учителей и учеников, но и преемственность отцов и детей. Один такой пример. На карте Арктики в Карском море находим бухту *Шведе* (остров *Вилькицкого*), открытую в 1893 году русским моряком лейтенантом Евгением Леопольдовичем *Шведе* и названную впоследствии его именем — именем первооткрывателя. А на карту Антарктиды в 1961 году была нанесена гора, которой в 1966 году дали имя *Шведе* в честь советского контр-адмирала Евгения Евгеньевича *Шведе* — сына Е. Л. Шведе.

Только некоторые имена мореходов и землепроходцев были взяты для рассказа о русских географических названиях. Совсем немного географических названий прошло перед нами. Но мы уже можем сделать определенные наблюдения.

Собственное имя условно и произвольно. Назвав имя *Лисянский*, мы еще как будто ничего не сказали ни о человеке, ни об острове. Для этого необходима определенная культурно-историческая осведомленность. И все же каждое собственное имя имеет свои признаки, содержит определенную характеристику, хотя и общую, родовую, например: пол, социальное положение, возраст. Ср.: *Иван* — *Мария*, *Мария* — *Машенька*, *Мария Ивановна* — *Машка* и т. п. Главное же, при всей интернациональности имен (ср.: Крузенштерн, Беллинсгаузен, Беринг на русской почве) собственные имена несут особую информацию, и этот признак имени, воспринимаемый как дополнительный, как оттенок значения в географическом наименовании, выдвигается на первый план, как бы освещает и пронизывает значение наименования, составляет его суть. Так жизнь слова-имени отражается в перегруппировке семантических признаков. Особенно заметна такая перегруппировка в географических русских именах-дублетах. «Имена-дубликаты» — этим термином обозначим своеобразный ряд имен, возникший как повтор географиче-

ских наименований — европейских, т. е. Старого Света, и на американском континенте, т. е. в Новом Свете.

На карте США около 400, а на карте Канады более 200 русских, украинских и белорусских названий. Нередки названия *Россия*, *Русское* и *Русская земля* (в штатах Огайо, Массачусетс, Северная Дакота, Калифорния, Техас, Висконсин, Иллинойс). Первые поселенцы в Америке давали своим поселкам имена с прозрачной внутренней формой: форт *Русский*. Создавалась иллюзия близости родины: форт *Русский*, река *Славянка*, впоследствии переименованная в *Русскую*. Тринадцать городков и местностей носят имя *Москва*. Самая большая американская *Москва* в штате Ойдоха. Интересно, что новые города могли совсем не напоминать своих старших братьев. Так, *Санкт-Петербург* в штате Флорида — антипод русскому городу. Вместо туманов «Северной Пальмиры» американский Санкт-Петербург предлагает многочисленным туристам солнце, отсутствие пасмурных дней. Поэтому Санкт-Петербург во Флориде называют «солнечный город». Не меньший контраст черноморской Одессе представляет *Одесса* в штате Техас. Это город нефтяных промыслов, голый, ничем не напоминающий зеленую черноморскую Одессу. Такой контраст, отсутствие внешнего сходства особенно подчеркивает значение слова и его национально-локальных оттенков, составляющих суть имени — географического наименования.

Родное имя для эмигрантов обретало притягательную силу. Это учитывали предприниматели-промышленники, называя города и поселки именами, пробуждавшими воспоминание о родине. Так, в волну переселений в Америку украинцев во Флориде возникла *Одесса*, а в штате Арканзас — *Москва*. Тихоокеанская железнодорожная компания сделала правильный расчет: имя населенного пункта привлечет русских эмигрантов, обеспечит приток рабочих рук.

Родные имена были и выразителями патриотических чувств. В штате Мичиган появилась *Москва* в период наполеоновских войн. В то время Москва была центром внимания как символ сопротивления Наполеону.

Жители Кактвелле Бриджа (Атлантическое побережье, штат Делавэр) в 1855 году переименовали свой город, выбрав имя *Одесса*. Это было во время Крымской войны, и Одесса была символом сопротивления врагу.

Есть и американские *Киев*, *Новый Киев*, *Полтава*, *Галич*. Многочисленные поселки носят имена русских рек: *Волга*, *Ока*, *Кама*, *Дунай*, *Днепр*.

Особую группу составляют географические названия — имена выдающихся русских, украинских, белорусских деятелей в истории нашего государства: *Толстой*, *Шевченко*, *Хмельницкий* и др., которые также наполняются особым значением. Толстой — это не только выдающийся писатель, но и заступник народный, организовавший выезд обездоленных крестьян из царской России на средства от своего литературного заработка.

Имена первых переселенцев заставляют понять историю заселения земель, их стойкость, неиссякаемую энергию: *Марко*, *Василь*, *Федор*, *Сирко*, *Антон*. Но время стирает конкретность этих имен. Из собственных имен определенных лиц они превращаются в символы. И здесь на первый план выступает славянское звучание имени, обобщенная национальная окраска. Но такое обобщенное восприятие имени может способствовать забвению истории собственного географического наименования от собственного имени конкретного человека. В имени-слове просыпается внутренняя форма. Имя постоянно ассимилируется, происходит утрата личного, имя приближается к нарицательному слову, ставшему географическим наименованием. И тогда возникает перевод собственного имени подобно переводу имени нарицательного. В собственном имени оживляется и осмысливается этимологическое значение. Так, на Аляске существует бухта *Морозова* — *Морозовская бухта*, ныне имя это переведено на английский язык: *Cold Bay* (иногда *Frozen Bay*), что уже означает 'холодная бухта' ('морозная бухта'). В собственном имени воспринята внутренняя форма — этимологическое значение, имя оторвано от социального влияния, от исторического значения. Имя превратилось в нарицательное слово, определяющее характерные особенности бухты.

Пробуждение внутренней формы, движение от собственного имени к нарицательному слову часто выветривает из памяти социальный аспект названия, социально-историческое значение имени (ср. названия *Зелена*, *Горы*).

Есть имена, хотя и являющиеся по происхождению словами нарицательными, но национальный, так называемый коннотативный элемент, сложившийся в быту,

выработанный традицией, звучит в значении слова столь явственно, что затрудняет перевод на другой язык, удерживает имя без перевода и трансформации: *Садок, Бабина Долина, Хлебодаривка*.

Связь с родной землей отражается в географическом имени весьма своеобразно. Так, имя *Русланд* — *Russland* говорит о сложной судьбе немцев, первоначально поселенцев на русских землях, затем иммигрировавших в Америку, но хранящих память о земле, приютившей их предков. Родным, вернее хранящим память о родной земле, может стать и имя, чужое русскому языку, но существующее на территории России. Так, название *Инкерман* — имя явно не славянское, однако было занесено в Америку выходцами из России.

Часть имен — это действительно характеристика нового места, но данная на родном языке. Это уже упоминавшиеся имена *Зелена, Горы*, а также *Плодородная, Целина, Канава*. Последние названия отражают уже впечатления, полученные переселенцами в их новой жизни на новом месте. Здесь им приходилось и поднимать целину, и осушать болота. Внешний окружающий мир отражался в слове-названии.

Но есть названия, как бы посвященные внутреннему миру людей, страдавших, надеявшихся на лучшую жизнь на новом месте. Это имена *Правда, Вера, Освобождение, Терпение, Слава, Мирнам* (из 'мир нам') и др.

Сама жизнь и время отражаются в географических именах. Хранится самое старое славянское имя в одной из провинций Канады — *Хортица* (1875), по имени острова на Днепре, где в XVII веке расположилась вольная Запорожская Сечь. И как отражение духа времени родилось в провинции Альберта имя-аббревиатура: *Укалта* — *Ук* (Украина) + *алта* (Альберта), имя, составленное из частей наименований родины (*Украина*) и новой земли, на ласку которой надеются переселенцы (*Альберта*).

Итак, в географическом названии на первый план выдвигается социальное звучание имени, социально-исторический аспект в значении слова. Пробуждение в имени внутренней формы ведет к потере социального значения, переводит имя в слово-характеристику (бухта *Морозова* — *Морозовская* — *Cold Bay, Frozen Bay*). Следовательно, исчезает то главное, ради чего

было дано имя. Социальный, патристический момент определяет рождение географического наименования. Поэтому выбор имени и произволен, и одновременно обусловлен социальной эпохой. Некоторые традиции в создании собственных имен в эпоху Беринга (*берег Александра*) и в эпоху после Октябрьской революции.

Общественная природа языка обнаруживается в функционировании любого национального языка во всех областях и сферах его жизни. Географические наименования на карте мира хотя и представляют небольшую и неполную языковую картину — отдельные слова-имена, но и они показывают, как мир мыслей, воззрений, чувств русского человека отражается в мире имен — географических названий.

И еще на одну особенность этой языковой сферы обратим наше внимание.

Имя на карте мира теряет локальные границы функционирования. Конечно, здесь может быть разная степень потери таких границ, разная степень выхода за пределы родного языка. Имена столиц — *Москва, Париж, Рим, Лондон* — входят во все языки мира и, конечно, символизируют свою страну, а иногда воспринимаются как синоним названия всей страны: *Рим* — Италия, *Париж* — Франция, *Москва* — СССР. Разные исторические события могут включать то или иное местное имя в сферу чужого языка. Вот почему топонимика — наука, посвященная географическим названиям (от греч. τόπος 'место' и ὄνομα 'имя'), — принадлежит не одной науке о языке, а и географии, и истории. Топонимика в значительной степени интернациональна. Но, путешествуя из эпохи в эпоху, из языка в язык, топоним — географическое название — цепко хранит свои национальные привязанности, старые и новые наслоения. «Топонимика — это язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре» — так рассуждал Н. И. Надеждин, журналист, географ и этнограф, живший в первой половине минувшего века.

Географическое имя и современно, и старо, и интернационально, и национально. Именно благодаря этим особенностям слова — географического имени — топонимика остается «книгой всего человечества» — народа, нации, человека. Эта книга отражает ступени социального

развития, революционные сдвиги и традиционную преемственность.

Среди звезд и планет на карте звездного неба также есть русские имена. Они тоже увековечивают нашу историю.

Обычно астероиды называли женскими именами. Это была сложившаяся уже традиция, но советские астрономы стали давать имена в память героев Великой Отечественной войны: «Гайдария» увековечила память о погибшем на фронте писателе Аркадии Гайдаре, «Зоя» — это имя в память подвига юной партизанки Зои Космодемьянской. Накануне 8 Марта — Международного женского дня — в 1977 году одному из вновь открытых астероидов было присвоено имя еще одной героини Отечественной войны — Жени Рудневой. Есть и звезда *Аджимушкай*. В Аджимушкае, как и в Брестской крепости, гибли, но не сдавались воины, партизаны, жители: в катакомбах, в темных подземельях, они мечтали о свежем воздухе и воде и верили в победу над фашизмом.

Расскажем подробнее одну небольшую, но символическую повесть об имени планеты № 1900.

Во время Великой Отечественной войны 12 сентября 1941 года в воздушном бою погибла военная летчица *Екатерина Зеленко*. Это был первый случай воздушного тарана, совершенного летчицей-женщиной, беззаветно сражавшейся за свободу своей Родины. И вот в память Кати Зеленко Международный планетный центр утвердил название новой малой планеты № 1900 — *Катюша*. Открыла эту планету «советский астроном Т. М. Смирнова, она же предложила имя... Каждые 17 месяцев «Катюша» будет сближаться с Землей, посылая ее жителям чистый свет юности, отданной в битве за свободу» («Комсомольская правда», 1976, 7 ноября). Имя *Катюша* — это имя летчицы и символ нашей победы над врагом в Великую Отечественную войну. «Катюша, Катюши» — так называли прославленные советские ракетные установки. «Катюша» — это и одна из популярнейших советских песен, облетевших, наверное, весь мир. Собственное имя стало славным символом, обобщающим и подвиг человека, и подвиг народа. Имя отмечает и наши научные достижения в изучении звездного неба.

В названиях звезд и планет отражаются «земные» ассоциации. Именно они обуславливают ряд лунных

имен — метафорических сравнений, связанных с «земными» представлениями: *Море Дождей*, *Море Бурь*. Есть лунные имена, как бы переносящие на Луну земную топонимику — широко известные и особенно нам дорогие имена: море *Москва*, горы *Кавказ*. Заметим, что и сами термины — горы, море, кратер — созданы по аналогии с терминами земного рельефа. Они в значительной степени условны. И эта условность подчеркивается колебанием в написании самих терминов в составе собственных имен то с маленькой, то с большой буквы: *море Дождей* и *Море Дождей*. В последнем случае собственное имя определенной части лунного рельефа как бы выражено всем словосочетанием, каждый элемент которого условен и произволен. Ср.: *Море Дождей* на Луне, где нет воды.

Новые названия отражают и мир чувств человека, познающего космос и иные планеты. Имена *Море Радости*, *Море Мечты* на лунной поверхности свидетельствуют об этом стремлении.

Целый ряд имен на карте ближайшего спутника Земли — Луны — очерчивает величину вклада, внесенного советскими учеными в исследование этой планеты. В 1964 году с помощью советского лунника была получена уникальная фотография неосвещенной стороны Луны. И вот цепь имен, обозначающих лунные кратеры, увековечивает на карте обратной стороны Луны имена выдающихся ученых, общественных деятелей нашей истории и современности.

Первым назовем имя *М. В. Ломоносова* (1711—1765), великого русского ученого, естествоиспытателя, филолога, поэта. *М. В. Ломоносов* — автор первых русских учебников: «Российская грамматика», 1755 (опубликована в 1757 г.) и др. По инициативе Ломоносова основан в 1755 году Московский университет, которому ныне присвоено имя его основателя.

В числе книг, которые *М. В. Ломоносов* называл вратами своей учености, была «Арифметика» *Л. Магницкого*, изданная в 1703 году. Имя ее автора — ученого, педагога — *Л. Ф. Магницкого* (1669—1739) отмечено теперь на лунной карте вместе с именем *М. В. Ломоносова*.

В названиях лунных кратеров имена русских и советских ученых — *Д. И. Менделеева* (1834—1907), выдающегося химика, создателя периодической системы элементов; *В. В. Вернадского* (1863—1945), известного ми-

нералог; *И. П. Павлова* (1849—1936), физиолога, впервые в мире разработавшего теорию второй сигнальной системы и условных рефлексов, основателя материалистического учения о высшей нервной деятельности человека и животных. Здесь же мы найдем имя *К. А. Тимирязева* (1843—1920), естествоиспытателя, ботаника и физиолога, известного просветителя-демократа. В ряду этих славных имен и имя *С. В. Ковалевской* (1850—1891), первой женщины-профессора, члена-корреспондента Петербургской Академии наук, математика, писателя, публициста; имена всемирно известных русских и советских ученых — *Н. И. Лобачевского* (1793—1856), создателя неевклидовой геометрии; *И. В. Курчатова* (1903—1960), выдающегося советского физика, и многих, многих других.

На лунной карте имена тех, кто стоял у истоков космической науки и техники, кто продолжал поиски, осуществлял научные и технические решения: *А. Д. Засядко* (1779—1837), *Н. И. Кибальчи* (1853—1881), *А. Ф. Можайский* (1825—1890), *Н. И. Жуковский* (1847—1921), *К. Э. Циолковский* (1857—1935), *С. П. Королев* (1906—1966).

Одни имена нам хорошо известны, другие отодвигает от нас время. Рядом с именем отца нашей космонавтики *К. Э. Циолковского* стоит имя *С. П. Королева*. Вместе с ними поставим и имя известного народовольца, узника Петропавловской крепости *Н. И. Кибальчи*, создателя первого проекта ракетного летательного аппарата. Отец русской авиации *Н. И. Жуковский* и его великий предшественник, создатель первого русского самолета *А. Ф. Можайский* — их имена позволяют отметить основные вехи в развитии нашей авиации. Но одно из названных имен известно не столь широко. Расскажем о нем.

С именем *А. Д. Засядко* связано ракетное дело. Слово «ракета» было хорошо известно в русском языке уже с конца XVII века. В 1680 году в Москве было основано «Ракетное заведение», положившее начало производству и освоению ракетной техники. В письмах Петра I, датированных 1696 годом, встречается слово *ракета* в значении «потешный огонь, фейерверк». Это же слово фигурирует и в указе Петра I, посвященном празднованию 1700 года: «...считать новый год не с первого сентября, а с первого января сего 1700 года. И в знак того доброго начинания и нового столетия века в веселии друг друга

поздравлять с новым годом... По дворам палатных, воинских и купеческих людей чинить стрельбу из небольших пушек, ружей, пускать ракеты...»

Однако впервые в словарях слово *ракета* отмечено в 1806 году (Н. Яновский) как «речение артиллерийское». Значение «потешный огонь» отступает на второй план. В начале XVIII века была создана особая пиротехническая лаборатория. А. Д. Засядко в сохранившихся документах подчеркивает приоритет и преимущества ракетных изобретений: «Всюду, где пройдет одиночный пехотинец, там пройдет и там может действовать русский ракетчик» (1814). «Потешный огонь» и «военный снаряд» — это первые ступени ракеты на пути в космос. Имя А. Д. Засядко связано с ракетным делом, уже ушедшим от своего первоначального назначения — «потешных огней».

На лунной карте запечатлены имена летчиков-космонавтов, наших космических астронавтов: Ю. А. Гагарина, Г. С. Титова, В. М. Комарова, А. А. Леонова, Н. А. Николаева, В. В. Николаевой-Терешковой и др.

В новых «лунных» названиях мы находим дань человеческой памяти и уважения к минувшему и настоящему нашей истории, культуры, науки и техники, к первопроходцам Земли и космоса.

На картах разных стран мы читаем русские имена и слова, переданные латинскими буквами, — в Арктике и в Антарктиде, в Америке и в Океании, на звездной и лунной картах: *Rossiyan, Raevsky, Mikhailov, Simonov, Senyavin, Vostok, Mirnyi... Lomonosov, Lobachevsky, Kurchatov, Tsiolkovsky, Korolev, Gagarin, Tereskova, meer* (море) *Moskwa, meer* (море) *Metshta...*

Небольшое количество русских имен на карте мира, о которых мы вели беседу, — это только несколько беглых, далеко не полных страниц из вечной и большой книги нашей Земли, нашей страны и нашего народа.

РУССКОЕ СЛОВО: ЧИТАЮТ—ГОВОРЯТ

Русское слово проникало в чужие языки разными путями, и по-разному складывалась его судьба. Мы обращали внимание на деловые, официальные связи между государствами, непосредственное общение народов, исторические социальные причины языкового сближения или разобщения.

Теперь остановимся, хотя и очень бегло, на взаимосвязи русской литературы и русского языка, на значении переводов в популяризации русского слова, русской культуры за рубежом.

Отметим, что деловые, официальные контакты, непосредственные «бытовые» связи соседствующих народов обогащаются связями культурными. Уже XVIII век дает примеры серьезного внимания к русской культуре. Но если, например, выходивший в Англии журнал «The Muscovite» «Московит» отражал представления англичан начала XVIII века о России и русских вообще, то журналы конца XVIII века и начала XIX века отражают интерес к русской литературе, музыке и т. п. Назовем в первую очередь немецкий журнал «Russische Miszellen» «Русская смесь», который хотя и стремился к широкому освещению русской жизни, но не забывал регулярно давать информацию о русской литературе. Следовавшие одна за другой в разных странах русские антологии представляли зарубежному читателю русских писателей и поэтов в переводах на французский, английский, немецкий и другие языки. В них были представлены Карамзин, Жуковский, Батюшков, а также Ломоносов, Державин, Вяземский. Особый интерес наблюдался к

русским народным песням, творчеству поэтов-декабристов, и среди них к произведениям К. Рылеева, А. Бестужева и др.

Первое известие о Пушкине появилось в Европе в феврале 1821 года в широко известном европейскому читателю «*Revue encyclopédique*» — «Энциклопедическом обозрении». Следуют переводы из «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган». Одним из переводчиков Пушкина был Жан-Мари Шопен (брат композитора Ф. Шопена). Интерес к русскому романтизму (Карамзин, Жуковский) сменяется интересом к русскому реализму — к Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Но истинная «эпоха русских» начинается с 70-х годов XIX века — эпоха Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, Чехова и Горького. Литературная атмосфера Запада оказывается под несомненным воздействием русских писателей. Все более точные (по духу, а не букве) переводы позволяют ощутить и своеобразие русского языка — его строй, образную систему, стилистическое разнообразие.

1

Языковые контакты — это, конечно, не только «словарный обмен», но и проникновение в мир идей, в историю, жизнь, культуру других народов. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин связывали подлинный интерес к определенной стране со знанием языка ее народа. Академик М. П. Алексеев показал, исследуя словарные записи Ф. Энгельса к «Медному всаднику» и «Евгению Онегину», как выявляется на культурно-историческом фоне значение слова или гаснет, затемняется, если темен для читателя фон русской жизни, и как проявляется сам культурно-исторический фон в процессе постижения словесных — лексико-семантических — значений.

Творчество Пушкина привлекло внимание Ф. Энгельса. «Евгений Онегин» и «Медный всадник» — в них Ф. Энгельс увидел энциклопедию русской жизни. Правда, своеобразие национального языка и отраженная в нем национальная жизнь выдвинули не одну преграду. К тому же в распоряжении Ф. Энгельса был только русско-французско-немецко-английский словарь Рейфа (1845), который хотя и представлял значительное явление в

изучении языков, но не давал толкования слов в достаточно полном объеме, сглаживал национальную специфику. Как понять строки:

Онегин был, по мнению многих,
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант... ?

Энгельс перевел: «Oнеgin war... ein Kleiner Gelehrter, aber kein Pedant» [Онегин был маленький (в смысле незначительный, слабый) ученый, но не педант]. Подвел словарь. Пушкин употребил просторечное *малый* в значении 'парень, юноша, молодой человек', а в словаре Рейфа в соответствии с немецким, французским и английским языками была дана только общая для всех языков параллель: *малый — слуга — un garçon, domestique, der Knabe, Diener, boy, servant*. (Вот как важны толковые словари, чутко отражающие слово во всех его значениях и оттенках!) Важна еще и такая гибкая русская интонация, логическое ударение. Ср.:

Ученый малый, но п е д а н т...

и

У ч е н ы й малый, но педант...

А вот начальные строки из 27-й строфы из 1-й главы «Евгения Онегина»:

Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал...
Усеян плошками кругом,
Блестит великолепный дом...

Здесь есть слова, тесно связанные с русским укладом жизни — *ямская карета*, *дом усеян плошками*. В словарных записях Энгельса находим: «Ямской — *gemietet*, *ящик* — *Mietkutscher*», т. е. 'ямской от ящик', *ямская карета* — наемная карета, следовательно, не своя, не собственная. Социальная деталь не упущена, не сглажена. К слову *плошка* дано французское соответствие *лампион* (*lampion*): плошки, обычно плоские миски для еды, в

Рисунок А. С. Пушкина.
Пушкин и Онегин на
берегу Невы.

описанной ситуации действительно представляют осветительные сосуды, праздничные огни.

Трудна строка:

учил его всему шутя...

Если связать с предшествующим «чтоб не измучилось дитя», то вполне можно истолковать *шутя* как 'с шуткой, чтобы ребенок не уставал и не надрывался'. Ироничный параллелизм в пушкинском стихе

Слегка за шалости бранил

И в Летний сад гулять водил...

понятен на фоне осведомленности о том, как воспитывались дворянские дети равнодушными гувернерами. Большой фон имеет строка

Мой дядя самых честных правил...

Она перекликается с басней Крылова «Осел и мужик» («Осел был самых честных правил...»), в ней сконденсирован уже готовый образ, характеристика дяди.

Друзья Людмилы и Руслана —

это доброжелательные читатели пушкинской поэмы «Руслан и Людмила».

Глубокий подтекст стоит за строкой

Но вреден север для меня.

Это не только биографическая деталь, не только и не столько ссылка на дурной климат, а намек поэта на изгнание его в южную ссылку. Здесь таятся мысли и о сосланных подальше от царской северной столицы — Петербурга «во глубину сибирских руд» декабристах, и о ссылке самого Пушкина то на юг, то в деревню... И этот авторский подтекст, связь с эпохой, самой жизнью России тонко почувствовал Энгельс, отстраняясь от буквального перевода и ища соответствий истинному содержанию.

Нельзя не отметить, как органично влетались пушкинские строки в текст сочинений Маркса и Энгельса. Оба они отдали дань наблюдательности и экономической прозорливости поэта. В 1859 году вышла в свет знаменитая книга К. Маркса «К критике политической экономии». И вот в разделе «Теория средств обращения и денег» Маркс, критикуя Рикардо, смешавшего товар и деньги, деньги и монеты, вспоминает Евгения Онегина:

«В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собой товар, это русские уже поняли давно, что доказывается... всей историей их торговли». Как яркий образ, запечатлевший точно схваченную мысль об экономике новой и старой, Маркс имел в виду вот эти широко известные строки о Евгении Онегине:

Онегин ... читал Адама Смита
И был глубокий эконо-
м, То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

В 1890 году Энгельс написал статью «Внешняя политика русского царизма», где процитировал эти строки. И еще не раз вспомнит он их в письмах и беседах, и при этом в русском подлиннике.

Прокомментированные М. П. Алексеевым записи Ф. Энгельса, восстановленные детали не только возрождают живые картины, полные социальной глубины, но отдельные наблюдения сливаются в широкое полотно жизни целой эпохи, позволяют сделать научно-теоретические обобщения. Связь «язык — история — культура» неразрывна. Нельзя постигнуть жизнь народа во всей глубине и широте, не зная языка. Язык же не раскроет всего своего богатства, заключенных в нем мыслей и чувств, если неизвестна его история и культура его народа — носителя этого языка. Нет языка вне жизни общества.

Художественная литература оказывается очень важным источником с т р а н о в е д ч е с к и х знаний. Важность литературных материалов в исследовании вопросов слова» особо выделял академик В. В. Виноградов. Специальные исследования посвятили литературным отношениям такие выдающиеся советские ученые, как В. М. Жирмунский, М. П. Алексеев и их ученики. Вот почему, в частности, поэт Евгений Винокуров так высоко оценил значение антологий, представляющих образцы поэтического творчества поэтов разных эпох. «Антология — это лицо поэзии данной нации. Но может получиться маска,

может — живой лик» («Литературная газета», 1965, 20 ноября).

В этой же статье поэт подчеркнул значение перевода. Статья символично названа «Окно в Россию». Слово, выбранное переводчиком, значит очень много. Оно действительно может стать «окном» в творчество поэта, писателя или, наоборот, закрыть вход в мир идей автора, в мир идей эпохи и страны. Так, в первом переводе на французский язык (1854) «Записки охотника» Тургенева назывались «Воспоминания русского дворянина, или Картины современной жизни дворянства и крестьян в русских провинциях». В Испании и Латинской Америке «Отцы и дети» Тургенева долгое время существовали как роман. «Нигилист», а «Бедные люди» Достоевского — как «Тайные трагедии». Такой вольный перевод искажал идею и характер произведения, ставил иные акценты.

Серьезное ознакомление с миром идей, историей и культурой России начинается с работ, подобных исследованиям французского писателя Проспера Мериме, его так называемой «литературной эмиграции» в Россию. П. Мериме, по словам Н. В. Гоголя, сумел «почувствовать и угадать дух славянский». В работах Е. П. Мартыновой, посвященных отражению русско-французских культурных связей во французском языке и литературе XIX века, собрано много интересных фактов и предпринята попытка их осмысления, сопоставления.

2

Остановимся на одном русском имени — И. С. Тургеневе, которому русские писатели от Пушкина до Гаршина обязаны своей известностью во Франции, Германии, Англии, США. Тургенев сделал все возможное, чтобы первый перевод на французский язык романа Льва Толстого «Война и мир» получил как можно большую известность и само произведение было оценено по достоинству. Непрестанную кипучую деятельность развивал писатель, популяризируя за рубежом скульптора Антокольского, художников Репина, Крамского, Верещагина, радовался успехам Куинджи и горевал, когда не смог познакомить Париж с его картиной «Ночь над Днепром».

Дом певицы Полины Виардо, друга Тургенева, был русским уголком на французской земле. Здесь звучала

русская речь, русская музыка — Глинка, Даргомыжский, Бородин, Кюи, Чайковский... русские стихи — Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Кольцов... Виардо была первой иностранной певицей, исполнившей романс Алябьева «Соловей» на слова Дельвига на русском языке. Виардо пела по-русски партии в операх Глинки и Даргомыжского во время гастролей в Петербурге и Москве, русские романсы. Известный музыкальный критик и писатель Ф. М. Толстой (псевдоним Ростислав) писал в журнале «Северная пчела» (13 апреля 1853 г.): «В романсе «Безумная, я все еще его люблю» кто не расслышал слов? Кто не понял простого, не вычурного, но глубокого истинного выражения этой музыкальной фразы! В песне «Душечка-девица» — с какой русской сноровкой очаровательная наша певица произносит нехитросплетенные стихи». Виардо и сама писала романсы на стихи русских поэтов, исполняла она их обычно в узком кругу друзей. Тургенев в одном из своих писем к поэту А. Фету сообщал (1863): «Г-жа Виардо положила на музыку «Шепот, робкое дыханье» и «Тихая звездная ночь». С тех пор прибавила она еще: «Я долго стоял неподвижно...». Музыка прелесть как хороша и, бог даст, будет издана в нынешнем году в России». Самый любимый романс Виардо — романс Чайковского «Нет, только тот, кто знал свиданья жажду».

Сохранились свидетельства современников о концертах Виардо. Один из них особо примечательный. Это был концерт «утро», организованный Тургеневым по просьбе русских эмигрантов-революционеров для сбора средств на открывшуюся в Париже русскую читальню (1875). Народоволец Г. А. Лопатин так писал о Виардо: «Она была старухой. Но когда она произносила «Я стражду», меня мороз по коже подирал, мурашки бегали по спине. Столько она вкладывала экспрессии. Ее глаза. Эти бледные впалые щеки. Надо было видеть публику» («Тургенев в воспоминаниях революционеров 70-х годов». М.— Л., 1930). Эти интересные сведения уже были изложены Н. Леонтьевским на страницах популярной печати («Русская речь», 1968, № 6).

Здесь мы представили только отдельные штрихи из жизни Тургенева и его друзей. Как же западные писатели оценивают Тургенева?

Ламартин: «Записки охотника» — это «заря» русской литературы, которая с помощью Тургенева «входит в

мир». Густав Флобер: Тургенев «уже давно для меня — учитель». Жорж Санд о «Записках охотника»: «Это — новый мир, в который вы позволили нам проникнуть: ни один исторический памятник не может раскрыть нам Россию лучше...» Ги де Мопассан: «Великий русский романист был одним из замечательнейших писателей настоящего столетия и в то же время человеком честнейшим, прямым, искреннейшим во всем». Мопассан называет себя учеником Тургенева. Анатоль Франс: Тургенев проявил в реалистической школе «пленительные и редкие качества», в «Записках охотника» «заставил заговорить целый мир, дал ему голос, форму, сущность». Андре Моруа: «Тургенев был учителем французских писателей, действовавших с 1860 по 1880 год».

Старейший университет Европы — Оксфордский — присвоил Тургеневу почетную степень доктора гражданского права. Это был первый романист, удостоенный Оксфордом этой почетной степени.

3

Три имени — Тургенев, Мериме, Виардо — это только несколько страниц из русско-европейских отношений. Но, как видим, их пронизывает идейное влияние. Конечно, культурным связям сопутствует «словарный обмен»: русский язык заимствует французские слова, французский — русские. Так в произведениях П. Мериме, посвященные русским и украинским событиям, вливаются русизмы и украинизмы, как бы придающие подлинность описываемому. Это:

1) военная и бытовая терминология, связанная с Запорожской Сечью, донским казачеством: *cosaque* (казак), *cosaque* (казакий), *un zaporogue* (запорожец), *zaporogue* (запорожский), *les haidamaks* (гайдамаки), *un hetman* (гетман), *la boulaava* (булава), *le bounchouk* (бунчук), *le kouréné* (курень), *la sotnia* (сотня), *un kroug* (круг), *un iéssaoul* (есаул), *une stanitzza* (станция).

История эпохи Петра обусловила русизмы: *un strélitz* (стрелец), *un oukase* (указ), *un hourra* (ура), *un polk* (полк), *un denchik* (денщик);

2) описание-характеристика разных социальных групп потребовало характерных слов: *un staroste* (староста), *un starchine* (старшина) и др., а также *le tsar* (царь), *la*

tsarine (царица), *la tsarevna* (царевна), *le tsarévitch* (царевич), *un barin* (барин), *un bourmistre* (бурмистр), *un velmoja* (вельможа), *un pravitel* (правитель) и др.;

3) возникла у Мериме потребность и в культовых словах: *un pope* (поп), *un raskolnik* (раскольник), *staroversti* (староверы), *un bousourmane* (басурман), *un poganoi* (поганый) и др.;

4) описание русской жизни и русского быта насыщается наименованиями жилища, бытовых предметов, средств транспорта, одежды и т. п.: *isba* (изба), *harmonica* (гармоника), *un samovar* (самовар), *poj* (нож), *pojik* (пожик), *chouba* (шуба), *des lapti* (лапти), *une touloupe* (тулуп), *un sarafan* (сарафан), *un cafetan — caftan* (кафтан), *un kakochnik* (кокошник), *assetrina* (осетрина), *brague* (брага), *des carassi* (караси), *cacha* (каша), *coruchka* (курочка), *kvass* (квас), *des riabtchik* (рябчик), *le tchi* (щи), *la vodka* (водка), *un briska* (бричка), *un drochki — droschki — drowschki* (дрожки), *kibitka* (кибитка), *des lodki* (лодки), *un tarantass* (тарантас), *le cogne* (конь), *une télégue* (телега), *une troika* (тройка), *kosa* (коза), *sobaka* (собака), *une zibeline* (соболь), *un kourgane* (курган), *le pole* (поле), *polevoi* (полевой), *une steppe* (степь), *steppeux* (степной) и др. Интересно включение обращений: *matouchka* (матушка), *batiouchka* (батюшка), слов *jena* (жена), *pobratimstvo* (побратимство), *molodietz* (молодец), *totchno molodietz* (точно молодец).

Интересны фразеологизмы, калькированные с русского языка на французский. Как правило, это были типичные для народной разговорной речи выражения: *mon père nourricier* — батюшка-кормилец, *la mer bleue* — синее море, *frapper la terre du front* — бить челом, *offrir le pain et le sel* — подносить хлеб-соль и др.

Эти и подобные русизмы, некоторые из которых были известны и до Мериме, входят в язык и других французских писателей. Их мы находим у Вольтера, А. Дюма. Список их может увеличиваться или уменьшаться. Французские словари с течением времени отмечали все большее и большее число русизмов. В словаре Французской Академии (1835) принято только 20 слов русского и украинского происхождения: *cozaque* (казак), *hetman* (гетман), *hospodar* (господарь), *hourra* (ура), *kabak* (кабак), *knout* (кнут), *kopeck* (копейка), *mamouth* (мамонт), *pope* (поп), *rouble* (рубль), *roussi* (русский), *sable* (сабля), *staroste* (староста), *steppe* (степь), *strélitz* (стрелец), *tsar* (царь),

oukase (указ), *vayvode* (воевода), *verste* (верста), *zibeline* (соболь). Словарь Литтре — Божана (Littré — Beaujean) отметил 26 слов (10-е изд., 1910). Словарь Анфельда, Дармстетера и Тома (A. Hatzfeld, A. Darmesteter et A. Thomas) — 36 слов (1926), словарь Рудольфа Мосса (Rudolf Mosse) — 112 слов, из которых 78 — собственные имена (1926), словарь Ларусса (Larousse) — 148 слов (1878), а двухтомник Ларусса (1937) — 200 слов,

не считая их производных и собственных имен (всего свыше 600).

Однако в этих известных французских словарях фиксируется много слов устарелых, архаизмов и историзмов, имеющих ограниченное функционирование в современном русском языке или вышедших из активного речевого оборота: *ataman* (атаман), *archine* (аршин), *boyard* (боярин), *hetman* (гетман), *kokochnik* (кокошник), *moujik* (мужик), *raskolnik* (раскольник), *sletche* (сечь), *strélitz* (стрелец), *tsar* (царь), *tsarine* (царица) и некоторые другие.

Любопытно толкование некоторых слов, напоминающее фантастические рассказы. Так, слово *cosaque* в зависимости от произношения — *казак* или *косак* — вводится то к *коза* 'проворный, быстрый в передвижении, как коза', то к *коса* 'живущий на косе, берегу реки', а также *коса* от 'косить косой' и 'пользоваться ею в битве'. П. Мериме подходит к истине, к заимствованию из турецкого: *cosaque* 'воин, который ведет войну за свой счет'.

Во французском языке, как показывают многочисленные исследования советского ученого М. П. Алексева, особенно повезло нескольким словам, например слову *телега*. Французский поэт Поль Жюльвенкур воспел русскую телегу и быструю езду в «Песенке русского кучера» (сб. «Зимние цветы», 1842), которую так и назвал «Телега», однако почему-то изменив род существительного на мужской — *le Teleg* (артикл *le* мужского рода).

Заглавие снабжено такой интересной ссылкой: «*Charette russe à quatre roues. — Équipage ordinaire de courrier*» [Русская повозка о четырех колесах. — Обычный почтовый экипаж].

Ah, quel beau temps pour le voyage.
 Dans mon *teleg* qui veut courir...
 J'ai trois chevaux dont le pied vole
 Et qui n'ont pas pour de lutin,
 Ne connaissant que ma parole
 Et la clochette tin, tin, tin...
 [Ах, какое прекрасное время для путешествия!
 В «моем телеге», который стремится бежать...
 У меня три лошади, ноги которых летят,
 Хотя нет ничего для их резвости,
 Кроме моего слова
 И звона колокольчика динь, динь, динь...]

Слово *телега* уже как существительное женского рода в различной транскрипции встречается и у других французских писателей, например у Т. Готье в его «Путешествии по России». Знал это слово и Гюстав Флобер. Так, в письме к И. С. Тургеневу он писал: «... vos scènes de la vie russe me donne envie d'être secoué en *télegue* au milieu des champs couverts de neige...» [...ваши сцены из русской жизни возбуждают у меня желание потрясти на телеге по полям, покрытым снегом...]. Заметим, знание русских реалий, в том числе и популярной телеги, еще столь недостаточно, что телега соединяется с полями, покрытыми снегом. В русском же обычае в это время года телегу сменяют сани.

В эпоху интенсивного развития литературных языков, когда возникает интерес к семантике слова, чужие слова привлекают внимание уже не только как названия определенных вещей или понятий. Подобные слова осмысливаются и употребляются в эмоционально-выразительном или даже в философском плане. Заимствованные слова как бы поражали своей семантической емкостью, множеством оттенков значения, становились модными. В XIX веке своеобразное турне совершило ставшее модным слово *ничего*. Поль Дерулед, в свое время популярный французский автор солдатских песен — «*Chant du soldat*», попытался даже истолковать русское слово *ничего* в особом национально-философском смысле в стихотворении, так и названном «*Nitchewo*». Но русский писатель Н. С. Лесков остроумно посмеялся над этой модой на слово *ничего* и стремлением придать ему экзотический привкус и национально-психологическую глубину.

Изучение языковых контактов, взаимовлияний одного языка на другие вновь стало привлекать внимание ученых. Раньше проблема языковых заимствований и влияний обычно ограничивалась историей отдельных слов. Подобное изучение языка часто бывает оторвано от истории и жизни народа. Возникают ошибочные или курьезные толкования, пояснения слов и выражений, лишённые общественного содержания. Вот несколько таких лингвострановедческих недоразумений. В своей «Истории России» А. Ламартин истолковал обращение *sdrastvoustie rebeti* 'здравствуйте, ребята' как *bonjour, mes enfants*, т. е. 'добрый день (здравствуйте), мои дети'. Теофиль Готье, описывая в романе «Путешествие в Россию» некоторые русские реалии, был уверен, что *troïka* 'тройка' — это сани. Он полагался на свои собственные беглые впечатления. Видел же Т. Готье Россию только зимой.

Ошибки возникали в переводах, казалось бы, буквально точных, но не передававших оттенки значений слов и словосочетаний, которые складывались под воздействием русского быта.

Нередки были и такие дословно точные переводы на английский язык из Достоевского: самовар раздували — *blew up their samovar*, ходил в кафтане — *still wore a kaftan* или весьма приблизительные замены с утратой национальных признаков социально окрашенного слова: *три радужные бумажки* заменяются на *three hundred-rouble notes*, образ цветных бумажек ничего не сказал бы англичанину о достоинстве денежных знаков, так как нет таковых в английском обиходе. *Барчонок* — это не совсем то, что означает сочетание *one young gentleman*, исчезает оттенок изнеженности, избалованности. *Вторая супруга* в переводе *second wife* превращается во *вторую жену*, теряя оттенок претенциозной уважительности. *Русская уха* едва угадывается в непонятном для русского обихода *fish-soup* 'рыбный суп'. Главное заключено, разумеется, в умении передать идейный мир Достоевского, его гуманизм, прославление человека.

Известные трудности представляют типично русские, народные обращения *батюшка*, *матушка*. В переводах (Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев), например, на английский язык появлялись малопонятные *Little Father* и *Little Mother* — 'маленький отец' и 'маленькая мать'. Переводчиками улавливалось одно значение уменьшительного

суффикса *-ушк-*, но не весь смысл слова-обращения (почтительный, ласковый).

Но дело не в ошибках — развесистых клюквах, как принято называть подобные несуразности, порождаемые незнанием или русского языка, или русской страны, или истории, культуры, быта народа. Важно, что русское слово все же проникло в другие языки как следствие общения народов, их взаимосвязи и взаимовлияния.

Каждое слово входит в текст определенным звеном, слова составляют единую цепь, создают национальный колорит (*самовар, кафтан*). Каждое такое слово само по себе и не составит особой информации, но вместе с другими словами в контексте оно превращается в нужную деталь, примету, позволяет найти точку опоры в описании чужого мира и восприятии этого описания. Итак, всячески подчеркивая идейную важность художественного произведения и адекватность его перевода, правильно оценим и роль заимствованных слов-русизмов, очерчивающих контуры национальной жизни.

4

Мы уже говорили о роли отдельных писателей и ученых, об их взглядах на язык, на слово в общении и взаимопонимании людей. Проследим теперь практическую работу одного писателя в приобщении своего народа к русской жизни, истории, культуре с помощью русского слова, вплетаемого в повествование о нашей стране.

Но прежде чем перейти к рассказу о франко-русских языковых контактах в репортажах, очерках, рассказах Поля Вайяна-Кутюрье, т. е. о его литературной деятельности, мы хотели бы подчеркнуть значение языка публицистики, общественно-политической лексики в языковых «встречах». Уже положено начало иной оценке публицистической — газетной и журнальной — литературы в формировании национальных литературных языков. В этом процессе обычно признавалась почти единственной роль художественной литературы, писателей. Но если и в пределах формирования национального литературного языка нельзя обходить язык деловой и публицистический, то в международных контактах он выдвигается на передовые позиции.

А теперь конкретный пример. Поль Вайян-Кутюрье (1892—1937) — известный французский писатель и общественный деятель, один из основателей Французской коммунистической партии (1920), член ее ЦК, главный редактор французской коммунистической газеты «L'Humanité». Особую известность приобрели его книги о Советском Союзе — «Месяц в Красной Москве» («Un mois dans Moscou de la rouge», 1925) и «Строители новой жизни» («Les bâtisseurs de la vie nouvelle», 1932). Исследования Е. П. Мартыановой о лексике русского происхождения в литературном наследии П. Вайяна-Кутюрье позволяют оценить его деятельность и как популяризатора русского языка во всем его разнообразии и богатстве.

Русская лексика во французских текстах П. Вайяна-Кутюрье — это не только и не столько местный экзотический колорит, это существенные детали, помогающие конкретно представить жизнь советского народа, Советской страны. Вот почему автор не избегает уже известных русизмов, которые позволяют наглядно представить историю, традиционно сложившийся быт. Ср.: *tsar* (царь), *tsarine* (царица), *tsarévitch* (царевич), *tsarisme* (царизм), *pomietchik* (помещик), *ataman* (атаман), *moujik* (мужик), *baba* (баба), *ribiata* (ребята), *isvoschik* — *izvotchik* (извозчик). Ряд старых слов помогает обрисовать общественно-политическое состояние России дооктябрьского периода — *dékabriste* (декабрист), *douma* (дума) и др. Описывая быт многонационального советского народа, П. Вайян-Кутюрье привлекает не только русизмы, но и характерные наименования, хотя и немногочисленные, из украинского, грузинского, узбекского и других языков братских народов Советского Союза.

Представить географическую картину Советской страны помогают безэквивалентные термины: *tchernoziom* (чернозем), *kourgan* (курган), *steppe* (степь), *taïga* (тайга), *toundra* (тундра), *bourane* (буран) и др. Но уже и в эту традиционную локально-географическую лексику врываются новые сочетания; сложившиеся в советскую эпоху, например эмоциональное наименование *золотая тайга* — *la taïga d'or*. Эффекту непосредственного присутствия, а следовательно, достоверности, доходчивости служат и обозначения лиц по национальности, названия городов и местностей: *Russe* (Русь), *Russien* (Россия), *Moscovite* (Московия), *Sibirren* (Сибирь), *Ukrainien* (Ук-

раина), *Ouzbek* (Узбекистан), *Ossétine* (Осетия), соответственно: *un Ukraï-nien* — украинец, *ukrainien* — украинский, *l'ukrainien* — украинский язык. Ср. и такие ряды слов, связанные с бытом, домашним укладом, обычаями, традиционными одеждами и столом русского и других народов Советского Союза: *copeak* — *kopek* (копейка), *rouble* (рубль), *poud* (пуд), *kibitka* (кибитка), *tarantass* (тарантас), *téléga* (телега), *isba* (изба), *khoutor* (хутор), *stanitzza* (станица), *tamada* (тамада из грузинск. *tamadoba*, распорядитель праздничного стола), *djiguite* (тюркск. джигит, искусный, ловкий наездник на Кавказе) и производное *djiguitovka* (джигитовка), *dekhan* (перс. *dehgan* — дехканин, крестьянин в Узбекистане и Туркмении), *un arik* (тюркск. *arog* — арык, оросительная канава, источник воды), *les djairan* (*gazelle* — джейран), *aoul* (тюркск. *аул*, селение у кавказских горцев), *kichlak* (кишлак — селение в Средней Азии), *astracan* (каракуль), *laptis* (лапти), *touloupe* (тулуп), *kakoschuk* (т. е. *kakochnik* — кокошник), *balalaïka* (балалайка) и производное (калька) — *balalaikiste* (балалаечник), *borsch* — *bortch* (борщ), *kacha* (каша), *kipiatok* (кипяток), *kissel* (кисель), *kleb* (хлеб), *kvass* — *kwass* (квас), *vodka* (водка), *samovar* (самовар) и др.

Почти все эти слова были уже известны во французской литературе со времен французского писателя П. Мериме (XIX в.). Однако это была экзотическая лексика, не имевшая активного хождения на французской почве. Старые слова для П. Вайяна-Кутюрье были часто и неизвестными, поэтому и воспринимает он их не всегда достаточно точно, но не сосредоточивает на них внимания только как на экзотических деталях (ср.: *kakoschuk* — кокошник). Эти старые слова активно существуют в речевом обороте. П. Вайян-Кутюрье сопровождает их толкованием или пространным объяснением. Слово *каша* поясняет французским синонимом *le gruau*, *квас* поясняет как 'нечто вроде пива, сделанного из хлеба', а слово *борщ* сопровождает кулинарным рецептом.

Так отношение к старым, известным, казалось бы, во французском языке русским словам вносит новую диф-

ференциацию в эту заимствованную лексику, делит ее на историзмы-экзотизмы и живые обиходные слова.

Но основную группу слов русского происхождения в журналистской практике П. Вайяна-Кутюрье составляют неологизмы-советизмы: новые переосмысления старых слов и новые слова — наименования новых реалий и явлений. Они подталкивают к таким же переосмыслениям слова — этимологические аналоги во французском языке. П. Вайян-Кутюрье сообщает в определенных контекстах французскому слову *culture* значение русского слова *культура*. Обратим внимание на взаимоскрещение и взаимообогащение французского и русского словаря.

5

Слово *культура* — по происхождению латинское — известно французскому языку уже в 1521 году, но его избегали как латинизма и заменяли словом *labour*. Впоследствии, в XVI—XVII веках, все же распространяются сочетания со словом *cultura* (однако в сочинениях, написанных на латинском языке), значение которого всякий раз уточнено и ограничено определением: *cultura juris* 'выработка правил просвещения', *cultura scientiae* 'приобретение знаний, опытности', *cultura litterarum* 'совершенствование письменности', *cultura linguae* 'совершенствование языка'. Как бы создаются условия для возникновения самостоятельного слова *culture* со значением 'культура вообще', и в XVIII веке этот процесс завершается, и не только в латинском языке, но и во многих живых европейских языках. В русском языке слово *культура* впервые фиксируется в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» Н. Кириллова (1845—1846), но его еще нет ни у Добролюбова, ни у Писарева, ни у Чернышевского. По-прежнему в русском языке в этом же значении функционировали слова *образование*, *просвещение*, *духовная жизнь* и не впускали в свой круг новое заимствованное слово *культура*. Примечательно, что еще в 1853 году слово *культура* попало как ненужное в «Памятный листок ошибок в русском языке» Ивана Покровского, опубликованный в «Москвитянине» (1853, № 17, с. 13). Но уже к 90-м годам изгоняемое слово *культура* получает широкое употребление. А В. Даль зарегистрировал его уже в

первом издании своего «Толкового словаря» (1863—1866): «*Культура* — обработка и уход, возделывание, возделка; образование умственное и нравственное».

Однако в русском языке слова *культура* и *культурный* наряду со своим основным обобщенным значением употребляются и в значении первоначальном — ‘обработанный’. Так, *агрикультурный* и *культурный* могут быть абсолютными синонимами. Во французском языке теперь уже под влиянием русского слова *культура* расширяются объем значения и возможности употребления *culture* — *culturelle*. Ср.: ...ils savent organiser la lutte *culturelle* [они умеют организовать борьбу за культуру] или ...ils prouvent leur attachement aux traditions *culturelles* de la France [они доказывают свою приверженность культурным традициям Франции].

П. Вайян-Кутюрье создает и глагол *se cultiver* — возвратный, без дополнения, что меняло грамматический облик обычной для французского языка формы глагола *cultiver*. Такая грамматическая перестройка глагола потребовалась для образования французского соответствия русским выражениям *расти*, *повышать культурный уровень* (L'armée rouge lui dit: «Comprends, étudie, *cultive-toi*» [Красная Армия говорит ему: «Пойми, учись, повышай свой культурный уровень»]).

Так взаимодействие двух языков вело к взаимному обогащению.

Еще один пример семантического обогащения под влиянием другого языка. Слово *massif* означает ‘массивный, плотный, цельный, грубый, тяжелый, тугой’, но теперь оно приобрело еще и русифицированное значение ‘массовый’: ...la victoire *massive* du travail intelligent [массовая победа разумного труда].

Возьмем еще два примера, казалось бы, неожиданных осмыслений во французском языке, но вполне закономерных, если сопоставить русский и французский языки, признать необходимость языковых контактов как следствие дружественных отношений между народами.

Французский академический словарь (1694) фиксирует слово *activement* как грамматический термин; в эпоху французской революции оно получает значение ‘энергично’. Однокоренное же слово *actif* существует и по сей день как коммерческий термин или как определение, означающее ‘деятельный, действующий’. Это последнее зна-

чение связано с формированием политической терминологии во время французской революции 1791 года, когда было установлено различие между тем, кто имел право избирать и быть избранным — *citoyen actif*, и тем, кто имел право только избирать — *citoyen passif*, что породило выражения *voix active* 'активный голос' и *voix passive* 'пассивный голос'. Новое политическое значение у слова *actif* 'актив' возникает как калька советизма *актив*, оно поддерживается словом *активист* — *activiste*, а также сочетаниями-советизмами *бюро актива* — *le Bureau Actif*, *актив Советов* — *l'actif des Soviets*, *партийный актив* — *l'actif du Parti*. В этом плане интересно и калькирование русского выражения *взять на буксир* 'помочь'. От внимательного взгляда П. Вайяна-Кутюрье не ускользает это новое осмысление чисто терминологического сочетания. Заимствованный из немецкого языка термин *Buchse* 'буксир' получает в русском языке новую жизнь. Во французском языке этому новому переносному значению 'помочь' соответствует *remorquer*.

Интересна история словосочетания-кальки *le tribunal de camarades* 'товарищеский суд'. П. Вайян-Кутюрье, употребляя это сочетание, брал его в кавычки. Чем объяснить необычность этого сочетания для французского языка? Слово *tribunal* — суд — юридический термин, слово же *camarade* — товарищ, друг — выражает дружеские отношения на основе равенства. Сочетание *товарищеский суд* отражает новые формы социалистического строя, поэтому его французский эквивалент *le tribunal de camarades* воспринимается как новое понятие и яркий советизм.

Новые сочетания, родившиеся в русском языке в советскую эпоху, не находят прямых эквивалентов в других языках и обуславливают кальки: *стенная газета* — *le journal mural*, *ударная работа* — *le travail de choc*. Но, стремясь передать выразительность, новизну и эмоциональность советизма, П. Вайян-Кутюрье в некоторых случаях транслитерирует русское слово *ударник*, сохраняет выразительность синтаксического оборота *ударник из ударников* — *l'oudarnik des oudarniks* или создает сам такое эмоционально насыщенное сочетание: *l'armée victorieuse des oudarniks* 'победоносная армия ударников'.

Русский функционально-деловой язык входит в публикации П. Вайяна-Кутюрье рядом широко распростра-

ненных терминов: *pogranitchniki* (пограничники), *tracto-riste* (франц. *tracteur* 'тракторист'), *spetz* (от *spécialiste* 'опытный, знающий свою специальность сотрудник') и др. Как приметы эпохи — ее вкусов, моды — вкраплены в текст информации такие русские слова, как *мажорка* — *makhorka*, *напирсы* — *papiruse* (*papirassi*), *платок* — *platok*, *рубашка* — *roubachka*. Последнее слово пояснялось — *blouse russe* 'русская блуза', а популярная тогда *толстовка* толковалась — *la rouchachka de Tolstoï*. 'рубашка Толстого'.

Как видим, роль публициста в укреплении языковых контактов может быть весьма значительной. Массовая печать, предназначенная для самого широкого круга читателей, вместе с новой информацией выносит на страницы газет и журналов «слова-идеи», «слова-реалии», связанные с жизнью народов Страны Советов.

6

Русизмы и советизмы становятся словами, хотя и своеобразно, иногда с трудом произносимыми, но возможными уже в разговорном языке французов, англичан, немцев... Вот один эпизод из путевых заметок советских журналистов «В гостях у доброго короля Рене» (Чежегова И., Донской М. — «Новый мир», 1975, № 9): «Атмосфера вечера почти семейная. Нам тепло пожимают руки, приветливо улыбаются, задают вопросы, на которые не всегда легко ответить. Когда снова приедут на гастроли «Берноска» и Ритте (лишь ценой отчаянного интеллектуального напряжения улавливаем, что речь идет о Святославе Рихтере)... В программе камерная музыка — «Мозар» и «Эндель», «Бетовен» и Франк, Равель и «Кабалевски»... В антракте опять знакомства, рукопожатия, улыбки. Новые знакомые выбирают темы для бесед, наиболее интересные, по их мнению, для русских гостей. Этот — преподаватель древних языков в лицее, большой любитель русской музыки, особенно Мусоргского... Тот — врач, отсидевший более года в Дахау и научившийся там нескольким русским словам. Тот — дантист, его дедушка был когда-то в Сибири и ездил на... как это... ах, да — «тарантас»! Иногда вопросы и замечания наших собеседников заставляют нас внутренне улыбаться, ибо напоминают нам милого Александра

Дюма-отца с его «развесистой клюквой»; но в своей наивности они столь учтивы, деликатны и полны доброжелательного интереса! Будем к тому же справедливы: «клюква» в основном относится к истории и этнографии старой России; о жизни Советского Союза французский обыватель имеет все же не анекдотическое представление. Есть французы и по-настоящему знающие и любящие нашу страну.

Наблюдается тяга ко всему русскому — науке, искусству, бытовым традициям. Вот примечательное сообщение из сборника репортажей «В 2017 году...». Сборник этот создается по инициативе АПН, а репортажи ведут ученые, государственные и политические деятели, писатели и журналисты. «Сарафаны и скафандры?.. Известно, каким успехом уже несколько лет пользуется во всем мире «русская мода». Витрины модных салонов Рима, Лондона, Нью-Йорка, непременно обновляемые к началу сезона, тем не менее год за годом неизменно рекламируют модели так называемых «боярских шапочек», платьев «а-ля-душегрейка», расписных павлово-посадских шалей. И это не случайный каприз: русский народный костюм таит в себе так много богатых идей... невольно вспоминаешь слова руководительницы парижской фирмы моды мадам Симонетты, которая, проведя две недели в московских музеях, так сформулировала итог своих впечатлений: «Ощущение, что ходишь по золотым россыпям...» («Комсомольская правда», 1969, 7 марта). А в результате во многие языки мира вошли слова из русского языка: *сарафан*, *сапоги* (франц. *сапоки*), *папаха* и многие другие.

Во многих странах организуются кружки, изучающие русский язык и литературу, русскую музыку, русские народные танцы. Любопытны их названия. Они носят не только обобщенное название «русский клуб», но и имеют «собственные имена». Так, в Лондоне существует «*The Balalaika Dance groupe*» «Танцевальная группа «Балалайка»».

Входят в разговорный обиход многих народов номенклатурные знаки — названия советских машин — сельскохозяйственных, грузовых и легковых автомашин, холодильников и т. п. Вот несколько примеров. «*Беларусь* на полях Ирландии» («Литературная газета», 1977, 9 февраля). Машины с маркой «Сделано в СССР» пользуются в Ирландии большим спросом. Успешно конкури-

рует здесь со многими западными моделями и холодильником «Бирюса». Популярны наша мебель, охотничьи ружья, игрушки.

Еще один пример движения советской продукции за рубежом и движения вместе с «вещью» ее наименования. «*Лада* на дорогах Suomi» («Известия», 1977, 6 апреля). Популярность советских машин столь велика, что к 1977 году (как было подсчитано) каждый пятнадцатый автомобиль, передвигающийся по дорогам Финляндии, советского производства. Особенной популярностью пользуются наши «*Жигули*», которые в Финляндии, как и в других странах, называются «*Лада*».

Движение советской продукции — это не только экономическое, торговое явление, оно имеет прямую связь с политическим состоянием той или иной страны. «Меня убеждали: русские «слишком красные», а ты «слишком католик». И потому бизнес вряд ли получится» — это слова главы одной из ирландских фирм («Литературная газета», 1977, 9 февраля).

Русские слова — номенклатурные знаки-названия («*Беларусь*», «*Лада*», «*Бирюса*»), вошедшие в чужой речевой обиход, — свидетельствуют о растущих международных контактах, взаимопонимании, авторитете нашей страны.

Многие русские слова, давно известные как экзотизмы, переживают как бы новую волну осмысления и начинают новую жизнь в чужом языке. Мы уже знаем, что в советскую эпоху интерес к жизни нашей страны потребовал толкования многих слов. Постигая значение ранее известных русизмов-экзотизмов через слово, читатель знакомился с нашей жизнью. П. Вайян-Кутюрье и многие другие писатели, журналисты прибегали к этому способу, добивались «эффекта присутствия» в своих описаниях нашей жизни во всех ее больших и малых проявлениях.

Ныне многие «вещи», представляющие нашу страну, существуют уже в чужом быту, их имена не экзотизмы, а связаны с конкретными представлениями, с определенным предметом: «*Беларусь*», «*Лада*», «*Бирюса*».

В повседневный быт входят названия определенных кушаний, рецепт которых уже хорошо известен. Они входят в число разнообразных наименований, теряя былую экзотичность. В берлинских булочных, как и в других городах ГДР, в ежедневной продаже «*Moskauer*

Brot «московский хлеб», выпекаемый по специальному рецепту Московского хлебозавода № 12. Специальная упаковка и рекламные данные сообщают об этом покупателю. Вкусовые качества и удобная фасовка делают «*Moskauer Brot*» достаточно популярным, а сочетание слов *moskauer* «московский» и *Brot* «хлеб» уже обычным.

Новая жизнь социалистических стран ввела в речевой оборот слова *der Udarnik* «ударник», *das Aktiv* «актив» в значении «руководящая группа людей, доверенных лиц на производстве, в профсоюзе и т. п.», *der Agitpunkt* «агитпункт», *das Orgburo* «оргбюро», *der Aspirant* «аспирант» и др. Среди этих заимствований из русского языка мы видим нерусские по своему происхождению слова (*актив*, *аспирант* — латинизмы, *агитпункт*, *оргбюро* — сложные слова, первое из латинских, а второе из французских слов). Но современное осмысление и само образование сложных слов произошло в русском языке, и, как мы уже знаем, подобные слова воспринимаются как русизмы-советизмы.

Примечательно восприятие русских наименований, восприятие значений переносных, метафорических. Можно сказать, что заимствуется сама метафора, образ, родившийся в русском языке. Ср.: *молния* — «газета», «стенгазета». Название это возникло как отражение оперативности в информации о событиях дня. Метафора была воспринята, например, чешским языком: чешское слово *bleskovka* «молния» обогащается значением *bleskovka* «молния, о газете».

Интересны заимствования, в которых наблюдается своеобразное сочетание чужого элемента и своего, представляющего семантическую опору — пояснение. Такое, можно сказать, тавтологическое сочетание (сочетание двух эквивалентных слов — чужого и своего) создает развернутое наименование, которое легко усваивается как новое, но вполне понятное имя. Например, немецкий неологизм *Jolka-Fest* «праздник елки». По-русски слово *елка* в определенных контекстах имеет значение «праздник елки» и не требует пояснений (*дети идут на елку* и т. п.). Заимствованное в немецкий язык слово *елка* в этом значении требует пояснения, заменяющего страноведческий фон, сложившийся в русской традиции.

Газеты, реклама популяризируют определенные наименования, помогают им вживаться в новой языковой

среде: The second section of the *Druzhba* oil pipeline ... (1971, Novosti Press Agency Publishing House, Moscow) [Вторая секция нефтепровода «Дружба» ...]. Слово *дружба* входит в английский текст без перевода хотя и как собственное имя, но с открытой внутренней формой-значением. Не требуют уже пояснений и русизмы, внутренняя форма которых скрыта. Так, в английской газете «Morning Star» читаем: *Matrioshkas*. Morning Star International Bazaar («Morning Star», 1974, 29 ноября). Такого рода объявления уже рассчитаны на осведомленность читателя: *Matrioshkas* на праздничном *bazaar'e*, посвященном газете «Morning Star», уже, следовательно, явление знакомое, известное слово-имя уже соединено с определенной реальией. Как дань, как признание русского балета сочетание *Bolshoi Ballet* обошло многие языки мира без перевода. *Boris Akimov. Bolshoi Ballet dancer* [Борис Акимов. Танцовщик Большого балета] — гласили английские афиши («Moscow News», 1974, 14 декабря); «Звезды Большого» — так говорили в США во время гастролей нашего Большого театра в 1968 году. Вот несколько строк информации из «Сатердей ревью», Нью-Йорк: «В русском языке слово «большой» означает как «значительный по размеру», так и «значительный вообще, великолепный». И балет Большого театра СССР, как американские зрители сами могли убедиться во время предыдущих гастролей в США этой многочисленной и первоклассной труппы из столицы Советского Союза, является действительно большим и великолепным. В этом сезоне балетная труппа Большого театра — на этот раз не столь большая, но не менее великолепная — снова побывала у нас. Ее спектакли проходили в здании нью-йоркской «Метрополитен-опера» с 21 мая по 15 июня. Слово «большой» с того самого времени, когда советская труппа впервые побывала на нашем континенте, стало частью лексикона, характеризующего наш собственный мир танца» (см. «За рубежом», 1968, № 29). Такие свидетельства не единичны.

Американские газеты, когда писали о советском балете, называли одно слово — *Большой*. Оно вмещало значение всех сочетаний: Большой театр, балет Большого театра, артисты Советского Союза, советский балет. «Не ходите на спектакли, — предупреждал американских телезрителей комментатор последних известий, — если не хотите испортиться на всю жизнь. После *Большого* вы не сможете смотреть ни на что...» «*Большой* (это слово значит великий) является лучшим средством, расплавляющим лед холодной войны. Жаль, что весь мир не может быть согрет его лучами» («Советская культура», 1968, 13 июля).

Суммируя впечатления от гастролей Большого театра СССР, французская газета «*Ла Круа*» писала: «Есть одно слово, которое надо кричать *Большому* в заключение: спасибо!» В это же время президент парижского литературно-артистического агентства по культурному обмену подвел такой итог: «Мы не сомневались, что четвертые гастроли Большого театра во Франции будут успешными,

но успех превзошел все наши ожидания. *Большой балет* — прекрасное украшение советского искусства» («Известия», 1977, 26 апреля).

Примечательно, что жизнь слова *Большой* за рубежом оказала влияние на русское сочетание, как бы расчленив его на две составляющие части: *Большой театр* — *Bolshoi Ballet* — *Большой балет* — *Большая опера*. Ср.: «В этом сезоне *Большая опера* покажет своим друзьям новинки» («Советская культура», 1968, 31 августа).

Как видим, русизмы уже обычны на страницах газет, они возникают в рекламных объявлениях и афишах (ср.: *Matrioshkas* или *Bolshoi Ballet dancer*). Русское слово уже рассчитано на массовое восприятие и уже не требует пояснений.

Знаменательно, что русские слова входят в детский язык как символ интернационализма, дружбы детей всего мира. Вот, например, слово *Matrjoschka* означает для немецких детей из ГДР вполне определенную веселую игрушку — как бы подарок советских детей. Она входит в немецкие игры немецких детей: Was ist bei der *Matrjoschka* so ähnlich wie beim Krohino? [Что общего у Матрешки и у Крохино?]. Русские слова *дружба*, *солнце*, *мама* — *Drushba*, *Sonce*, *Mama* — ключевые слова в одной популярной песенке-игре немецкой детворы:

Wir fahrn in die Sowjetunion...
Wer «*Drushba*» sagen kann, darf mit...
«*Drushba*, *Drushba*.» Steigt mit ein.
Freundschaft sagen. Freunde sein,
Ja, das ist fein...

[Мы едем в Советский Союз,
Мы говорим «Дружба», хотите поехать с нами?
«Дружба, дружба!» — пойте с нами.
Дружба говорить — в дружбе быть.
Это очень хорошо...]

Wer «*Sonce*» sagen kann, darf mit,
der ist auch groß genug.
«*Sonce*, *Sonce*.» Steigt mit ein.
Sonne sagen. Freunde sein,
ja, das ist fein...
Wer «*Mama*» sagen kann, darf mit...

Alescha

Filja

Katja

Burattino

[Мы «солнце» говорим, говорите с нами. Солнца хватит на всех. «Солнце, солнце!» — пойте с нами. Солнце говорить — друзьями быть. Это очень хорошо... Кто «мама» говорит, к нам скорее...]

Дети усваивают значение и звуковой облик слов, хотя и несколько трансформированный под влиянием родного языка. Ср. звонкий *s* в *sonce* 'солнце' в русском произношении [сѡнцѣ].

Популярны имена героев русских сказок, детских мультипликационных фильмов: *Алеша*, *Ерошка*, *Филя*, *Катя*, *Тим*, *Буратино*. Их имена и изображения-«портреты» входят в многочисленные детские книжки, календари-дневники. Это любимые персонажи игр-импровизаций.

Примечательно и название пионерского журнала «*Mit Drushba Pioniere*» 'С пионерской дружбой'. В этом журнале популяризируются марши «Звездочки», придуманные советскими пионерами: «*Auf zum Sternmarsch!*» Немецкие пионеры знакомятся с делами советских пионеров, пионерским летом — отдыхом и занятиями-играми детей, которые готовятся стать достойной сменой старшему поколению.

Вкрапляется ли русское слово в чужую речь как экзотизм или органично в нее вживается, оно несет не только определенную информацию о называемой реалии, но и неизбежно свидетельствует, хотя и в разной степени, об осведомленности самого говорящего в русском языке, в русской науке, в русском искусстве, в русской жизни. И чем точнее и шире известно значение заимствованного слова, тем точнее и шире осведомленность говорящего

и о языке-источнике заимствования, и о народе-носителе данного языка. Эта прямая зависимость обусловлена способностью слова отражать жизнь общества, его идеологию, культуру, быт.

Интерес ко всему русскому, как мы могли видеть, сказывается в самых различных языковых заимствованиях, интернационализации разнообразных русизмов и советизмов, проявляется в самых различных языковых сферах, захватывает разные области человеческого общения: от языка книги до обиходного языка, бытовой повседневной речи.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В книге, посвященной русскому слову в языках мира, автор стремился показать, как русское слово входит в языки мира сначала как непривычное название («слово-вещь»), несет, казалось бы, скромную информацию о жизни и быте своего народа. Но за «словами-вещами» идут «слова-идеи». Заимствованные слова — разошедшиеся по всему миру русизмы — это вехи на пути развития международных контактов, бакены, отмечающие фарватер в движении русской культуры, науки, передовой мысли.

Контакты между народами ведут к языковым связям, что обуславливает лексические (словесные) взаимопроизношения. Количественное накопление заимствованных слов дает увеличение словаря, но это еще только начало обогащения языка. Подлинное же обогащение словаря начинается тогда, когда слово осмысливается на широком культурно-историческом фоне, воспринимается как отражение дел и помыслов народа.

Если перефразировать слова Анатоля Франса: «Словарь — это вселенная, уложенная в алфавитном порядке», то можно сказать, что ряды заимствованных слов, расположенные во временной последовательности, — это летопись роста страны, роста ее международного престижа, ее политического, культурного и научно-технического потенциала; сравним ряд *сарафан, семга, квас, мед, тройка, телега* с другим рядом: *декабрист, народник, интеллигенция* и, наконец, совсем с иным рядом: *Советы, Ленин,*

ленинизм, колхоз, совхоз, трудовень, спутник, лунник, луноход, мягкая посадка, необратимая разрядка. В процессе проникновения русских слов в языки мира можно выделить три этапа: 1) до Петра I, 2) от Петра I до предреволюционной поры и 3) период от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Менялся не только характер заимствований, но и их функция в заимствующем языке: от русизма — номенклатурного знака в деловом торговом документе: *соболь, мед* или экзотизма — отличительного знака чужой жизни: *тройка, лапти, самовар, чай, щи* — до слов, входящих в словарный состав любого языка: *советский, колхоз, совхоз, герой труда, трудовень, красный, лесополоса, шагающий экскаватор, ракета, спутник, лунник*. Жизнь Страны Советов обусловила жизнь русского слова в языках мира.

Путешествуя по Стране Советов, известный словацкий писатель Петер Илемницкий заметил: «Слова *кашмир, дамск, кофе-мокко, слоновая кость* в моем сознании были тесно связаны с представлениями о Сирии, Аравии, Береге Слоновой Кости...» Русские слова *самовар, телега, матрешка* национальны и тоже вызывают определенные картины из русского быта. Но уже ни одно из этих слов нельзя назвать ни в какой мере характерным для нашей страны. Они принадлежат истории. К л ю ч е в ы е слова нашей эпохи — *Октябрь, Советы, красный, спутник, лунник, разрядка*. Одновременно эти же ключевые слова интернациональны: они и представляют свою страну, и служат всему человечеству.

Процесс заимствования слов из разных языков разными языками — процесс живой и никогда не прекращающийся. Не прекращается и движение русского слова в другие языки. Каждое время отмечено своими вехами на зарубежных дорогах русского слова. Полпредами нашего времени стали такие слова, как *combattant de la paix* 'борец за мир', *héros du travail socialiste* 'герой социалистического труда', *maison de la culture* 'дом культуры — дворец культуры', *agrochimie* 'агрохимия', *une économie à branches multiples* 'многоотраслевое хозяйство', *le chantier de choc du komsomol* 'ударная комсомольская стройка' (об ударном комсомольском труде на Байкало-Амурской магистрали — БАМ'е). И это только несколько русских слов, словосочетаний и устойчивых выражений во французском языке. Пусть не всегда

обнаруживается прямое заимствование слов, но — что неизмеримо важнее — заимствуется другими языками само понятие: *le chantier de choc du komsomol* 'ударная комсомольская стройка'.

Автор прекрасно понимает, что за пределами книги осталось много и проблем, и языков. Разыскания русских слов в других языках — это кропотливый, но и увлекательный труд. Автор, конечно, не мог охватить многих языков мира и проследить русские слова во всех языках. До настоящего времени мало изучены языки многих народов Африки, Океании, идет изучение, бесспорно, интересной темы — русский язык и его отражение в языках народов Востока. Многое можно еще и расширять, и углублять. Автор только стремился познакомить юных читателей с тем, когда, где, каким образом русские слова входили и входят в разные языки мира, показать, как слово становится полпредом своего родного языка, своей Родины.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Автор надеется, что чтение книги о русском слове в других языках мира пробудит у читателей желание глубже ознакомиться с затронутыми в ней проблемами: «Язык и общество», «Язык, история, культура», «Жизнь и развитие языка», «Межъязыковые контакты». Для того чтобы удовлетворить это желание, здесь приводится список работ, которые посвящены указанным вопросам. В список включены книги, статьи, не требующие особой лингвистической подготовки, а также более специальные работы, чтение которых уже предполагает некоторый минимум лингвистических знаний. Однако изложение материала и в книгах, статьях этого рода достаточно увлекательно и для специально не подготовленного читателя (работы такого рода отмечены звездочкой).

При составлении списка литературы для дальнейшего чтения автор учел также рекомендуемую литературу в двух ранее вышедших книгах серии «Мир знаний»: Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира (М., 1975), Крысин Л. П. Язык в современном обществе (М., 1977). Эти книги во многих вопросах соприкасаются с тематикой книги «Русское слово в языках мира». Именно поэтому в предлагаемый нами список литературы для дальнейшего чтения входят некоторые работы, указанные в книгах, вышедших ранее в данной серии. Эта общность подсказывается и близостью рассматриваемых проблем, и определенным единством методики в отборе и изложении материала о жизни и истории языка.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов.— Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110.

Ленин В. И. Либералы и демократы в вопросе о языках.— Полн. собр. соч., т. 23, с. 423—426.

Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии.— Уч. записки Ленинградского ун-та. Серия филологических наук, вып. 3, № 72, 1974.

* Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX веков. Л., 1964.

Белодед И. К. Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972.

Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира. М., 1948.

* Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М., 1973.

* Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1969.

* Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1976.

Варшавский С. Р. Неизгладимый след. Русские слова в языке калифорнийских индейцев.— «Русская речь», 1968, № 3.

Горбачевич К. С. Русские географические названия. М.— Л., 1965.

* Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968.

Исаев М. И. Сто тридцать равноправных (О языках народов СССР). М., 1970.

Казанский В. А. В мире слов. Л., 1958.

Костомаров В. Г. Русский язык среди других языков мира. М., 1975.

Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М., 1977.

Леонтьевский М. Русский язык Полины Виардо.— «Русская речь», 1968, № 6.

Люстрова З. Н., Скворцов Л. И., Дерягин В. Я. Беседы о русском слове. М., 1976.

Маслеников В. Морская карта рассказывает. М., 1973.

Русинов Р. Русские слова в болгарском языке.— «Русская речь», 1976, № 3.

Сас Стефан. Русский — венгерский. О заимствованиях русской публицистической лексики венгерским языком.— «Русская речь», 1973, № 3.

Стоун Дж. История изучения русского языка в Англии.— «Русская речь», 1970, № 2.

Успенский Л. В. Слово о словах (любое издание).

Успенский Л. В. Ты и твоё имя (любое издание).

Фадеев В. И. Русские слова в английском языке.— «Русская речь», 1969, № 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нашему юному читателю

3

Вступительные замечания

6

Глава 1

СОВЕТСКИЙ СПУТНИК НА ЯЗЫКОВОЙ ОРБИТЕ

12

Глава 2

О ЧЕМ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ СЛОВО

36

Глава 3

СЛОВО — ПОЛПРЕД НАРОДА

54

Глава 4

РОЖДЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

69

Глава 5

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЕ

94

Глава 6

РУССКОЕ СЛОВО: ЧУЖОЕ ИЛИ СВОЕ?

112

Глава 7

МИР СЛОВ — МИР ИДЕЙ

127

Глава 8

РУССКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ МИРА

143

Глава 9

РУССКОЕ СЛОВО: ЧИТАЮТ — ГОВОРЯТ

159

Заключительные замечания

186

Литература для дальнейшего чтения

189

ИБ № 1801

Алла Алексеевна БРАГИНА

**РУССКОЕ СЛОВО
В ЯЗЫКАХ МИРА**

Редактор *Г. В. Карпюк*

Художественный редактор *Т. Г. Никулина*

Технический редактор *Е. Н. Зелянина*

Корректор *В. И. Громова*

Сдано в набор 26.05.78. Подписано к печати
20.10.78. А01048. 84×108¹/₃₂. Бумага ти-
погр. № 3. Гарн. об. новая. Печать высо-
кая. Условн. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,90.
Тираж 150000 экз. Заказ № 2743. Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Просвещение»

Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.

Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано с матриц
ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли
в типографии № 2 Росглавполиграфпрома,
г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8. Заказ 2880.

25 коп.

